Научный журнал «Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 67, январь 2022
No. 67, January 2022

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2022

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тебекин Алексей Васильевич, д-р. экон. наук, д-р техн.наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professo
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Экономические науки

Киселева В. Б., Смирных С. Н.
Развитие инструментария управления затратами в электросетевых компаниях (стр. 10–24)

Киянова М. Е., Черненко О. Б.
Внедрение «умных городов» в Ростовской области: проблемы и перспективы (стр. 25–34)

Минеева Н. Н.
Проблемы цифровизации сельского хозяйства России (стр. 35–47)

Синдеев А. Ю., Черкашина Т. А.
Оценка контрактных прав предприятия как инструмент стратегического управления в постковидный период (стр. 48–59)

Сиротин Д. В.
Развитие интеллектуального капитала российской полупроводниковой промышленности (стр. 60–77)

Юридические науки

Ашыралиева Б. С., Ищанова Г. Т.
Религиозный экстремизм: понятие, сущность и признаки (стр. 78–100)

Иванова Е. В.
Личность преступника и жертвы при совершении угрозы убийством в семейно-бытовой сфере (стр. 101–113)

Коновалова М. А.
Подделка, изготовление, распространение поддельных сертификатов о вакцинации против новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также фиктивных медицинских справок: уголовно-правовые и криминологические аспекты (стр. 114–133)

Невдах О. В.
Генезис правового регулирования лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз в Республике Беларусь (стр. 134–144)

Пантюхина И. В., Сидорова С. А.
Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний (стр. 145–162)

Хлус А. М.
Объект и предмет незаконного оборота наркотиков: уголовно-правовой и криминалистический аспекты (стр. 163–176)

Table of Contents

Economics

Kiseleva V. B., Smirnykh S. N.
Development of cost management tools in power grid companies (pp. 10–24)

Kiyanova M. Y., Chernenko O. B.
Introduction of "smart cities"in the Rostov region: problems and prospects (pp. 25–34)

Mineyeva N. N.
Digitalization in Russian agriculture (pp. 35–47)

Sindeyev A. Y., Cherkashina T. A.
Evaluation of contractual rights of an enterprise as a strategic management tool in the post-crisis period (pp. 48–59)

Sirotin D. V.
Development of the intellectual capital of Russian semiconductor industry (pp. 60–77)

Law

Ashyraliyeva B. S., Ischanova G. T.
Religious extremism: concept, essence and signs (pp. 78–100)

Ivanova Y. V.
The identity of the criminal and the victim when making a death threat in the family and household sphere (pp. 101–113)

Konovalova M. A.
Forgery, manufacture, distribution of fake vaccination certificates against the new coronavirus infection COVID-19, as well as fictitious medical certificates: criminal law and criminological aspects (pp. 114–133)

Nevdach O. V.
The genesis of legal regulation of licensing of forensic examinations in the Republic of Belarus (pp. 134–144)

Pantyukhina I. V., Sidorova S. A.
Forms of interaction of the protective norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation: problems of differentiation and qualification of criminal acts (pp. 145–162)

Khlus A. M.
Object and subject of illegal trafficking in drugs: criminal legal and criminalistic aspects (pp. 163–176)

УДК/UDC 338.585

Развитие инструментария управления затратами в электросетевых компаниях

Киселева Валерия Борисовна
магистрант
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Россия
e-mail:vladnikitenko24@gmail.com

Смирных Светлана Николаевна
кандидат экономических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Россия
e-mail:sns6@yandex.ru
SPIN-код: 3117-2689

Аннотация

В условиях высокой скорости технологических изменений, глобализации рынков, разнообразия социально-экономических кризисов и ужесточения конкуренции повышается актуальность всестороннего исследования затрат предприятий. Функционирование электросетевых компаний характеризуется рядом особенностей, связанных как с институциональной средой их функционирования, так и со спецификой осуществления технологических процессов. Поэтому необходимо совершенствовать инструментарий управления затратами электросетевых компаний. Цель исследования разработка рекомендаций по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях. На основании изучения теоретических и методических аспектов управления затратами предложена пятиэтапная схема управления затратами в электросетевой компании, апробированная на примере АО «Екатеринбургская электросетевая компания» (АО «ЕЭСК»). Для каждого этапа разработан комплекс методических инструментов управления затратами, учитывающий специфику функционирования электросетевых компаний. Результаты апробации доказывают, что предложения по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях являются практически реализуемыми и позволяют повысить эффективность деятельности электросетевых организаций.

Ключевые слова: управление затратами, электросетевая компания, методический инструментарий управления затратами.

Development of cost management tools in power grid companies

Kiseleva Valeriya Borisovna
Master's student
Ural State University of Economics
Ekaterinburg, Russia
e-mail:vladnikitenko24@gmail.com

Smirnykh Svetlana Nikolayevna
Candidate of Economics, assistant professor of Enterprise Economics Department
Ural State University of Economics
Ekaterinburg, Russia
e-mail:sns6@yandex.ru
SPIN-код: 3117-2689

Abstract

The relevance of a comprehensive study of enterprise costs increases in the context of a high rate of technological change, globalization of markets, a variety of socio-economic crises and increased competition. Electric grid companies have some peculiarities associated with both the institutional environment of their functioning and the specifics of their technological processes. Consequently, the methodical toolkit for managing costs in power grid companies needs to be improved. The aim of the study is to develop recommendations for the development of methodical tools for cost management in power grid companies. Based on the study of theoretical and methodical aspects of cost management, we proposed a five-stage cost management scheme in an electric grid company and tested it on the example of Joint-stock company "Ekaterinburg Electric Grid Company"(JSC "EESK"). Methodical cost management tools are developed for each stage and take into account the specifics of the operation of power grid companies. The results of the study confirmed the practical feasibility and efficiency of using the proposed methodical tools for cost management in power grid companies.

Key words: cost management, power grid company, methodical tools for cost management.

В современных условиях высокой скорости экономических преобразований, масштабности кризисных ситуаций, жесткой конкуренции на рынках возникает необходимость во всестороннем исследовании затрат предприятия и оптимизации путей управления ими. Формирование финансовых результатов и управление затратами в электросетевых компаниях характеризуется рядом особенностей, связанных как с институциональной средой их функционирования (например, иерархичность структуры принятия решений о развитии электроэнергетической системы), так и со спецификой осуществления технологических процессов (значительная доля неподконтрольных затрат; большой удельный вес единовременных (инвестиционных) издержек и т. п.). В связи с этим развитие инструментария управления затратами в электросетевых компаниях является актуальной темой исследования.

Цель исследования состоит в разработке рекомендаций по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях.

В ходе исследования были решены следующие основные задачи:

1) изучены теоретические и методические основы управления затратами в электросетевых компаниях;
2) проведен анализ и оценена эффективность управления затратами электросетевой компании АО «Екатеринбургская электросетевая компания» (далее по тексту АО «ЕЭСК»);
3) разработаны рекомендации по развитию инструментария управления затратами электросетевой компании и обоснована их эффективность.

Электросетевые компании могут успешно применять следующие методы управления затратами: стандарт-кост, директ-костинг, метод ABC, кайзен-костинг, CVP-анализ и кост-киллинг [1].

На основании изучения теоретических и методических аспектов управления затратами в электросетевых компаниях, а также результатов анализа эффективности управления затратами в АО «ЕЭСК» предло-

жена следующая схема управления затратами электросетевой компании (табл. 1).

Предлагаемая схема управления затратами в электросетевых компаниях

№ п/п	Наименование этапа управления	Применяемые инструменты управления затратами
1.	Установление стратегических целей управления затратами	Методы стратегического анализа и управления: PEST-анализ, анализ микросреды (отраслевого рынка), SWOT-матрица, система сбалансированных показателей (ССП) и составление стратегической карты
2.	Выявление резервов и факторов оптимизации/снижения затрат	Вертикальный и горизонтальный анализ затрат, факторный анализ затрат (в т. ч. на 1 рубль продукции). Анализ затратоемкости и затратоотдачи (в т. ч. по элементам и статьям затрат). Методы стратегического анализа и управления: SWOT-матрица, система сбалансированных показателей (ССП)
3.	Планирование мероприятий по оптимизации/снижению затрат	Методы технико-экономического обоснования (расчет абсолютного и относительного снижения (экономии) затрат, окупаемости затрат и др.). Методы бизнес-планирования и инвестиционного проектирования (расчет простых и дисконтированных показателей эффективности инвестиций)
4.	Организация и стимулирование внедрения мероприятий по оптимизации/ снижению затрат	Методы управления проектами, в т. ч. составление графиков Ганта, сетевых графиков, метод освоенного объема (EVA) и т. д. SWOT-матрица, система сбалансированных показателей (ССП) с декомпозицией по подразделениям и ответственным исполнителям. Установление ключевых показателей эффективности (KPI) для подразделений (исполнителей), изменение системы премирования

5.	Контроль выполнения мероприятий по оптимизации/ снижению затрат и их корректировка	Методы управления проектами, в т. ч. мониторинг исполнения графиков Ганта, сетевых графиков, показателей метода освоенного объема (EVA). Методы АФХД, технико-экономического обоснования, инвестиционного проектирования: мониторинг фактических значений экономии затрат, эффективности инвестиционных проектов/ мероприятий, показателей затратоемкости и затратоотдачи. Мониторинг и контроль выполнения показателей системы сбалансированных показателей (ССП). Минимизация отклонений (разработка корректирующих мероприятий по оптимизации/снижению затрат)

Таблица 1

Представленная в табл. 1 схема управления затратами позволит обеспечить выполнение основных принципов управления затратами в электросетевой компании, таких как системность, единство методов, управление затратами, на всех стадиях жизненного цикла продукции, повышение заинтересованности всех подразделений предприятия в снижении затрат и др. [2].

Далее приведем основные результаты апробации предложенной схемы управления затратами на примере АО «ЕЭСК» [3; 4]. Главные проблемы АО «ЕЭСК», мешающие компании в поддержании и усилении лидирующего положения на рынке транспортировки электроэнергии в границах муниципального образования город Екатеринбург, представлены в матрице SWOT-анализа (табл. 2).

SWOT-матрица среды функционирования АО «ЕЭСК»

	Возможности: 1. Естественно-монопольное положение. 2. Увеличение потребления электроэнергии физическими лицами. 3. Применение инновационных энергосберегающих технологий в отрасли. 4. Субсидирование электросетевых компаний со стороны государства. 5. Появление новых электронных торговых площадок с более удобным интерфейсом.	**Угрозы:** 1. Ужесточение регулирования тарифов на передачу электроэнергии. 2. Усиление бюрократизации (получение сертификатов на работу в осенне-зимний период, прохождение аттестации). 3. Усиление регулирования отрасли (повышение требований к безопасности подключения к электросетям и ремонтных работ). 4. Снижение уровня доходов населения. 5. Снижение потребления электроэнергии юридическими лицами в условиях распространения коронавирусной инфекции. 6. Необходимость проведения профилактических мероприятий по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции. 7. Закрытие/сбои в работе электронных торговых площадок.
Сильные стороны: 1. Высококвалифицированный персонал. 2. Современное оборудование. 3. Периодическое повышение квалификации персонала. 4. Средний возраст работников — 35 лет. 5. Наличие второй пенсии от предприятия. 6. Устойчивое финансовое состояние. 7. Хорошая репутация.	1. Внедрение и применение инновационных энергосберегающих технологий. 2. Обучение, переобучение, повышение квалификации персонала. 3. Освоение новых электронных торговых площадок. 4. Сохранение высокого качества оказания услуг.	1. Обеспечение необходимого уровня безопасности подключения к электросетям и проведения ремонтных работ. 2. Постоянное повышение квалификации персонала для освоения изменений, происходящих в отрасли, и соответствия всем предъявляемым требованиям. 3. Вакцинация работников от COVID-19. 4. Налаживание более тесного контакта с основными поставщиками (хорошие взаимоотношения с поставщиками позволят сохранить деловые отношения даже в условиях отсутствия специальных торговых площадок).

Слабые стороны: 1. Раздутость штата в отдельных подразделениях. 2. Дочернее предприятие (необходимость согласования решений с вышестоящей организацией). 3. Низкая заработная плата в сравнении с другими компаниями отрасли. 4. Потери электроэнергии при ее транспортировке. 5. Большие расходы на ремонт электрических сетей. 6. Нарастающий износ сетей. 7. Ухудшение качества работы сотрудников в связи с отсутствием контроля в режиме удаленной работы.	1. Снижение потерь электроэнергии при ее передаче за счет реконструкции электрических сетей. 2. Увеличение срока эксплуатации электрических сетей за счет применения инновационных энергосберегающих технологий, которые обеспечат снижение нагрузки на электрические сети. 3. Снижение себестоимости передачи электроэнергии за счет снижения потерь электроэнергии. 5. Повышение заработной платы сотрудников за счет увеличения прибыли от потребления электроэнергии.	1. Сокращение штата работников в «раздутых» службах. 2. Разработка своими силами/покупка программного обеспечения, которое бы отслеживало активность работников во время работы в удаленном режиме. 3. Введение дополнительного стимулирования (премии/благодарственные письма/грамоты) во время работы в удаленном режиме для стимулирования производительности труда работников. 4. Найм дополнительного персонала/обучение уже работающего на предприятии персонала для работы с поставщиками в условиях неработающих торговых площадок.

Таблица 2

В текущей ситуации АО «ЕЭСК» необходимо провести модернизацию трансформаторных пунктов, уменьшить количество работников в «раздутых» подразделениях, часть сотрудников перевести на постоянный режим удаленной работы, а освободившиеся площади сдавать в аренду. В перспективе АО «ЕЭСК» следует оснастить свои подстанции системами регистрации параметров аварийных событий (РАС), внедрить концепцию Smart Grid («умная электросеть») и программно-¬технический комплекс iSAS — интегрированную систему защиты и управления подстанцией для обеспечения релейной защиты, противоаварийной автоматики и автоматизированной системы управления [5].

Ключевыми целями деятельности АО «ЕЭСК» являются:

1) поддержание высокого уровня эксплуатации электросетевого хозяйства,
2) обеспечение надежного электроснабжения потребителей города,
3) создание условий для развития электрических сетей.

Т. к. в компании отсутствует детализация стратегических целей развития, нами была разработана система сбалансированных показателей АО «ЕЭСК» на 2021 г., представленная ниже (табл. 3).

Система сбалансированных показателей АО «ЕЭСК» на 2021 г.

Стратегическая цель	Показатель	Целевое значение (в % от соответствующего значения 2020 г.)
	Финансы	
Рост валовой прибыли	Валовая прибыль	Увеличение валовой прибыли на 5%
Сокращение себестоимости оказываемых услуг	Себестоимость	Снижение себестоимости оказываемых услуг на 3%
	Клиенты	
Повышение удовлетворенности клиентов	Количество поданных жалоб	Сокращение количества жалоб на 15%
	Внутренние бизнес-процессы	
Повышение качества осуществляемых работ	Количество ремонтов Быстрота устранения обрывов электросетей Производительность труда Изношенность оборудования Количество поломок оборудования Срок службы оборудования	Снижение количества ремонтов на 5% Обрывы электросетей должны устраняться в течение 3 часов Рост производительности труда на 5% Снижение изношенности оборудования на 10% Снижение поломок на 5% Срок службы действующего оборудования — 10–15 лет
Прирост обращений через сайт	Заявки, поданные через сайт	Увеличение количества заявок, поданных через сайт, на 10%
Сокращение затрат на покупную электроэнергию для компенсации потерь	Затраты на покупную электроэнергию для компенсации потерь	Снижение затраты на покупную электроэнергию для компенсации потерь на 5%
	Обучение и развитие	
Повышение квалификации сотрудников	Количество работников с высшим образованием	Доля работников с высшим образованием — 75% от общего числа работников
Низкая текучесть кадров	Текучесть кадров	Сокращение численности уволившихся работников на 10%
Достойный уровень заработной платы персонала	Среднемесячная заработная плата работника (за год)	Размер среднемесячной заработной платы одного работника не ниже среднего по отрасли

Таблица 3

Система сбалансированных показателей АО «ЕЭСК» показывает, на что компании необходимо обратить внимание, чтобы улучшить свое положение на рынке электроэнергии.

Таким образом, для улучшения финансового положения АО «ЕЭСК» требуется грамотно подходить к выбору поставщиков, обращая внимание на соотношение цены и качества приобретаемых товаров, работ, услуг; совершенствовать механизм финансового и экономического планирования, управления дебиторской и кредиторской задолженностями. Периодические проверки потребителей электроэнергии на целостность пломб и правильность подключения приборов учета, оснащение контролеров современными приборами контроля для выявления мест несанкционированного подключения к линиям электропередач; организация работы по опломбированию электросчетчиков для предотвращения случаев несанкционированного доступа к ним помогут сократить затраты на покупную электроэнергию для компенсации потерь.

Для повышения удовлетворенности клиентов следует обновить сайт, сделав его максимально простым и удобным в использовании; своевременно обновлять информацию, расположенную на сайте. АО «ЕЭСК» необходимо также систематически повышать квалификацию работников, быстро реагировать на жалобы и обращения клиентов, выполнять работы в установленный срок и без ошибок.

Для улучшения функционирования бизнес-процессов АО «ЕЭСК» следует своевременно обновлять старое оборудование; обеспечить четкое выполнение планово-предупредительных и аварийных ремонтов; разработать и реализовать мероприятия по повышению производительности труда основного персонала. Для повышения эффективности деятельности и удовлетворенности персонала необходимо поддерживать комфортные условия труда; усовершенствовать систему материального стимулирования за выполнение и перевыполнение плана; обеспечить размер заработной платы на уровне не ниже среднеотраслевого; своевременно повышать квалификацию персонала.

Фактическая затратоемкость оказания услуг АО «ЕЭСК» в 2020 г. (табл. 4) оказалась незначительно выше уровня 2019 г. (на 0,6%), но превысила плановое значение на 3,4 коп. (4,2%). Наибольший удельный

вес в затратах компании занимают материальные затраты и затраты на оплату труда.

Динамика затратоемкости оказания услуг АО «ЕЭСК» в 2018–2020 гг. (руб./руб.)

Показатель	**2018 г. (факт)**	**2019 г. (факт)**	**2020 г. (факт)**	**2020 г. (план)**	**Абс. отклонения**		
					2019/ 2018	**2020/ 2019**	**Факт 2020/ План 2020**
Затратоемкость	0,832	0,833	0,838	0,804	0,001	0,005	0,034
Материалоемкость	0,332	0,333	0,349	0,368	0,001	0,016	-0,019
Зарплатоемкость	0,219	0,234	0,239	0,227	0,015	0,005	0,012

Таблица 4

Нами предлагаются и обосновываются следующие мероприятия по управлению затратами АО ЕЭСК на 2021 г.

Во-первых, следует реализовать инвестиционный проект модернизации трансформаторных пунктов АО «ЕЭСК», предполагающий обновление 15% наиболее изношенных трансформаторов. Обновление трансформаторов не повлияет на выручку компании, однако снизит себестоимость на 5,6% за счет снижения затрат на покупку электроэнергии для компенсации потерь и затрат на ремонты.

Инвестиционный проект рассчитан на 8 лет (включая инвестиционную стадию), является прибыльным, финансово реализуемым и экономически эффективным (табл. 5). Чистый дисконтированный доход по проекту составит 1230 млн руб., инвестиционные затраты в размере 200,2 млн руб. окупятся за 2,4 г. Проект обновления наиболее изношенных трансформаторов является высокоэффективным, т. к. обеспечивает получение 6,15 руб. чистого дисконтированного дохода с каждого рубля вложенных инвестиций.

Показатели коммерческой эффективности проекта модернизации трансформаторных пунктов АО «ЕЭСК»

Показатель	Фактическое значение	Нормативное значение
Традиционные (учетные) показатели		
Рентабельность инвестиций (по чистой прибыли), %	332,60	0
Период окупаемости, лет	2,60	8 лет
Простые показатели		
Чистый доход, млн руб.	2130,30	0
Срок окупаемости (с начала проекта), лет	2,23	8 лет
Потребность в дополнительном финансировании, млн руб.	200,2	—
Индекс доходности инвестиций	11,64	1
Дисконтированные показатели		
Чистый дисконтированный доход, млн руб.	1230,24	0
Срок окупаемости с учетом дисконтирования, лет	2,37	8 лет
Потребность в дополнительном финансировании с учетом дисконтирования, млн руб.	200,2	—
Внутренняя норма доходности, %	79,68%	11,5%
Индекс доходности дисконтированных инвестиций	7,15	1

Таблица 5

Во-вторых, целесообразно оптимизировать численность персонала в «раздутых» подразделениях компании. Результаты анализа свидетельствуют о наличии «излишней» численности работников в Управлении технологического присоединения, Управлении по экономике и финансам, Юридическом отделе и Департаменте управления персоналом АО «ЕЭСК». Сокращение численности работников данных подразделений на 13 человек позволит снизить затраты на оплату труда (на 8,58 млн руб. в год).

В-третьих, рекомендовано около 20% работников (195 чел.) перевести на постоянный режим удаленной работы, а освободившиеся площади (300 кв. м) сдавать в аренду. Учитывая привлекательное территориальное расположение офиса АО «ЕЭСК» в центре Екатеринбурга, найти арендаторов будет несложно, а годовая прибыль компании от сдачи помещений в аренду составит 6,36 млн руб.

Безусловно, в рамках данного исследования мы смогли детально разработать и обосновать эффективность лишь некоторых мероприятий

по управлению затратами АО «ЕЭСК». Однако даже их практическая реализация позволит существенно повысить результативность деятельности компании (табл. 6).

Динамика основных экономических показателей деятельности АО «ЕЭСК» с учетом внедрения мероприятий по управлению затратами

Показатель	2020 г. (факт)	2020г. (с учетом мероприятий)	Изменение показателя	
			Абс-е	Относ-е, %
Выручка, млн руб.	5258	5264	6	0,11
в т. ч.: - выручка от прочей деятельности	31	37	6	19,35
Себестоимость продукции (услуг), млн руб.	4122	3883,4	-238,6	-5,79
в т. ч.: - покупная электроэнергия на компенсацию потерь	1408	1197	-211	-14,99
- затраты на ремонт	96	77	-19	-19,79
- затраты на оплату труда	855	846,4	-8,6	-1,00
Валовая прибыль, млн руб.	1136	1380,6	244,6	21,53
Среднесписочная численность персонала, чел.	989	976	-13	-1,31
Производительность труда, млн руб./чел.	5,32	5,39	0,08	1,45
Рентабельность активов, %	7,81	9,49	1,62	21,51
Рентабельность продаж, %	21,61	26,23	4,45	21,38
Рентабельность продукции, %	27,56	35,55	7,69	28,99
Затратоемкость, руб./руб.	0,838	0,792	-0,046	-5,49
Зарплатоемкость, руб./руб.	0,349	0,306	-0,044	-12,32
Материалоемкость, руб./руб.	0,239	0,237	-0,002	-0,84

Таблица 6

Для оценки суммарного влияния предложенных мероприятий на основные экономические показатели деятельности компании был использован принцип сравнения «С и БЕЗ проекта (мероприятия)»; расчеты произведены в текущих ценах на основе фактических показателей компании за 2020 г.

Таким образом, реализация предложенных мероприятий позволит в полном объеме достичь следующих целевых показателей системы сбалансированных показателей АО «ЕЭСК»:

1) снижение себестоимости (на 5,8%),
2) рост валовой прибыли (на 21,5%),
3) сокращение затрат на покупную электроэнергию для компенсации потерь (на 15%).

Кроме того, разработанные рекомендации по управлению затратами обеспечат следующую динамику показателей: сокращение числа ремонтов (затраты на них сократятся на 19,8%), снижение изношенности оборудования (будет обновлено 15% трансформаторов), повышение производительности труда (на 1,5%), что окажет положительный эффект на деятельности организации.

Полученные нами на примере АО «ЕЭСК» результаты доказывают, что предложения по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях являются практически реализуемыми и позволяют повысить эффективность деятельности организаций данного типа.

Последний абзац текста.

Список литературы:

1. Барбарская М. Н., Колесникова Е. С. Основные направления оптимизации процесса управления затратами предприятия электросетевого комплекса // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2019. № 2. С. 63–72.

2. Подгорная А. Г., Тюрев В. К. Принципы и цели управления затратами // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2017. № 2. Т. 1. С. 136–139.

3. Екатеринбургская электросетевая компания // АО «ЕЭСК». URL: http://www.eesk.ru (дата обращения: 18.06.2021).

4. Сетевое издание Информационный ресурс СПАРК. URL: http://www.spark-interfax.ru/ (дата обращения: 17.03.2021).

5. Егоров М. Топ-5 инноваций в энергетике: от интернета вещей до «умных» сетей // ИКС (ИнформКурьер-Связь). 2019. № 2. С. 12–15.

References:

1. Barbarskaya M. N., Kolesnikova E. S. The main directions of optimization of the cost management process of the enterprise of the power grid complex // Journal "U". Economy. Control. Finance. 2019. No. 2. Pp. 63–72.

2. Podgornaya A. G., Tyurev V. K. Principles and objectives of cost management // New Science: Experience, Traditions, Innovations. 2017. No. 2.Vol. 1. Pp. 136–139.

3. Yekaterinburg Electric Grid Company // JSC "EESK". URL: http://www.eesk.ru (access date: June 18, 2021).

4. Online edition SPARK information resource. URL: http://www.spark-interfax.ru/ (access date: March 17, 2021).

5. Egorov M. Top-5 innovations in the energy sector: from the Internet of things to "smart"networks // ICS (InformKuryer-Svyaz). 2019. No. 2. Pp. 12–15.

УДК/UDC 332.14

Внедрение «умных городов» в Ростовской области: проблемы и перспективы

Киянова Мария Евгеньевна
магистрант кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail:evgenevna.masha@list.ru

Черненко Ольга Борисовна
доктор экономических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail:obch2911@yandex.ru
SPIN-код: 8992-2472

Аннотация

В современном мире при значительной степени урбанизации повышается интерес к проблемам умного и стабильного городского планирования, которое находится в основе разработки и осуществления концепции «умный город». Улучшение экономических возможностей, степени бюджетной обеспеченности, понижение экологической нагрузки, капитализация человеческих ресурсов на базе внедрения цифровых технологий в социальное развитие находятся в основе современных толкований и подходов к понятию концепции «умного города». В данной статье анализируется определение «умный город» как одно их главных направлений дальнейшего социально-экономического развития страны, которое может привести к организации качественно нового уровня жизни граждан при совершенствовании подходов к управлению. Выявляются основные проблемы цифровизации городского хозяйства и перспективы его развития в Ростовской области.

Ключевые слова: «умный город», цифровая трансформация, регион, Ростовская область.

Introduction of "smart cities"in the Rostov region: problems and prospects

Kiyanova Mariya Yevgenyevna
student in the master's programme of the Department of State, Municipal Management and Economic Security
Rostov State University of Economics (RSUE)
Rostov-on-Don, Russia
e-mail:evgenevna.masha@list.ru

Chernenko Olga Borisovna
Doctor of Economics, professor of the Department of State, Municipal Administration and Economic Security
Rostov State University of Economics (RSUE)
Rostov-on-Don, Russia
e-mail:obch2911@yandex.ru
SPIN-код: 8992-2472

Abstract

In today's world, with a significant degree of urbanization, there is an increasing interest in the problems of smart and sustainable urban planning, which is at the heart of the development and implementation of the "smart city" concept. Improving economic opportunities, the degree of budgetary provision, lowering the environmental burden, capitalizing human resources through the introduction of digital technologies in social development are at the heart of modern interpretations and approaches to the concept of a "smart city". This article analyzes the definition of "smart city"as one of the main directions of further socio-economic development of the country, which can lead to the organization of a qualitatively new standard of living of citizens while improving approaches to management. The main problems of digitalization of the urban economy and the prospects for its development in the Rostov region are identified.

Key words: "smart city digital transformation, region, Rostov region.

Во время увеличения количества кризисных явлений в экономическом и общественном пространстве разработка и реализация концепции «умный город» становится одним из важнейших направлений страте-

гического развития регионов и городов. Для решения проблем местные органы власти, организации и население взяли идею «умного города», в рамках которой путем применения различных технологий обеспечиваются благоприятные условия для жизни населения, а также гарантируется защита и сохранение окружающей среды. При этом прогнозируемая цифровизация экономики позволит увеличить число «умных городов». Широкомасштабное применение технологий ИКТ-сектора и автоматизация различных процессов управления хозяйством города учеными рассматривается как способ решения общественных проблем в социуме в силу того, что человек и его взаимодействие с внешними факторами, в т. ч. в рамках городской среды, обязаны оставаться базисом разработки и реализации концепции «умный город» [1]. Преимуществом представленной концепции также является взаимосвязь органов государственной власти и представителей социальных организаций, которые отвечают за ее реализацию.

Все возрастающий престиж городов в изменяющемся мире определяет новые задачи для городской сферы. Излишняя плотность, транспортные вопросы, экологические проблемы, трансформация запросов жителей и бизнеса к качеству городской среды и услуг — небольшой перечень вызовов, с которыми встречаются современные города. В данных условиях происходит поэтапный пересмотр подходов к управлению городским развитием, которое все больше базируется на прогрессивных технологических решениях, цифровизации и платформизации. В идеальном представлении речь идет о переходе к целостной цифровой городской экосистеме, которая соответствует появляющимся вызовам, содействует удовлетворению потребностей всех ее участников, а также обеспечивает более качественное объединение отдельных звеньев городской инфраструктуры.

Для осознания такого перехода обычно употребляют термин «умный город» (smart city). При этом важное место отводится информационно-коммуникационным технологиям (далее по тексту — ИКТ), поддерживающим качественное обеспечение актуальных процес-

сов городской жизни и помогающим находить различные решения появляющихся проблем благодаря вовлечению граждан, бизнеса и властей.

Российские города играют центральную роль в национальной экономике, однако все чаще встречаются с вызовами, которые мешают их действенному развитию. Такие вызовы можно увидеть на рис. 1.

Вызовы, препятствующие эффективному развитию городов

Рисунок 1

Большинство вопросов, связанных с преодолением обозначенных вызовов, могут быть решены за счет реализации в российских городах концепции «умного города».

В условиях развития цифровой экономики для «умного города» сценарий цифровой трансформации становится способом переустройства управления и его интеллектуализации за счет изменений, изображенных на рис. 2.

Сценарий преобразования «умного города»

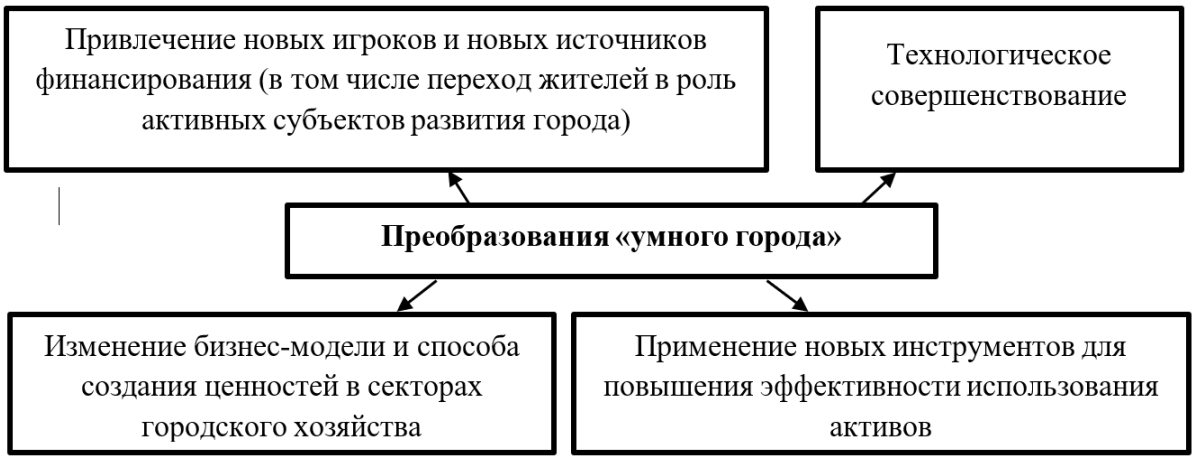

Рисунок 2

Умный стабильный город представляет собой инновационный город, в котором ИКТ, с одной стороны, применяются с целью обеспечения роста качества жизни населения, действенности функционирования города и предоставления городских услуг, а также для упрочения конкурентоспособности, а с другой — удовлетворяют нужды будущих поколений, не оказывая отрицательного воздействия на социально-экономические и экологические элементы города [2].

В рамках реализации национальных проектов «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика», регионального проекта «Умные города Ростовской области» и Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ростовской области проект «Умный город» будет исполнен в семи городах Ростовской области: г. Ростов-на-Дону, г. Волгодонск, г. Новошахтинск, г. Шахты, г. Новочеркасск, г. Батайск, г. Таганрог.

На рис. 3 представлены основные направления развития городской среды Ростовской области.

Рассмотрим внедрение системы «Умный город» в г. Волгодонск Ростовской области. Волгодонск один из главных городов атомной отрасли. В этом месте размещен завод атомного машиностроения «Атоммаш» и находится самая южная российская атомная станция – Ростовская АЭС,

Основные направления развития городской среды Ростовской области

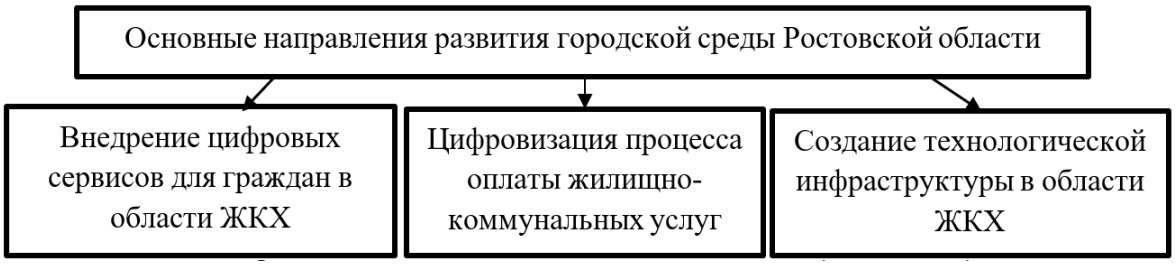

Рисунок 3

а также большинство жителей города заняты в сфере атомной промышленности [3].

Соглашение о запуске программно-аппаратного комплекса «Умный город Волгодонск» подписали губернатор В. Голубев и генеральный директор концерна «Росэнергоатом» А. Петров. Проект предполагает организацию цифровой городской инфраструктуры и управление всеми городскими системами из единственного центра.

Платформу «Умный город Волгодонск» можно охарактеризовать как программно-аппаратный комплекс со множеством сервисов для населения и муниципалитета. Это комплект инфраструктуры и модулей, связанных единым веб-ресурсом. Часть из них закрытые, а часть определена для социального обеспечения: информационные и бытовые сервисы, в т. ч. для взаимодействия между пользователями, представителями администрации г. Волгодонска и подрядными организациями. Проект включает все направления набора элементов «умного города», которые находятся в методических рекомендациях по подготовке регионального проекта «Умные города» Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. На реализацию проекта «Умный город Волгодонск» правительство Ростовской области и концерн «Росэнергоатом» направят по 12,5 млн рублей.

«Умный Волгодонск» содержит в себе 14 модулей, куда входят блоки инноваций для городской среды, транспорта, городского управления, ЖКХ, туризма. Модули помогут гражданам решать различные буднич-

ные дела в режиме онлайн. Например, оплата детских секций просмотр реального движения транспорта. Через сервисы обратной связи городские жители смогут участвовать в трансформации города, ускорят решение городских проблем [4].

Ряд модулей системы «Умный город» нацелен на рост эффективности сферы ЖКХ. В частности, начнет внедряться интеллектуальная система учета коммунальных ресурсов. На указанном этапе в нескольких школах города будут выполнены программы по оптимизации применения коммунальных ресурсов, которые в будущем будут размножены во все муниципальные учреждения. За счет внедрения «энергосервисных контрактов» и введения интеллектуальных систем энергопотребления расходы на электроснабжение и отопление школ должны уменьшиться на 30%. Программа позволяет автоматически понижать температуру в школе во время каникул и на выходные, а за несколько часов до начала занятий ее увеличивать.

Так, в рамках проекта «Умный город» начнут действовать виды систем, сервисов, технологий, представленные на рис. 4.

Набор элементов инфраструктуры «Умного города» Волгодонска

Рисунок 4

В городе заработает система сбора жалоб на работу коммунальных и муниципальных служб: на электронной карте появится возможность

поставить «красный флажок» и загрузить фотографии, на которых будет видна проблема (городская свалка, прорыв водопровода, яма на дороге, проблемы с освещением и др.). Соответствующие службы должны будут в определенные сроки откликнуться на каждую жалобу.

На интерактивной карте горожане смогут следить за графиком вывоза твердых коммунальных отходов, отслеживать графики уборки улиц. Кроме того, в городе появится система видеонаблюдения за контейнерными площадками, позволяющая проверять их условия и соблюдение графика вывоза мусора.

На улицах города возведут 20 «умных» остановок, благодаря которым люди будут отслеживать прибытие транспорта.

Предусмотрена интеграция с уже имеющимися системами для граждан и администрации. Например, платформа будет объединена с областной программой «Активный горожанин». После интеграции систем и введения ключевых модулей эксперты АО «Русатом Инфраструктурные решения» проведут обучение для сотрудников администрации и ведомств [5].

На сегодняшний день нормативно-правовая среда, регулирующая механизмы применения «умных городов» и схемы субсидирования мероприятий по цифровизации городского хозяйства, проработана недостаточно. Это одни из первоочередных проблем в части исполнения мероприятий в области цифровизации. Решение отмеченных в данной статье проблем возможно при наличии «единого центра управления» проектом «Умный город» в лице одного из федеральных органов власти. Рассмотрим на рис. 5 пути решения проблем в части исполнения мероприятий в области цифровизации «умного города».

Пути решения проблем в части исполнения мероприятий в области цифровизации «умного города»

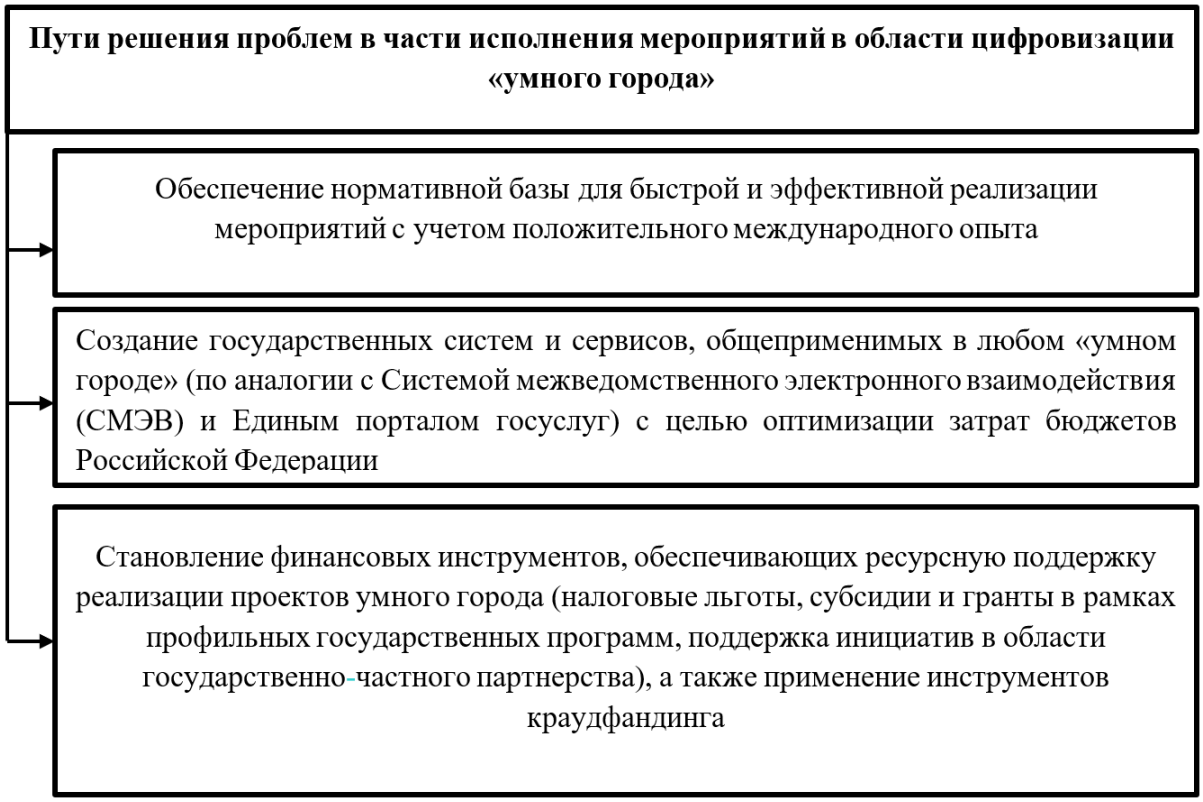

Рисунок 5

Таким образом, можно сделать вывод, что трансформация городов в «умные» является мировым трендом, а также в действительности достижимой возможностью для российских городов. Одновременно, модификация стратегий развития городов предполагает кардинальную реорганизацию системы управления муниципалитетами посредством смены направлений, стандартов, целей и задач их деятельности.

Итогом этих основательных переустройств станет привлекательный для жизни «умный город», объединенный в межрегиональную и международную интеллектуальную сеть, способный максимально качественно применить доступные ему территориальные и ресурсные возможности.

Список литературы:

1. Ганин О. Б., Ганин И. О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития // Ars Administrandi. Искусство управления. 2014. № 1. С. 124–135. 2. Макаренко

К. В., Логиновская В. О. «Умный город»: стандарты, проблемы, перспективы развития // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2019. № 3. С. 165–171.

3. Администрация Ростовской области (АПК «Безопасный город») // TAdviser.ru. URL. https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Администрация_Ростовской_области_ (АПК_Безопасный_город) (дата обращения: 17.11.2021).

4. В Волгодонске внедряется комплекс «Умный город» // Министерство жилищно-коммунального хозяйства Ростовской области. URL. https://minjkh.donland.ru/presscenter/news/79113/ (дата обращения: 17.11.2021).

5. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ростовской области // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: https://www.donland.ru/activity/2760/(дата обращения: 20.11.2021).

References:

1. Ganin O. B., Ganin I. O. "Smart City": Prospects and Development Trends // Ars Administrandi. The art of management. 2014. No. 1. Pp. 124–135.

2. Makarenko K. V., Loginovskaya V. O. "Smart city": standards, problems, development prospects // Bulletin of SUSU. Series "Computer technologies, control, radio electronics". 2019. No. 3. Pp. 165–171.

3. Administration of the Rostov region (APK "Safe City") // TAdviser.ru. URL. https://www.tadviser.ru/index.php/Project: Administration of the_Rostov_region_-(APK_Safe_city) (access date: November 17, 2021).

4. The “Smart City” complex is being introduced in Volgodonsk // Ministry of Housing and Communal Services of the Rostov Region. URL. https://minjkh.donland.ru/presscenter/news/79113/ (access date: November 17, 2021).

5. Strategy in the field of digital transformation of economic sectors, social sphere and public administration of the Rostov region // Official portal of the Government of the Rostov region. URL: https://www.donland.ru/activity/2760 (access date: November 20, 2021).

УДК/UDC 338.43

Проблемы цифровизации сельского хозяйства России

Минеева Наталья Николаевна
кандидат экономических наук
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург, Россия
e-mail:9220350757@mail.ru
SPIN-код: 7591-7051

Аннотация

Предметом исследования являются процессы цифровизации агропродовольственной системы (АПС) России. Цель исследования — оценка возможности цифровой трансформации сельского хозяйства как основного звена АПС. Актуальность исследования обусловлена объективной необходимостью включения АПС России в процессы цифровизации экономики страны. Цифровизация сельского хозяйства необходима для повышения эффективности и устойчивости его функционирования путем кардинальных изменений качества производства и управления на всех стадиях и уровнях. Главная задача цифровизации — снижение затрат на производство продукции, повышение ее качества и конкурентоспособности на основе эффективного использования ресурсов и научно обоснованных подходов. Этап цифровизации является естественным продолжением этапов индустриализации, механизации и автоматизации экономики и непосредственно следует за ними. В настоящее время Министерство сельского хозяйства Российской Федерации рассматривает лишь два основных направления цифровизации, имеющих либо уже достаточно подготовленную техническую базу, либо насущную необходимость. В качестве вывода приводится обоснование невозможности полной цифровизации в основных отраслях сельского хозяйства.

Ключевые слова: цифровизация, агропродовольственная система, продовольственная безопасность.

Digitalization in Russian agriculture

Mineyeva Natalya Nikolayevna
Candidate of Economics
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
e-mail:9220350757@mail.ru
SPIN Code: 7591-7051

Abstract

The subject of the research is the processes of digitalization of the agri-food system (APS) in Russia. The purpose of the study is to assess the possibility of digital transformation of agriculture as the main link of the APS. The relevance of the study is due to the objective need to include the APS of Russia in the processes of digitalization of the country's economy. The digitalization of agriculture is necessary to increase the efficiency and sustainability of its functioning through cardinal changes in the quality of production and management at all stages and levels. The main task of digitalization is to reduce the cost of manufacturing products, improve their quality and competitiveness based on the efficient use of resources and scientifically based approaches. The digitalization stage is a natural continuation of the stages of industrialization, mechanization and automation of the economy and immediately follows them. Currently, the Ministry of Agriculture of the Russian Federation is considering only two main areas of digitalization, which either have a sufficiently prepared technical base, or an urgent need. As a conclusion, the substantiation of the impossibility of complete digitalization in the main sectors of agriculture is provided.

Key words: digalization, agri-food system, food security.

Мировая практика показывает однозначную эффективность цифровизации сельского хозяйства. Цифровизация в аграрной сфере позволяет снизить риски и сезонность производства, адаптироваться к изменениям климата, повысить урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животных, усилить контроль качества продукции от производства до продажи, а следовательно, повысить уровень продовольственной безопасности. Опыт стран с развитой аграрной отраслью свидетельствует о том, что внедрение IT-технологий в производство

позволит сократить незапланированные расходы до 20% от их первоначальной стоимости путем использования доступных мобильных или онлайн-приложений для принятия оптимальных управленческих решений. Кроме того, новые технологии посредством использования национальных и международных информационных систем позволяют проследить весь путь продвижения продукта от поля до потребителя, что гарантирует его качество и позволяет удовлетворить потребности клиентов.

Однако в России проведение процессов цифровизации сельского хозяйства не получает должного применения, что связано прежде всего с неготовностью большинства отраслей агропродовольственной системы (далее по тексту — АПС) к ее полному внедрению [1–3]. Частичное же внедрение цифровизации не приносит каких-либо значимых эффектов, а лишь усиливает ничем не компенсируемую бюрократическую нагрузку на конечных и промежуточных исполнителей.

По площади сельскохозяйственных угодий Российская Федерация занимает третье место в мире после США и Индии, но по уровню показателей продуктивности и эффективности существенно отстает от стран с высоким уровнем развития сельского хозяйства. Так, в частности, в АПС России занято около 9% работающего населения страны (непосредственно в сельском хозяйстве — около 7%). При этом доля сельского хозяйства в ВВП стабильно не превышает 5%, что косвенно свидетельствует о низкой производительности труда в агросфере Российской Федерации [4].

Прямой показатель — валовая стоимость сельскохозяйственной продукции, произведенной одним работником, в разы ниже, чем в странах, импортирующих продукты питания в Россию. И хотя такие показатели имеют некоторую положительную динамику в абсолютном выражении, это связано лишь с некоторыми диспропорциями в расчете стоимости продукции, в т. ч. за счет изменения технологии и снижения качества конечного продукта, но никак не с увеличением реального объема производства. Следствием недостаточного производства в совокупности с отсутствием четких стандартов качества является низкое

качество продукции на современном рынке продовольствия Российской Федерации. В структуре потребления преобладают дешевые и низкокачественные продукты питания, а потребление мясной, молочной продукции, овощей и фруктов находится ниже медицинских норм. Также большое количество посредников, технологическая сложность производства большинства продуктов питания, неконтролируемые торговые наценки в совокупности с рядом других факторов обуславливают высокую цену для конечного потребителя при низкой окупаемости затрат у производителя.

Совершенно очевидно, что АПС России нуждается в модернизации. Обеспечение продовольственной безопасности возможно лишь путем трансформации сельского хозяйства в высокотехнологичную отрасль [5].

Текущее состояние отечественной АПС вызывает серьезную обеспокоенность: в сельском хозяйстве преобладает инерционный тип организации производства, традиционные технологии с низким уровнем автоматизации. Такой тип АПС, несмотря на высокую степень использования преимуществ традиционных организационных форм, не сможет привести к необходимым результатам, обеспечивающим даже минимальное развитие или неухудшение существующего положения. Вследствие этого нормы обеспечения населения продовольствием за счет внутреннего производства не исполняются, поскольку имеющиеся на сегодняшний день базовые условия развития производства продуктов питания и сельскохозяйственного сырья являются неудовлетворительными, а баланс экспортно-импортных операций на рынке продовольствия не оказывает значимого стимулирующего влияния на АПС России.

Поэтому более предпочтительным представляется инновационный сценарий развития отрасли (включая цифровизацию всех этапов производственного цикла), предполагающий высокую эффективность аграрного производства, но требующий значительных институциональных трансформаций в АПС. Оптимальные условия такой трансформации могут быть созданы лишь путем государственного регулирования продо-

вольственного рынка через регламентацию технических и технологических процессов, стандарты качества, целевое финансирование, кредитные ставки, компенсации и тарифную политику. Любые меры государственной поддержки должны быть направлены не на лоббирование и защиту интересов отрасли или ее отдельных субъектов, а на прямое повышение интенсивности производства за счет прежде всего механизации и автоматизации АПС, стандартизации и контроля качества сельскохозяйственной продукции, диверсификации деятельности предприятий аграрного сектора.

Так, в ключевых отраслях АПС (растениеводство, животноводство) в России уровень механизации крайне низкий (например, количество тракторов в расчете на 100 км2 обрабатываемых площадей в 6 раз ниже, чем в США, и в 17 раз ниже, чем в Германии), а уровень физического износа средств труда повсеместно превышает 70%. Комплексная автоматизация рабочих процессов в пределах всего технологического цикла практически отсутствует, за исключением отдельных случаев. Ограниченность технических и технологических возможностей расширения масштабов и объемов деятельности (даже в рамках одного предприятия путем диверсификации) исключает не только текущую, но и перспективную возможность инновационной трансформации АПС. Большая доля подсобных крестьянских и малых фермерских хозяйств, низкий удельный вес крупных агропредприятий в структуре категорий хозяйств, осуществляющих свою деятельность в аграрной отрасли [6], — еще одно ограничение перехода к цифровым методам работы.

Переход от стадии частичной механизации к полной цифровизации требует соответствующих инвестиций, а источники собственных средств у малых предприятий крайне ограничены. Объемы выручки, прибыли, основных и оборотных средств малого бизнеса объективно не сопоставимы с возможностями крупного производства, поэтому и внедрение инновационных технологий и полная цифровизация им (т. е. большей части АПС) недоступны и, очевидно, невыгодны. Впрочем, не все даже крупные сельскохозяйственные предприятия самостоятельно способны

финансировать такие масштабные инвестиционные проекты без соответствующего субсидирования.

В связи с чем следует однозначно констатировать отсутствие каких-либо исторических предпосылок к внедрению цифровых технологий в российском сельском хозяйстве.

Более заметны достижения цифровизации АПС в сферах обращения и государственного управления сельским хозяйством. Однако даже здесь по мнению аналитиков Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, данному процессу препятствуют такие факторы, как [7]:

1) отсутствие полной и актуальной информации о земельных, трудовых и других базовых ресурсах, природных факторах, капиталах, задействованных в сельскохозяйственном производстве, о сфере сбыта продукции с учетом экспортно-импортной составляющей, и, как следствие, низкий информационный обмен, слабая степень координации принятия управленческих решений на всех уровнях, невозможность полномасштабного планирования;
2) дефицит специалистов, способных эффективно работать с инновационными цифровыми технологиями, на отраслевом рынке труда;
3) отсутствие реальных и эффективных стимулов для производства продукции с гарантированными потребительскими качествами в условиях отсутствия национальных и международных информационных систем, позволяющих отслеживать движение продукции от стадии получения сельскохозяйственного сырья до продажи конечного продукта покупателю;
4) высокая цена импортных цифровых технологий в сочетании с неконкурентоспособностью отечественных разработок;
5) отсутствие достаточных технических, технологических и финансовых средств для внедрения и использования цифровых технологий.

Существуют и институциональные проблемы всеобщей цифровизации. Так, в частности, невозможно цифровизировать отдельные отрасли, не затрагивая экономику в целом. Или цифровизировать экономику, не затрагивая при этом правоохранительную или налоговую систему. И в том, и в другом случае эффект от цифровизации будет минимальным и несопоставимым с ростом непроизводительных расходов и трудозатрат.

Материалы и методы цифровизации сельского хозяйства в Российской Федерации.

Научно-технологическое развитие в области цифрового сельского хозяйства предполагает внедрение в субъектах Российской Федерации не менее шести проектов полного инновационного комплексного научно-технического цикла сквозных цифровых систем: «Цифровые технологии в управлении АПК», «Цифровое землепользование», «Умное поле», «Умный сад», «Умная теплица», «Умная ферма», основанных на современных конкурентоспособных отечественных и зарубежных технологиях, методах, алгоритмах [8].

Система «Цифровые технологии в управлении АПК» предполагает широкое использование экономико-математических моделей анализа, управления и прогнозирования на основе объемных массивов и баз данных и возможностей их цифровой обработки.

Программа «Цифровое землепользование» представляет собой интеллектуальную систему управления, планирования и использования земель сельскохозяйственного назначения, функционирующую на основе цифровых, дистанционных, геоинформационных технологий и методов компьютерного моделирования с целью улучшения контроля за использованием земель.

Введение системы «Умное поле» предназначено для обеспечения стабильного роста производства сельскохозяйственной продукции растениеводства за счет внедрения цифровых технологий сбора, обработки и использования массива данных о состоянии почв, растений и окружающей среды. В настоящее время в России только 10% пашни обрабатываются с применением цифровых систем, что является крайне низким пока-

зателем, препятствующим интенсификации сельского хозяйства в части использования земельных ресурсов, и выражается в низкой урожайности. В свою очередь, внедрение цифровых методов позволит сократить потери урожая на 40%.

Интеллектуальная техническая система «Умный сад» осуществляет в автоматическом режиме анализ информации о состоянии агробиоценоза сада, принятие управленческих решений и их реализацию роботизированными техническими средствами.

Программно-аппаратное решение и роботизированная интеллектуальная технология выращивания сельскохозяйственных растений в закрытых системах «Умная теплица» позволяет снизить издержки производства и повысить производительность работ.

Технико-технологическое решение нового поколения на основе интеллектуальных цифровых технологий «Умная ферма» представляет собой комплекс роботизированных машин для фермерских хозяйств с привязным и беспривязным содержанием животных, что позволяет на 20–30% повысить эффективность работы фермы.

Общими результатами цифровизации процессов в агросфере в целом должны стать:

1) формирование новых и совершенствование имеющихся информационных систем данных в сфере сельского хозяйства;
2) цифровое планирования сельскохозяйственного производства во всех регионах России;
3) комплексное освоение территории, природо- и ресурсосберегающее ведение деятельности;
4) снижение затрат на производство сельскохозяйственной продукции и продовольствия, оптимизация землепользования;
5) повышение производительности труда на сельскохозяйственных предприятиях;
6) рост экспортной выручки в 2,5 раза;
7) повышение эффективности сельскохозяйственного производства;

8) повышение качества жизни работников сельского хозяйства.

Дискуссия и результаты.

Очевидно, что большинство целей решает лишь текущие управленческие запросы, включая создание новой информационной структуры, а насущные проблемы населения сельских территорий (уровень жизни и его составляющие), равно как и обеспечение продовольственной безопасности, идут лишь дополнением, но даже и в такой подаче эти прогнозируемые результаты остро необходимы переживающему кризис сельскому хозяйству. Вместе с тем реальность достижения таких результатов непосредственно зависит от промежуточных этапов и прежде всего от суммы финансирования затрат на их осуществление.

Международные эксперты предупреждают, что даже самая эффективная национальная АПС в мире не способна трансформироваться в наукоемкую постиндустриальную структуру да и просто развиваться без государственной помощи. Связано это не только с тем, что продовольственная безопасность — один из основных приоритетов государственной политики любой страны, но и с объективно существующими факторами — спецификой сельского хозяйства. Согласно ведомственному проекту «Цифровое сельское хозяйство», для реализации цифровой трансформации сельского хозяйства планируется выделить в период с 2021 по 2024 гг. 300 млрд руб. (из федерального бюджета — 152 млрд руб. и 8 млрд руб. — из бюджетов субъектов Российской Федерации). Однако, по мнению Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [9], существенная часть цифровизации процессов в отечественной аграрной сфере должна осуществляться только за счет внебюджетного финансирования — 140 млрд руб., что однозначно указывает на изначальную невозможность проведения каких-либо этапов цифровизации (за исключением разве что таких направлений, как «Цифровые технологии в управлении АПК» и частично «Цифровое землепользование»).

Как показывает практика, сумма инвестиций в агротехнологии в мире неуклонно растет, и наибольшую долю — свыше 50% — таких инвестиций осуществляет США, а доля России в общемировом рейтинге

даже не прослеживается. При этом наиболее привлекательными инвестиционными сегментами в последнее десятилетие стабильно являются (по объему вложенных средств):

1) продуктовый маркетплейс, фермерская электронная коммерция, торговля продуктами питания;
2) технологии растениеводства (сортовое семеноводство и пр.), технологии обработки земли, биотехнологии;
3) приложения для управления мини-фермой или теплицей.

Из этого следует, что последовательное повышение уровня технической оснащенности отечественных сельскохозяйственных предприятий до уровня «Индустрия 4.0» не является приоритетным направлением для частных внешних инвесторов. Не стоит ожидать и инвестиций частных лиц, поскольку реальные располагаемые доходы населения стабильно сокращаются, а расходы непропорционально растут начиная с 2014 г., и предпосылки к изменению этой тенденции в обозримом будущем отсутствуют.

Надеяться на собственные источники финансирования также не имеет смысла по причине несопоставимости размера прибыли агропредприятий и необходимой минимальной стоимости фрагментарного внедрения новых технологий. При этом, как отмечают разработчики и поставщики IT-технологий, имеет смысл устанавливать весь комплект целиком, а не частично, т. к. расходы на обслуживание практически одинаковы, а отдача от отдельных элементов несопоставима с отдачей комплексного использования.

При этом все необходимые предпосылки для цифровизации наблюдаются в отраслях, смежных с сельским хозяйством, — материально-техническое снабжение, переработка, сбыт, логистика, транспорт и торговля — во многом благодаря высокой оборачиваемости средств, низкой капиталоемкости и отсутствию специфической инертности основных отраслей АПС (растениеводства, животноводства). Можно прогнозировать постепенное снижение (до 35% от базового уровня) полной себестоимости продуктов питания благодаря исключению из добавленной стоимости из-

быточных промежуточных посредников. Но эти позитивные изменения вряд ли коснутся производителя сельскохозяйственного сырья и конечного потребителя. При существующем положении дел разницу между продажной ценой и полной себестоимостью получит торговая сеть, которая не заинтересована в снижении розничных цен при неэластичном спросе, а производитель сельскохозяйственного сырья никак не сможет повлиять на этот процесс. Таким образом, реальная возможность получения положительных результатов цифровизации в ключевых отраслях сельского хозяйства России оценивается в настоящее время как маловероятная.

Проведенное исследование показывает наличие системных диспропорций в процессах цифровизации сельского хозяйства России. Очевидно, что цифровизацией в ближайшее время будут охвачены все без исключения управляющие и регулирующие структуры АПС. В то же время основных отраслей сельского хозяйства (растениеводство, животноводство) цифровизация коснется лишь частично в плане расширения разного рода бюрократических процедур и прежде всего составления и представления информации органам управления и контроля по новым формам, параметрам и методикам. В основных производственных процессах программы цифровизации при имеющемся состоянии дел не могут быть задействованы как-либо масштабно. Из чего однозначно следует вывод: главнейшая цель цифровизации — общий качественный экономический рост сельскохозяйственного производства — носит лишь декларативный характер и никаких экономических предпосылок для реализации не имеет.

Список литературы:

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/71937200 (дата обращения: 11.11.2021).

2. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/71551998 (дата обращения: 11.11.2021).

3. О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2016 № 350 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71450102/ (дата обращения: 11.11.2021).

4. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2017 № 996 // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/71755402 (дата обращения: 11.11.2021).

5. Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/71734878 (дата обращения: 11.11.2021).

6. Об утверждении Прогноза научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года: Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 12.01.2017 № 3 // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/71599570 (дата обращения: 11.11.2021).

7. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/73438425 (дата обращения: 11.11.2021).

8. Цифровая трансформация сельского хозяйства России: официальное издание. Минсельхоз России. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 80 с.

9. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание Минсельхоз России. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 48 с.

References:

1. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 // Garant. URL: http://base.garant.ru/71937200 (access date: November 11, 2021).

2. On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 No. 642 // Garant. URL: http://base.garant.ru/71551998 (access date: November 11, 2021).

3. On measures to implement the state scientific and technical policy in the interests of agricultural development: Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2016 No. 350 // Garant. URL: https://base.garant.ru/71450102/ (access date: November 11, 2021).

4. On the approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture for 2017–2025: Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2017 No. 996 // Garant. URL: http://base.garant.ru/71755402 (access date: November 11, 2021).

5. On the approval of the Program "Digital Economy of the Russian Federation": Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r // Garant. URL: http://base.garant.ru/71734878 (access date: November 11, 2021).

6. On the approval of the Forecast of scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated January 12, 2017 No. 3 // SPS Garant. URL: http://base.garant.ru/71599570 (access date: November 11, 2021).

7. On the approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated January 21, 2020 No. 20 // Garant. URL: http://base.garant.ru/73438425 (access date: November 11, 2021).

8. Digital transformation of agriculture in Russia: official publication. Ministry of Agriculture of Russia. M.: FGBNU "Rosinformagrotech 2019. 80 p.

9. Departmental project "Digital Agriculture": the official publication of the Ministry of Agriculture of Russia. M.: FGBNU "Rosinformagrotech 2019. 48 p.

УДК/UDC 658.1+336.66

Оценка контрактных прав предприятия как инструмент стратегического управления в постковидный период

Синдеев Андрей Юрьевич
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail:andrei_sindeev@mail.ru

Черкашина Татьяна Алексеевна
кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail:TKCherkashina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7010-0256
SPIN Code: 3033-8123

Аннотация

В работе представлен анализ постковидной ситуации в реальном секторе экономики, мер государства, направленных на поддержку малого и среднего бизнеса, сохранение рабочих мест, занятости трудоспособного населения. Обоснована необходимость в этом контексте оценки контрактных прав предприятий и фирм как стратегического инструмента управления. Обоснованы проведение оценки и постановка на бухгалтерский учет контрактных прав в составе нематериальных активов с целью начисления амортизации и уменьшения налогооблагаемой базы; повышение стоимости контрактных прав как дополнительного источника роста прибыльности предприятия; сохранение стабильных контрактных отношений как залога и успешности бизнеса в будущем. Использованы различные методы исследования: абстрактно-логический, исторический, статистический, индуктивный, дедуктивный, а также анализ и синтез, системный подход, наблюдение, позволяющие обеспечить достаточную надежность и достоверность выводов.

Ключевые слова: нематериальные активы, интеллектуальная собственность, контрактные права, оценка, стоимость, COVID-19.

Evaluation of contractual rights of an enterprise as a strategic management tool in the post-crisis period

Sindeyev Andrey Yuryevich
student in the master's program «Assessment and Management of the Assets and Business»
Rostov State University of Economics (RSUE)
Rostov-on-Don, Russia
e-mail:andrei_sindeev@mail.ru

Cherkashina Tatyana Alekseyevna
Candidate in Economics, assistant professor at the Department of Financial Monitoring and Financial Markets
Rostov State University of Economics (RSUE)
Rostov-on-Don, Russia
e-mail:TKCherkashina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7010-0256
SPIN Code: 3033-8123

Abstract

The paper presents an analysis of the post-image situation in the real sector of the economy, government measures aimed at supporting small and medium-sized businesses, maintaining jobs, employment of the able-bodied population. The necessity in this context of assessing the contractual rights of enterprises and firms as a strategic management tool has been substantiated. Substantiated the assessment and registration of contractual rights as part of intangible assets in order to accrue depreciation and reduce the tax base; increasing the cost of contractual rights as an additional source of growth in the company's profitability; maintaining stable contractual relations as a guarantee and business success in the future. Various research methods were used: abstract-logical, historical, statistical, inductive, deductive, as well as analysis and synthesis, a systematic approach, observation, allowing to ensure sufficient reliability and reliability of conclusions.

Key words: intangible assets, intellectual property, contractual rights, valuation, value, COVID-19.

В реальном секторе экономики последние два года наблюдается отрицательная динамика развития малого и среднего бизнеса. По данным

Минэкономразвития России, ВВП в 2020 г. снизился на 3,0% по сравнению к допандемийному 2019 г. Самое большое падение произошло в следующих секторах: общественное питание (22,6%), оказание платных услуг населению (14,8%), грузооборот транспорта (4,9%) и розничная торговля (3,2%).

Реальные располагаемые доходы населения упали на 2,4% по сравнению с 2019 г. и продолжали снижение до -3,7% в I квартале 2021 г. Численность работающих граждан снизилась на 1,9%, численность безработных увеличилась на 24,7% по сравнению с 2019 г. Уровень безработицы вырос на 5,8% [1].

Несмотря на то, что по состоянию на середину 2020 г. не зафиксировано значительного роста числа закрывающихся предприятий, в мае 2020 г. прекратили свою деятельность 65,9 тыс. организаций, в апреле — 54,1 тыс., а 2019 г. этот показатель составил 54,2 и 61 тыс. соответственно, заметным является падение числа вновь открываемых предприятий. Так, в мае 2019 г. было зарегистрировано 71,8 тыс. новых организаций, а мае 2020 г. — всего 39,07 тыс. [2].

В условиях распространения новой короновирусной инфекции (COVID-19), снижения деловой активности государство выделяет значительную долю денежных средств на поддержку малого и среднего бизнеса. По состоянию на июнь 2020 г. банки заключили кредитные соглашения на сумму около 935 млрд руб. в рамках трех льготных программ, разработанных Министерством экономического развития Российской Федерации. Из них около 95 млрд руб. — кредитные соглашения по фонду оплаты труда (ФОТ) под 0% и 304,6 млрд руб. — по ФОТ под 2%. По кредитам под 8,5% заключено около 9 тыс. договоров на сумму около 535 млрд руб.

В рамках кредитной программы с возможным списанием при сохранении занятости (ФОТ-2) 32 банками участниками программы заключено 68 тыс. кредитных договоров на общую сумму 170 млрд руб. Эти виды кредитных программ были доступны следующим организациям: предприятиям малого и среднего предпринимательства (МСП) и

крупному бизнесу из пострадавших отраслей; компаниям производственных отраслей, ориентированных на потребительский рынок; социально ориентированным некоммерческим организациям (СОНКО).

Созданными при поддержке Минэкономразвития гарантийными организациями выданы гарантии по льготной ставке на сумму 5,3 млрд руб. Это позволило субъектам МСП привлечь более 16,2 млрд кредитных средств.

Также по состоянию на 7 июля 2020 г. было выдано 132,9 млрд руб. льготных кредитов системообразующим предприятиям, банками, участниками программы. Средний размер кредита составил 900 млн руб., средняя ставка составила 2,9%. Все превышения ставки были субсидированы государством.

В 2021 г. реализуется программа ФОТ-3. Льготные кредиты предоставляют бизнесу 17, а не 11 отраслей под 3% при условии сохранения штата работников, участия в первой программе государственной поддержки (ФОТ-2) или создания организации после 1 июля 2020 г. Все эти меры, безусловно, имеют большое значение и направлены на поддержание бизнеса. Однако, за исключением некоторых безвозвратных кредитов, все полученные средства необходимо будет возвращать. Очевидно, что при снижении реально располагаемых доходов населения ожидать увеличения потребительского спроса необоснованно. Наоборот, на фоне снижения потребительского спроса усиливается конкуренция среди предпринимателей за «обладание» кошельком потребителя, и нередко это ценовая конкуренция.

В то же время, по данным Минэкономразвития, инфляция в России в 2020 г. выросла до 4,9% и достигла 6% к маю 2021 г. [3]. Это означает, что себестоимость производимых малым и среднем бизнесом товаров и услуг растет, а прибыль и рентабельность бизнеса снижаются.

В этих условиях необходимо задействовать новые инструменты повышения рентабельности бизнеса, увеличения прибыльности предприятия. И одним из таких инструментов является снижение налоговой на-

грузки через уменьшение налоговой базы предприятия путем увеличения амортизационных отчислений предприятия.

Эти возможности открывает перед предприятием оценка и постановка на бухгалтерский учет интеллектуальной собственности предприятия и нематериальных активов.

Безусловно, не каждое предприятие обладает зарегистрированными правами и патентами на объекты интеллектуальной собственности. Это применимо к технологичным предприятиям. Однако каждое предприятие в рамках осуществления хозяйственной деятельности ведет договорные отношения с другими хозяйствующими субъектами. Договорные отношения являются основой деятельности любого предприятия. Это могут быть договора аренды земли, недвижимости, оборудования, договора поставки и закупки продукции, договора на использование технологий и т. д.

Значимость некоторых контрактных прав вытекает из договоров, которые предоставляют возможность получить дополнительный доход при поставке товаров другим лицам. Эти контракты представляют собой «заранее проданный бизнес, поскольку они способны обеспечить положительный поток доходов» [4, с. 32]. Например, договоры на обработку данных, рекламы, консалтинговых услуг, кредитные соглашения, договоры на предоставление товаров под обязательства будущей поставки.

Все договоры (контракты) имеют своей целью обеспечить бесперебойную хозяйственную деятельность предприятия, которая направлена на получение прибыли. Таким образом, договора (контракты), являются активами предприятия, способными приносить прибыль в долгосрочном периоде. Но т. к. сами договора не имеют вещественного, материального выражения, они являются нематериальными активами предприятия.

Понятие нематериальных активов закреплено в Налоговом кодексе Российской Федерации, а также в Положении по бухгалтерскому учету 14/2007 «Учет нематериальных активов». Нематериальными активами признаются приобретенные или созданные организацией объекты интеллектуальной собственности, которые используются в производстве

(работах, услугах) или для управления организацией свыше 12 месяцев. Согласно положениям указанных выше документов нематериальные активы должны отвечать следующим условиям:

1) отсутствие у объекта материально-вещественной формы;
2) объект способен приносить организации экономические выгоды в будущем; в частности, объект предназначен для использования в производстве продукции, при выполнении работ или оказании услуг, для управленческих нужд организации либо для использования в деятельности, направленной на достижение целей создания некоммерческой организации (в т. ч. в предпринимательской деятельности, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации);
3) организацией не предполагается продажа актива в течение 12 месяцев или обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев;
4) организация имеет права на данный актив (патенты, свидетельства, другие охранные документы, договор об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, документы, подтверждающие переход исключительного права без договора и т. п.), на основании которых организация может ограничить доступ иных лиц к использованию актива;
5) фактическая (первоначальная) стоимость актива может быть достоверно определена.

Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации к нематериальным активам относятся, например:

1) исключительное право патентообладателя на изобретение, промышленный образец, полезную модель;
2) исключительное право автора и иного правообладателя на использование программы для ЭВМ, базы данных;
3) исключительное право автора или иного правообладателя на использование топологии интегральных микросхем;

4) исключительное право на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и фирменное наименование;
5) исключительное право патентообладателя на селекционные достижения;
6) владение ноу-хау, секретной формулой или процессом, информацией в отношении промышленного, коммерческого или научного опыта;
7) исключительное право на аудиовизуальные произведения.

Таким образом, из определения видно, что сам по себе нематериальный актив не может являться предметом оценки. Предметом оценки всегда являются права на него. При этом нужно понимать, что эти права должны быть защищены. Рассмотрим, как возникают и каким образом должны и могут защищаться права на нематериальные активы.

В Международных стандартах оценки 2020 [5] выделяют пять категорий нематериальных активов (см. рис.1).

Нематериальные активы как объекты оценки

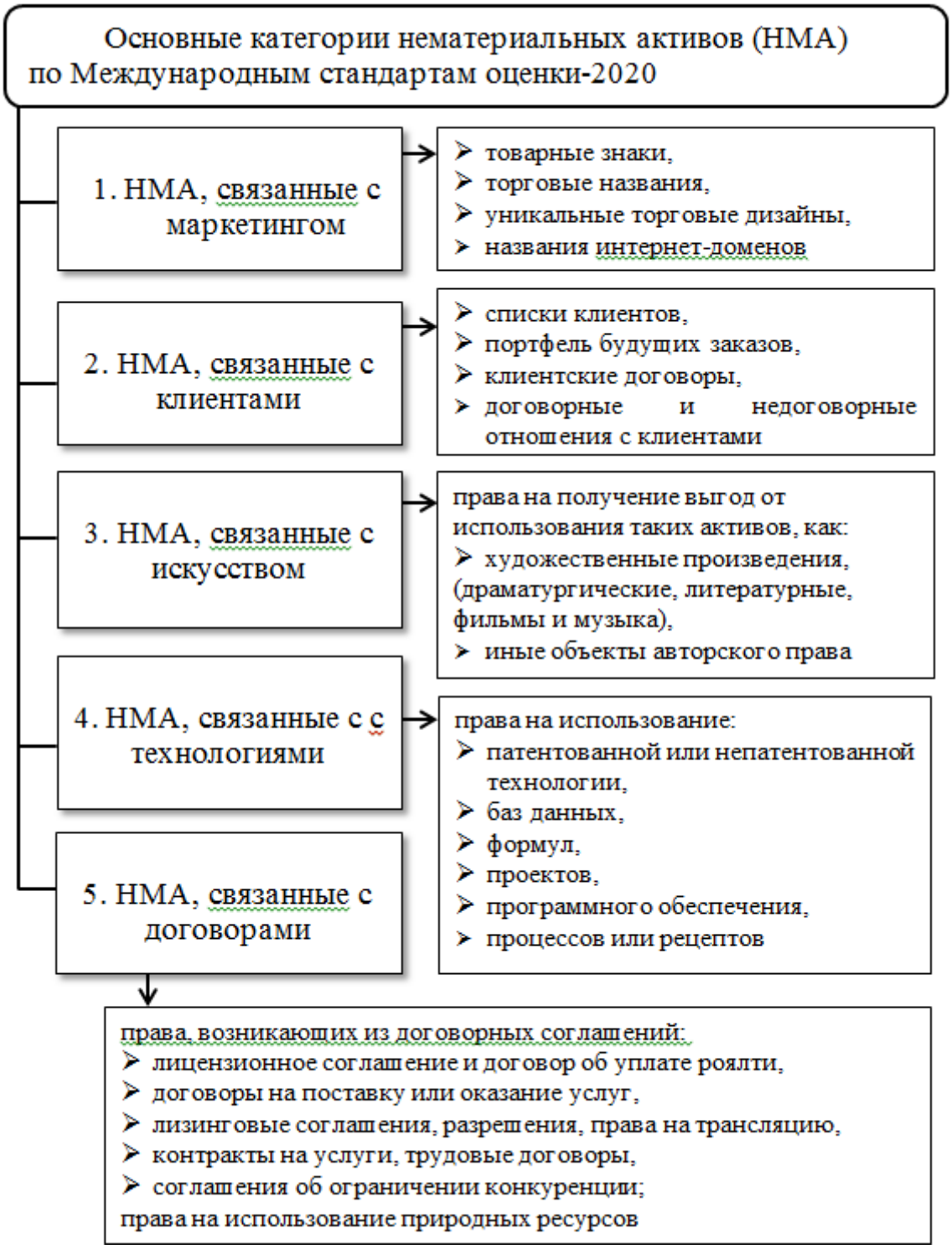

Рисунок 1

Контрактные права относятся к 5-й категории нематериальных активов.

Все нематериальные активы можно также классифицировать по типам:

1) технологические: изобретения, полезные модели, промышленные образцы; секреты производства (ноу-хау); конструкторская и техническая документация, учебно-методические материалы;
2) маркетинговые: это могут быть товарные знаки, в т. ч. логотипы компаний, маркетинговые стратегии и концепции продвижения товара, оформление этикеток и упаковок, оформление витрин, заявки на государственную регистрацию товарных знаков, организация пространства в магазинах и другие подобные НМА;
3) нематериальные активы, связанные с обработкой данных, а также компьютерное программное обеспечение и электронные базы данных;

Таким образом, контрактные права предприятия могут быть учтены в составе нематериальных активов предприятия, как и другие виды нематериальных активов фирмы.

На основании вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что контрактные права организации могут быть оценены и поставлены на бухгалтерский учет предприятия с целью начисления амортизации и уменьшения налогооблагаемой базы.

Рассмотрим амортизацию имущества предприятия и как она влияет на прибыль предприятия.

Существуют ограничения для начисления амортизации. Таким правом обладают только предприятия, работающие на общей системе налогообложения.

Все основные материальные средства со временем теряют свои первоначальные качества, что выражается в физическом износе или функциональном обесценении. Амортизация предназначена для покрытия этих издержек путем переноса части стоимости основных средств на

счета затрат. Можно сказать, что амортизация оказывает прямое влияние на себестоимость конечной продукции.

Н. Н. Гончаров в своей статье «Дискуссионные аспекты амортизации нематериальных активов в отечественной и зарубежной практике» указывает на неоднозначность определения амортизации для нематериальных активов. С одной стороны, как уже было сказано выше, амортизация — это перенос стоимости актива на готовую продукцию или обесценивание актива. С другой стороны, в хозяйственной деятельности предприятия могут использоваться нематериальные активы, которые не подвержены износу. Как правило, это отдельные права на торговые знаки, права на фирменное наименование. К этой же категорию можно отнести и контрактные права предприятия. В данном случае амортизация будет иметь место, а износ — нет. Таким образом, трактовать амортизацию нематериальных активов как обесценивание актива с течением времени в результате физического или функционального (морального) устаревания не совсем правильно [6, с. 92].

И здесь трудно не согласится с автором. По отношению к контрактным правам предприятия нельзя использовать понятие «износ» или «функциональное устаревание» как показатель обесценивания, т. к. контрактные права предприятия не связаны с физическим состоянием объекта или его моральным устареванием. В данном случае можно говорить об обесценивании контрактных прав в связи с изменением рыночной ситуации, изменениями, связанными с производством продукции контрагентом, условиями поставки, изменениями в хозяйственной деятельности поставщика, изменениями в законодательстве, которые влияют или могут повлиять на размер получаемой прибыли предприятием благодаря наличию контрактных прав по данному договору поставки. Возможно даже увеличение стоимости контрактных прав благодаря увеличению емкости рынка, уходу с рынка конкурентов, изменениям законодательства, стимулирующим развитие данного сегмента рынка.

Таким образом, вопрос оценки контрактных прав как стратегического инструмента управления, несмотря на неоднозначность и необходи-

мость индивидуального подхода в каждом конкретном случае, является актуальным для поддержания существования малого и среднего бизнеса в постковидный период.

Список литературы:

1. Экономический обзор Минэкономразвития: О текущей ситуации в Российской экономике сентябрь–октябрь 2021 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie _obzory/o_tekushchey_ situacii_v_ rossiyskoy_-ekonomike_ sentyabr_oktyabr_2021_goda.html (дата обращения: 30.10.2021).

2. Картина деловой активности. Январь 2021 / Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_delovoy_aktivnosti_yanvar_- 2021_goda.html (дата обращения: 30.10.2021).

3. Картина инфляции. Июнь 2021 // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_inflyacii_iyun_2021_goda.html (да-та обращения: 30.10.2021).

4. Практическое руководство по проведению оценки активов в рамках проектов, реализуемых с участием Открытого акционерного общества «РОСНАНО». Часть.1. М.: Делойт и Туш СНГ, 2010. 132 с.

5. Международные стандарты оценки: пер. с анг. / Под ред. А. И. Артеменкова, С. А. Табаковой. М.: Саморегулируемая общероссийская общественная организация «Российское общество оценщиков», 2020. 193 с.

6. Гончарова Н. Н. Дискуссионные аспекты амортизации нематериальных активов в отечественной и зарубежной практике // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации. Культура и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции / Под ред. С. В. Беспаловой. Донецк: Донецкий национальный университет, 2018. С. 91–94.

References:

1. Economic review of the Ministry of Economic Development: On the current situation in the Russian economy, September – October 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie _obzory/o_-tekushchey_ situacii_v_ rossiyskoy_ekonomike_ sentyabr_oktyabr_2021_goda.html (access date: October 30, 2021).

2. The picture of business activity. January 2021 / Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL:

https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_-delovoy_aktivnosti_ yanvar_2021_goda.html (access date: October 30, 2021).

3. The picture of inflation. June 2021 // Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_inflyacii_iyun_2021_goda.html (access date: October 30, 2021).

4. Practical guidance on assessing assets within the framework of projects implemented with the participation of Open Joint Stock Company RUSNANO. Part 1. Moscow: Deloitte and Touche CIS, 2010. 132 p.

5. International valuation standards: per. from English / Ed. A. I. Artemenkova, S. A. Tabakova. M.: Self-regulating All-Russian Public Organization "Russian Society of Appraisers 2020. 193 p.

6. Goncharova N. N. Discussion aspects of amortization of intangible assets in domestic and foreign practice // Donetsk readings 2018: education, science, innovation. Culture and challenges of our time. Materials of the III International Scientific Conference / Ed. S. V. Bespalova. Donetsk: Donetsk National University, 2018. Pp. 91–94.

УДК/UDC 338.45

Развитие интеллектуального капитала российской полупроводниковой промышленности

Сиротин Дмитрий Владимирович
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург, Россия
e-mail:sirotin.dv@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-3794-3956
Scopus ID: 57194002454
ResearcherID: http://www.researcherid.com/rid/K-2490-2018

Аннотация

В работе приведены тенденции развития мировой и отечественной микроэлектроники. Отражена структура производств полупроводниковой электроники и динамика их развития в России. Проверена гипотеза о возможности рассмотрения в качестве индикатора развития интеллектуального капитала полупроводниковой индустрии показателей патентной активности организаций в сфере регистрации топологий интегральных электронных схем. Приведено распределение мирового производства микросхем по проектным нормам. Оценена динамика патентной активности отечественных организаций в целях регистрации топологий интегральных микросхем. Выявлена структура базы зарегистрированных в Российской Федерации в 2020 г. топологий интегральных микросхем по технологическому уровню, выделены основные сферы их применения и оценены возможности освоения на базе внутренних ресурсов страны без привлечения импорта. Отмечена системообразующая роль государства в развитии интеллектуального капитала полупроводниковой промышленности Российской Федерации. В условиях отсутствия в стране фабрик по производству микросхем по низким технологическим нормам проявляется низкая активность организаций в разработке интегральных микросхем для наиболее требовательных (по уровню производительности и размеру микросхем) сфер применения. Сделан вывод об умеренных темпах развития интеллектуального капитала российской полупроводниковой индустрии.

Ключевые слова: микроэлектроника, полупроводниковая электроника, патентный анализ, интеллектуальный капитал, высокотехнологичные производства, интегральные электронные схемы, локализация производств.

Development of the intellectual capital of Russian semiconductor industry

Sirotin Dmitriy Vladimirovich
Candidate of Economics, Senior Researcher of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS
Ekaterinburg, Russia
e-mail:sirotin.dv@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-3794-3956
Scopus ID: 57194002454
ResearcherID: http://www.researcherid.com/rid/K-2490-2018

Abstract

The paper presents the development trends of world and domestic microelectronics. The structure of semiconductor electronics industries and the dynamics of their development in Russia are reflected. The hypothesis about the possibility of considering the indicators of patent activity of organizations in the field of registration of topologies of integrated electronic circuits as an indicator of the development of the intellectual capital of the semiconductor industry is tested. The distribution of world production of microcircuits according to design standards is given. The dynamics of the patent activity of domestic organizations in order to register the topologies of integrated circuits is estimated. The structure of the base of the topologies of integrated circuits registered in the Russian Federation in 2020 by the technological level is revealed, the main spheres of their application are highlighted and the possibilities of development on the basis of the country's internal resources without attracting imports are assessed. The systemic role of the state in the development of the intellectual capital of the semiconductor industry of the Russian Federation is noted. In the absence of factories in the country for the production of microcircuits with low technological standards, there is a low activity of organizations in the development of integrated microcircuits for the most demanding (in terms of performance and size of microcircuits) applications. The conclusion is made about the moderate rates of development of the intellectual capital of the Russian semiconductor industry.

Key words: microelectronics, semiconductor electronics, patent analysis, intellectual capital, high-tech production, integrated electronic circuits, production localization.

Функциональность и современность электронной промышленности прежде всего определяют темпы развития микроэлектронной подотрасли, на которую приходится около 40% от общего объема инвестиций в мировую индустрию электроники. Микроэлектроника — это системообразующая отрасль развитых государств, определяющая динамику развития промышленности в целом [1–3]. Она является одной из самых рентабельных, капиталоемких и наукоемких производств. Микроэлектронная продукция отличается высокой долей добавленной стоимости, средняя рентабельность производств таких изделий составляет около 30%.

Мировыми лидерами в области микроэлектронного производства являются Тайвань, Республика Корея, Государство Япония, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика (материковая часть) и Федеративная Республика Германия (табл. 1). Общемировые объемы производства полупроводников[1] в 2019 г. находились на уровне 18,9 тыс. ед. пластин в месяц (эквивалентных 200 мм).

Мировое микроэлектронное производство по регионам в 2019 г. [4].

Регион	**Производство, из расчета на тысячу эквивалентных двухсотмиллиметровых пластин в месяц, тыс. ед./м**	**Доля, %**
Тайвань	4,126	21,8
Республика Корея	4,033	21,3
Государство Япония	3,168	16,8
США	2,426	12,8
КНР (материковая часть)	2,361	12,5
Европа	1,138	6,0
Остальной мир	1,646	8,7

Таблица 1

[1]Микроэлектронная индустрия включает полупроводниковое производство, изделия на базе микроэлектромеханических систем (МЭМС) и продукты функциональной электроники. Полупроводниковые изделия составляют основу микроэлектронной промышленности.

Доля России в мировом распределении микроэлектронных производств в 2019 г. оценивалась на уровне 0,8%. На российском рынке микроэлектроники 82% продукции составляет импорт, 15% и 3% — отечественная микроэлектроника военного и гражданского назначения соответственно. Имеющаяся на сегодняшний день база данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) не позволяет четко классифицировать микроэлектронные и, в частности, полупроводниковые производства в рамках товарных групп (ОКПД2) и видов экономической деятельности (ОКВЭД2). Тем не менее возможно выделение отдельных видов продукции в рамках полупроводниковых производств (табл. 2).

Производство в России основных видов полупроводниковой продукции в натуральном выражении, тыс. шт. [5]

Вид полупроводниковой продукции	Год			
	2017	2018	2019	2020
Схемы интегральные электронные	971 322,5	1 034 776,2	903 506,6	495 088,4
Приборы полупроводниковые и их части	64 457,4	48 139,6	29 389,2	25 504,1
Диоды	6 362,5	13 513,8	11 786,9	10 878,2
Светодиоды, светодиодные модули и их части	5 137,1	6 272,8	7 413,2	9 660,8
Транзисторы	398,7	4 254,2	3 434,3	2 798,8

Таблица 2

В территориальном разрезе основные мощности полупроводниковой промышленности Российской Федерации сосредоточены в городах Москве и Зеленограде. Здесь расположены крупнейшие фабрики по выпуску интегральных микросхем (более 99% от общего объема производства в Российской Федерации), транзисторов (74%), полупроводниковых приборов и их частей (62,3%). В Северо-Западном федеральном округе расположены крупносерийные производства светодиодов (76,2%), также здесь производится около 26% отечественных транзисторов. В Северо-Кавказском федеральном округе налажен выпуск полупроводниковых приборов и их частей небольшими партиями (7,5% от общего объема

производства в Российской Федерации), чуть меньший объем продукции данного вида выпускается на территории Сибирского федерального округа (7%). Предприятия Приволжского федерального округа обеспечивают 85% отечественных производств диодов, 22% полупроводниковых приборов и их частей и более 17% светодиодов, светодиодных модулей и их частей.

Структура потребления полупроводников учитывает сферы: коммуникационное оборудование (33%), компьютерная (28,4%) и бытовая техника (13,3%), автомобилестроение (12,2%), прочие отрасли промышленности (11,8%) и ОПК (1,3%) [6]. Ключевым продуктом полупроводниковой электроники и микроэлектронной индустрии в целом являются интегральные электронные схемы (далее по тексту — ИЭС). В 2019 г. на мировом рынке полупроводников доля ИЭС составила 81%, оптоэлектроники и сенсоров — 13%, дискретных полупроводников — 6% [7].

Важной качественной характеристикой разработки и выпуска ИЭС является норма технологического процесса их изготовления. Освоение наиболее точных проектных норм (ПН) требуется в сфере создания коммуникационной и компьютерной техники (вычислительной техники), на которые в сумме приходится 61,4% полупроводников. ПН здесь находятся в пределах 5–28 нм. Доля продукции, изготовленной по нормам более 65 нм, в мире сегодня составляет около 38% и по прогнозу IC Insights к 2023 г. сократится не более чем на 3% [8]. Распределение производства интегральных микросхем по нормам технологического процесса в мире различно (табл. 3).

Распределение мирового производства микросхем по проектным нормам [4]

Проектная норма, мкм	**Доля используемой проектной нормы в структуре произ-водства микросхем в странах, %**							
	Тайвань	Респ. Корея	Гос-во Япония	США	КНР (материковая часть)	Европа	Остальной мир	**Всего**
0,2 и выше	11	4	23	26	22	49	24	18
0,19 - 0,065	23	10	19	20	28	23	21	20
0,064 - 0,028	27	6	4	17	13	14	16	14
0,027 - 0,020	14	23	2	6	14	6	15	13
0,019 и менее	25	56	51	31	23	7	24	35

Таблица 3

Доля используемой проектной нормы в структуре производства микросхем в странах, %

Как видно из данных табл. 3, фабрики по производству микросхем по наиболее низким проектным нормам сосредоточены в Республике Корее и Государстве Япония. Тем не менее самой крупной и наиболее инновационно-активной в рамках разработки и освоения новых ПН является тайваньская компания Taiwan Semiconductor Manufacturing Co (TSMC), за последние годы одной из первых осваивающая все более низкие технологические нормы (7 нм, 5 нм и др.) [9]. Помимо TSMC, к числу крупнейших в мире контрактных производителей микросхем относятся Samsung Electronics (Республика Корея), GlobalFoundries (США), United Microelectronics Corp (UMC, Тайвань) и Semiconductor Manufacturing International Co (SMIC, КНР), причем доля TSMC превосходит суммарный вес остальных лидеров.

На сегодняшний день в России существует около 10 производителей кремниевых микросхем с технологическими нормами 3–6 мкм, использующих пластины диаметром 100 мм. Пластины с диаметром 150 мм используют АО «Микрон» (ПН до 800 нм, г. Зеленоград), АО «Ангстрем» (ПН до 600 нм, г. Зеленоград), АО «ВЗПП-Микрон» (ПН до 2

мкм, г. Воронеж), Мини-фабрика ФГУ ФНЦ НИИСИ РАН (КМОП[2] по ПН 500, 350 и 250 нм, г. Москва). Производство интегральных микросхем на базе пластин диаметром 200 мм осуществляет АО Микрон (ФАБ-200) по нормам 180 и 90 нм, в разработке техпроцесс по норме 65 нм. На базе бывшего «Ангстрем-Т», а ныне ООО «НМ-ТЕХ», возможно создание производства микросхем по нормам 180 и 130 нм. Освоение технологий уровня 28 нм возможно только на пластинах 300 мм, для производства которых на сегодняшний день в России нет фабрик соответствующего технико-технологического уровня обеспечения [10].

Норма освоенного технологического процесса является одним из основных показателей развития в стране полупроводниковой индустрии. Но для того чтобы создать финансовую заинтересованность в строительстве современных высокотехнологичных фабрик, прежде всего необходимы технологии, использующие данные мощности для получения конечного продукта, востребованного на рынке. Такие технологии составляют основу интеллектуального капитала микроэлектронной отрасли.

Обзор работ в области развития микроэлектронных технологий, обобщение результатов анализа развития микроэлектронной промышленности в мире в целом и в России в частности явились основой формирования гипотезы исследования о возможности рассмотрения в качестве индикатора развития интеллектуального капитала полупроводниковой индустрии показателей патентной активности организаций отрасли в сфере регистрации в стране топологий ИЭС Для проверки гипотезы и уточнения особенностей развития интеллектуального капитала российской полупроводниковой промышленности проведен патентный анализ. Порядок выполнения анализа в целом соответствует основным методическим положениям проведения наукометрических исследований в сфере анализа публикационной и патентной активности, большой вклад в развитие которых внесли Ю. Гарфилд, И. Маршакова, М. Мэйер, О. Перссон. В ходе работы была оценена динамика получения свидетельств о

[2]КМОП — комплементарная логика на транзисторах металл-оксид-полупроводник.

государственной регистрации топологий ИЭС в стране (рис. 1), исследованы технологические и структурные особенности патентной базы [11].

Динамика патентной активности в целях регистрации топологий интегральных электронных схем Федеральным институтом промышленной собственности (ФИПС), ед. (с учетом зарубежных заявителей)*

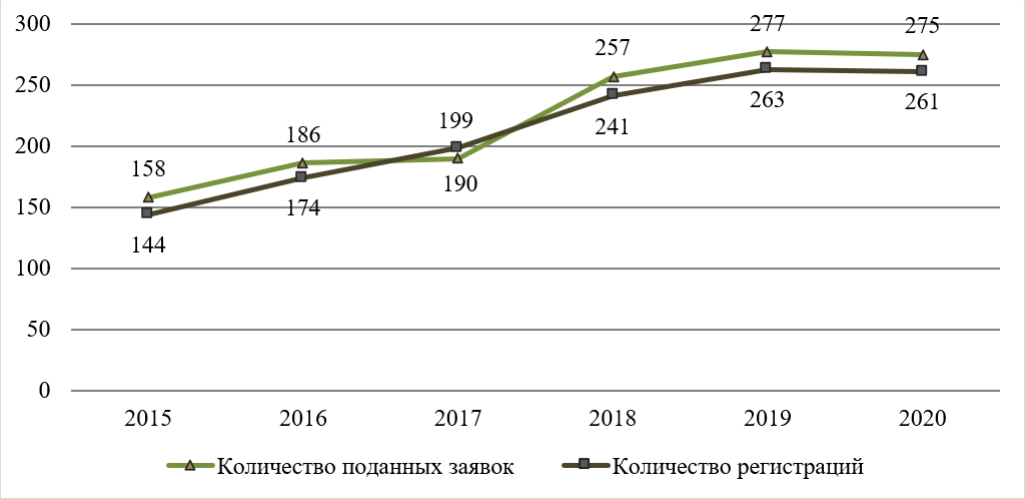

Рисунок 1

Как видно из данных рис. 1, до 2019 г. наблюдалась положительная динамика подачи заявок и регистрации в ФИПС топологий интегральных микросхем. В 2020 г. активность заявителей немного снизилась — было подано 275 заявок (277 в 2019 г.), 261 из которых была зарегистрирована (263 в 2019 г.). Из числа зарегистрированных топологий 14 принадлежат зарубежным заявителям, а именно холдингу «ИНТЕГРАЛ» (Белоруссия). Разработанные холдингом новые ИЭС базируются на нормах 0,5–3 мкм.

В рамках пространственного развития интеллектуального капитала создания ИЭС более 88% топологий (231 ед.) в 2020 г. разработано в Центральном федеральном округе. Прежде всего это Москва и Зеленоград. Также в этом году топологии были зарегистрированы предприятиями, расположенными в Северо-Западном (4 ед.), Приволжском (3 ед.) и Сибирском (8 ед.) федеральных округах, а также в Севастополе (1 ед.).

Большой вклад в развитие интеллектуального капитала российской микроэлектроники вносит государство, от имени которого высту-

пает Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, ГК «Росатом», а также войсковые части, в качестве самостоятельных или совместных правообладателей для подавляющего числа зарегистрированных топологий (59,9% от общего числа отечественных правообладателей). Это характерно не только для технологий, соответствующих целям сохранения национальной безопасности государства, или отвечающих интересам, связанным с развитием цифровой инфраструктуры в стране. Назначение разрабатываемых для государственных нужд микросхем включает выпуск систем обработки и преобразования сигналов, радиолокации, навигации и связи; DC/DC преобразователей и многофазных инверторов; аппаратуры космического назначения, ГЛОНАСС, систем управления атомными объектами и производством; радиационностойкой аппаратуры и др.

В 2019–2020 гг. свидетельства на регистрацию топологий ИЭС были выданы 49 негосударственным предприятиям различных организационно-правовых форм. В числе российских разработчиков интегральных микросхем большей активностью в 2020 г. отличились ФГУ «ФНЦ НИИСИ РАН», АО «ППК «Миландр», ООО «Центр инновационных разработок ВАО», АО «НПФ «Микран», ЗАО «Группа Кремний Эл» и ООО «Артек Электроникс», в совокупности получившие более половины свидетельств, зарегистрированных отечественными организациями без отчуждения прав в пользу государства или совместного с ним владения.

В целом зарегистрированные в ФИПС топологии предполагают производство микросхем по технологическим нормам в пределах от 5 мкм до 28 нм (рис. 2) [11].

Из 170 свидетельств, имеющих указание технологической нормы изготовления микросхем, 83 зарегистрированные топологии ориентированы на ПН 180 нм (рис. 2). Сферы применения разработанных в 2020 г. ИЭС, соответствующих такой норме, включают:

1) смарт-карты и защищенные устройства;
2) электронные проездные документы с криптографической защитой;

Структура базы зарегистрированных в ФИПС топологий интегральных электронных схем по технологическому уровню, мкм

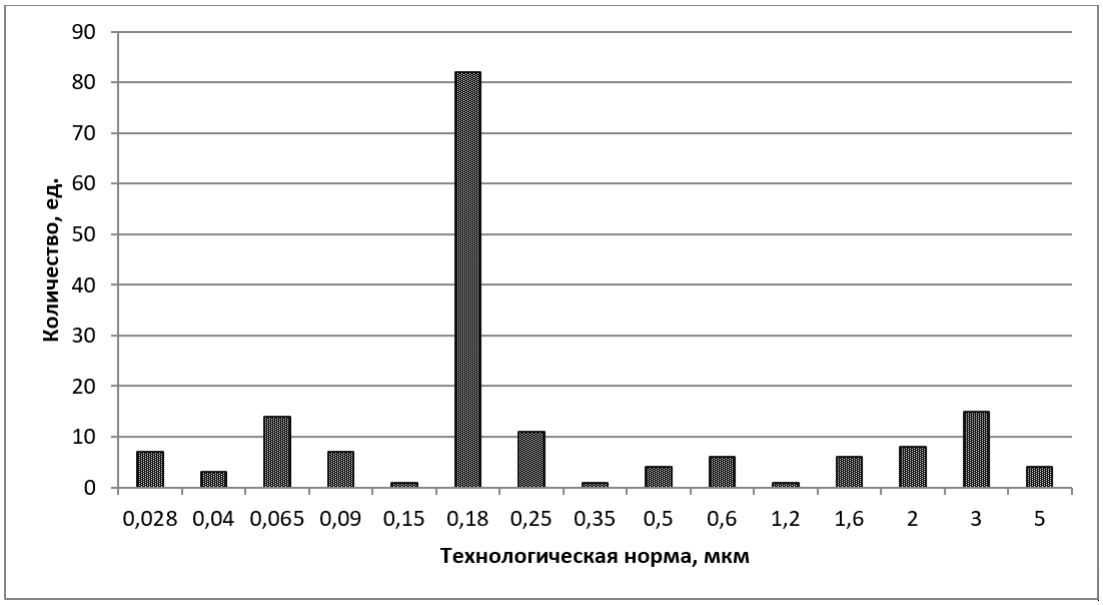

Рисунок 2

3) системы цифрового преобразования кода, приема и передачи информации;
4) постоянные запоминающие устройства (ПЗУ) для энергонезависимой памяти;
5) центральный процессор карт памяти microSD;
6) управляющие системы, датчики (давления, света, температуры и др.), системы связи;
7) цифро-аналоговые и аналого-цифровые преобразователи;
8) информационно-измерительную технику и автоматику (в качестве операционных, формирующих и регулирующих устройств) и др.

Технологии, соответствующие нормам до 0,1 мкм (28, 40, 66, 90 нм), составляют 18% от общей патентной базы. Области применения зарегистрированных технологий учитывают:

1) процессоры для осуществления многостандартной навигации при параллельном функционировании операционной системы

(для поддержки решений специальных вычислительных задач) (28 нм);

2) космические аппараты, беспилотные летательные аппараты (обеспечение системного интерфейса навигации для идентификации и контроля), иную авиационно-ракетную технику (40 нм);
3) твердотельные накопители информации (40 нм);
4) унифицированные интегрированные бортовые информационные системы для модернизируемых и перспективных космических аппаратов (65 нм);
5) радиационно-стойкие аналого-цифровые преобразователи (65 нм);
6) систему сопряжения микропроцессоров на базе «Эльбрус» с периферийными устройствами (65 нм);
7) процессоры цифровой обработки сигналов для радиолокации, обработки видео- и аудиоданных (90 нм);
8) системы криптографической защиты, идентификации и контроля (90);
9) блоки памяти ОЗУ (оперативного запоминающего устройства) и ПЗУ для СБИС (сверхбольшой интегральной схемы) и СнК (системы на кристалле) (90 нм) и др.

Некоторые из разработанных микросхем АО «ПКК Миландр» (на базе ПН 90 нм), АО «Крафтвэй корпорэйшн ПЛС» (по ПН 40 нм), АО «МЦСТ» (65 нм для «Эльбрус»), АО НПЦ «ЭЛВИС» (40 нм) и даже АО «Российские космические системы» совместно с Министерством промышленности и торговли Российской Федерации (65 нм) регистрировались для производства за рубежом на фабриках TSMC (что понятно из анализа реферата свидетельств). Так, для отечественной компьютерной техники на базе процессоров «Эльбрус» в 2020 г. были зарегистрированы топологии двух новых микросхем («КПИ 1991ВГ2Я» и «КПИ 1991ВГ1Я») для их дальнейшего контрактного производства на Тайване.

В целом можно сказать, что отечественные разработчики микросхем сегодня ориентируются на внутренние рынки. Сферы их применения включают вычислительную технику, в т. ч. специализированную, системы криптографической защиты, аппаратуру космического назначения, системы навигации и связи (в т. ч. беспроводной), управляющие системы (в т. ч. атомными объектами), ГЛОНАСС, системы хранения информации, мемристивные устройства, СВЧ-технику, дисплеи, метки и др. Данные направления являются востребованными на внутреннем рынке. Возможность локализации производств выделенных технологий оценена на базе сопоставления рефератов свидетельств с данными Единого реестра российской радиоэлектронной продукции (в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июля 2019 г. № 878) [12]. Полученные результаты подтверждают вхождение микросхем, однотипных зарегистрированным в 2020 г., в данный реестр, но отражают низкий уровень локализации их производств на территории Российской Федерации.

В России сегодня большую часть рынка микроэлектроники составляет импортная продукция. Тем не менее в результате вступления в силу правительственных указов по субсидированию производителей микроэлектроники и импортозамещению компьютерной, телекоммуникационной техники, систем связи в государственном секторе (бюджетных учреждений и организаций) для микроэлектронной индустрии складываются благоприятные условия развития, в т. ч. создается спрос на микроэлектронные изделия.

Действующими программами развития микроэлектроники учтено выделение 320 млрд руб. на создание интеллектуальных систем учета электроэнергии, 37 млрд руб. на освоение производства современных систем хранения данных и 36 млрд руб. на развитие производств радиочастотных меток для маркировки физических объектов.

Во второй половине 2021 г. Министерством промышленности и торговли Российской Федерации было сделано несколько важных шагов в целях локализации полупроводниковых производств. Во-первых,

было принято решение о выделении 1,2 млрд руб. на организацию выращивания в России кристаллов, используемых при изготовлении радиоэлектронной аппаратуры [13]. На сегодняшний день подобных производств в стране нет, а необходимые монокристаллы GaAs и Ge импортируются в Россию из США и стран Европы. Создание комплекса по выращиванию таких кристаллов особенно важно для развития производств СВЧ-техники, оптоэлектроники, лазерного оборудования [14]. Во-вторых, был проведен тендер на разработку фотолитографического оборудования для печати чипов на кремниевых пластинах (подложке) [15] с топологией 130 нм (ПН 130-65 нм), который выиграл АО «Зеленоградский нанотехнологический центр». Технологические нормы 130-65 нм наиболее востребованы сегодня для современных микроконтроллеров и большинства периферийных микросхем. Сферы их использования включают интернет вещей, электронное оснащение автомобилей, кассовое оборудование и др. Работы по разработке, стоимостью 5,7 млрд руб., должны быть выполнены до декабря 2026 г. [16]. Можно полагать, что на возведение установки и подготовку ее к запуску потребуется также немало времени.

Несмотря на прилагаемые усилия, сохраняющееся многолетнее отставание российской микроэлектроники от мировых лидеров вынуждает ориентироваться на реализацию промышленной политики, учитывающей применение подхода на базе привлечения контрактных производителей за рубежом для изготовления наиболее технически сложных микроэлектронных изделий, получаемых по низким технологическим нормам. Реализуемые сегодня решения по строительству в стране современных фабрик имеют единичный характер, что не позволяет надеяться на скорое изменение ситуации. В сложившихся условиях необходимы изменения, связанные с развитием институциональной среды, прежде всего за счет усиления взаимодействий бизнеса и власти [8; 17]. Тем не менее можно полагать, что бизнес-модели, учитывающие промышленное освоение российских разработок микроэлектронных компонентов за рубежом на

контрактной основе, с их последующим импортированием в Россию и корпусированием, до 2030 г. будут рассматриваться в качестве базовых.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о возможности рассмотрения в качестве индикатора развития интеллектуального капитала полупроводниковой индустрии показателей патентной активности организаций в сфере регистрации топологий интегральных микросхем. Динамика активности отечественных разработчиков в регистрации микросхем отражает замедление темпов развития в стране их интеллектуальных производств.

В процессе работы удалось выделить качественную структуру технологической базы топологий микросхем, выражаемую через проектные нормы технологического процесса их изготовления. Российские микросхемы, топологии которых были зарегистрированы в 2020 г., предназначены преимущественно для реализации на внутреннем рынке, но в большинстве своем не могут быть произведены внутри страны в промышленных масштабах. Отечественные интеллектуальные производства ИЭС имеют достаточно широкий охват сфер применения, но отличаются единичным характером (малым числом технологий) по большинству важнейших направлений. Такая ситуация обусловлена отсутствием спроса в наиболее высокотехнологичных секторах и слаборазвитой производственной базой, на которую ориентируются разработчики.

Полученные результаты проделанной работы позволяют сделать вывод об умеренных темпах развития интеллектуального капитала российской полупроводниковой индустрии. Рассматривая подход к развитию микроэлектронной промышленности на базе Fabless-моделей в качестве основного, стимулирование интеллектуального капитала полупроводниковых производств будет играть основополагающую роль[3].

[3]Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР для Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021 г.

Список литературы:

1. Aspelund A., Azari M. J., Aglen A. F., Graff S. G. The birth and development of a born global industry: The case of microelectronics in Norway. Journal of International Entrepreneurship. 2018. Vol. 16 (1).Pp. 82–108.

2. Mody C. C. M. Academic centers and/as industrial consortia in American microelectronics research. Management Organizational History. 2017. Vol. 12 (3). Pp. 285–303.

3. Schroth F., Haussermann J. J. Collaboration Strategies in Innovation Ecosystems: An Empirical Study of the German Microelectronics and Photonics Industries. Technology Innovation Management Review. 2018. Vol. 8 (11). Pp. 4–12.

4. Яковлев Р. Роль локального производства в новой геополитической реальности // Материалы международной выставки Semiexpo Russia 2020. URL: https://semiexpo.ru/docs/digital-economy-2020.pdf (дата обращения: 08.11.2021).

5. Производство основных видов продукции в натуральном выражении с 2017 г. (в соответствии с ОКПД2) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58636 (дата обращения: 04.11.2021).

6. Григорьева А., Дзюбаненко С. Российская и мировая полупроводниковая промышленность. Цифры и факты // Живая электроника России. 2021. URL: https://russianelectronics.ru/poluprovodnikovaya-promyshlennost/ (дата обращения: 14.10.2021).

7. Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China. Working Paper 20–16. December 2020. URL: https://www.piie.com/sites/default/files/documents/wp20-16.pdf (Дата обращения: 18. 10.2021).

8. Сиротин Д. В. Состояние и возможности дальнейшего развития российской микроэлектронной отрасли // Экономическое возрождение России. 2021. Т. 69. № 3. С. 105–122.

9. Бондарь Д. Полупроводниковая микроэлектроника — 2020. Часть 1. Мировая пандемия COVID-19 — форс-мажор для мировой экономики, но не микроэлектроники // Электронные компоненты. 2020. № 12. С. 6–14.

10. Шелепин Н. А. Материалы интервью в рамках российского форума «Микроэлектроника 2021». URL: https://microelectronica.pro/novosti/rossiyskaya-mikro-i-nanoelektronika-zastyila-v-ozhidanii-intervyu-s-n-a-shelepinyim/ (дата обращения: 14.10.2021)

11. Сайт Федерального института промышленной собственности. URL: https://www1.fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegisterregName=TIMS (дата обращения: 02.11.2021).

12. Государственная информационная система промышленности (ГИСП). Минпромторг России. URL: https://gisp.gov.ru/rep/marketplace//products/%257B%2522PP719%2522%253A%255Btrue%255D%257D (дата обращения: 09.11.2021).

13. Минпромторг выделит 1,2 млрд рублей на изготовление полупроводников в России. URL: https://industry-hunter.com/minpromtorg-vydelit-12-mlrd-rublej-na-izgotovlenie-poluprovodnikov-v-rossii (дата обращения: 18.10.2021).

14. Сиротин Д. В. Обеспечение российской полупроводниковой электроники минерально-сырьевыми ресурсами // Актуальные проблемы экономики и управления: сборник статей Восьмой всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: УГГУ. 2020. С. 140–144.

15. Митин В. В., Кох А. А. Развитие рынка и технологии производства поликристаллического кремния // Известия вузов. Материалы электронной техники. 2017. № 2. С. 99–106.

16. Минпромторг вложит 5,7 млрд рублей в оборудование для радиоэлектроники // Industry Hunter: новостной портал. URL: https://industry-hunter.com/minpromtorg-vlozit-57-mlrd-rublej-v-oborudovanie-dla-radioelektroniki (дата обращения: 23.11.2021).

17. Романова О. А., Пономарева А. О. Теоретические, институциональные и этические основания реализации современной промышленной политики. Часть I // Экономика региона. 2019. № 1 (15). С. 13–28.

References:

1. Aspelund A., Azari M. J., Aglen A. F., Graff S. G. The birth and development of a born global industry: The case of microelectronics in Norway. Journal of International Entrepreneurship. 2018. Vol. 16 (1). Pp. 82–108.

2. Mody C. C. M. Academic centers and / as industrial consortia in American microelectronics research. Management Organizational History. 2017. Vol. 12 (3). Pp. 285–303.

3. Schroth F., Haussermann J. J. Collaboration Strategies in Innovation Ecosystems: An Empirical Study of the German Microelectronics and Photonics Industries. Technology Innovation Management Review. 2018. Vol. 8 (11). Pp. 4–12.

4. Yakovlev R. The role of local production in the new geopolitical reality // Materials of the international exhibition Semiexpo Russia 2020. URL: https://semiexpo.ru/docs/digital-economy-2020.pdf (access date: November 08, 2021).

5. Production of main types of products in physical terms since 2017 (in accordance with OKPD2) // Federal State Statistics Service. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58636 (access date: November 04, 2021).

6. Grigorieva A., Dzyubanenko S. Russian and world semiconductor industry. Figures and facts // Live electronics of Russia. 2021. URL: https://russianelectronics.ru/poluprovodnikovaya-promyshlennost/ (access date: October 10, 2021).

7. Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China. Working Paper 20-16. December 2020. URL: https://www.piie.com/sites/default/files/documents/wp20-16.pdf (access date: October 18, 2021).

8. Sirotin D. V. The state and possibilities of further development of the Russian microelectronic industry // Economic revival of Russia. 2021. Vol. 69. No. 3. Pp. 105–122.

9. Bondar D. Semiconductor microelectronics — 2020. Part 1. The global pandemic COVID-19 — force majeure for the world economy, but not for microelectronics // Electronic components. 2020. No. 12. Pp. 6–14.

10. Shelepin N. A. Interview materials within the framework of the Russian forum "Microelectronics 2021". URL: https://microelectronica.pro/novosti/rossiyskaya-mikro-i-nanoelektronika-zastyila-v-ozhidanii-intervyu-s-n-a-shelepinyim/ (access date: October 14, 2021).

11. Site of the Federal Institute of Industrial Property. URL: https://www1.fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegisterregName=TIMS (access date: November 11, 2021).

12. State information system of industry (GISP). Ministry of Industry and Trade of Russia. URL: https://gisp.gov.ru/rep/marketplace//products/%257B%2522PP719%2522%253A%255Btrue%255D%257D (access date: November 09, 2021).

13. The Ministry of Industry and Trade will allocate 1.2 billion rubles for the manufacture of semiconductors in Russia. URL: https://industry-hunter.com/minpromtorg-vydelit-12-mlrd-rublej-na-izgotovlenie-poluprovodnikov-v-rossii (access date: October 18, 2021).

14. Sirotin D. V. Provision of Russian semiconductor electronics with mineral resources // Actual problems of economics and management: a collection of articles of the Eighth All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Yekaterinburg: USMU. 2020. Pp. 140–144.

15. Mitin V. V., Koh A. A. Market development and production technology for polycrystalline silicon // Izvestiya vuzov. Electronic engineering materials. 2017. No. 2. Pp. 99–106.

16. The Ministry of Industry and Trade will invest 5.7 billion rubles in equipment for radio electronics // Industry Hunter: news portal. URL: https://industry-hunter.com/minpromtorg-vlozit-57-mlrd-rublej-v-oborudovanie-dla-radioelektroniki (access date: November 23, 2021).

17. Romanova O. A., Ponomareva A. O. Theoretical, institutional and ethical foundations for the implementation of modern industrial policy. Part I // Economy of the region. 2019. No. 1 (15). Pp. 13–28.

УДК/UDC 343.34

Религиозный экстремизм: понятие, сущность и признаки

Ашыралиева Баян Советбековна
кандидат юридических наук, доцент
Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева
г. Алматы, Казахстан
e-mail:bayan.ashiralieva@mail.ru

Ищанова Гульнар Тулемисовна
кандидат юридических наук, доцент
Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева
г. Алматы, Казахстан
e-mail:gulnar_tore@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2912-2752

Аннотация

Текст аннотации.В статье анализируется понятие «религиозный экстремизм», рассматриваются его сущность и особенности. Отмечается, что термин «религиозный экстремизм» не имеет общепризнанного единого толкования как на доктринальном, так и на законодательном уровне. Анализируются положения Конституции Республики Казахстан, Уголовного кодекса Республики Казахстан и международного законодательства (Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах и др.), а также религиозные трактаты (в частности, Аяты Корана). Приводятся различные точки зрения ученых, правоведов, политических деятелей и иных лиц, касающиеся видов и целей экстремизма, соотношения понятий «экстремизм» и «религиозный экстремизм». Формулируется авторское определение понятия «религиозный экстремизм», выделяются его характерные черты.

Ключевые слова: религия, экстремизм, понятие, признаки, сущность.

Religious extremism: concept, essence and signs

Ashyraliyeva Bayan Sovetbekovna
Candidate of Law, assistant professor
Kenzhegali Sagadiyev University of International Business
Almaty, Republic of Kasakhstan
e-mail:bayan.ashiralieva@mail.ru

Ischanova Gulnar Tulemisovna
Candidate of Law, assistant professor
Kenzhegali Sagadiyev University of International Business
Almaty, Republic of Kasakhstan
e-mail:gulnar_tore@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2912-2752

Abstract

The article analyzes the concept of "religious extremism examines its essence and features. It is noted that the term "religious extremism"does not have a generally recognized single interpretation both at the doctrinal and legislative levels. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and international legislation (the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, etc.), as well as religious treatises (in particular, Ayats of the Koran). Various points of view of scientists, lawyers, politicians and other persons concerning the types and purposes of extremism, the correlation of the concepts of “extremism” and “religious extremism” are presented. The author’s definition of the concept of "religious extremism"is formulated, its characteristic features are highlighted.

Key words: religion, extremism, concept, signs, essence.

Сегодня проблема религиозного экстремизма распространена не только в Республике Казахстан, но и по всему миру. Сам термин часто встречается в научной литературе, законодательных актах, используется в международном праве. Однако, несмотря на это, термин «религиозный экстремизм» не имеет общепризнанного единого толкования как на док-

тринальном, так и на законодательном уровне. В свою очередь, разъяснения, данные в законодательстве, далеки от научной обоснованности.

Не имеется и единообразной научной точки зрения в методах отнесения религиозных текстов и сообществ к категории экстремистских, а понимание данного явления вызывает немало затруднений: смысловое содержание понятия не определено конкретными границами. Такое положение вещей не только порождает неясность в теоретическом аспекте, но и затрудняет борьбу с данным общественно опасным явлением на практике.

При изучении любых явлений, особенно если речь идет о крайне опасных для общества, следует на самом начальном этапе исследования понять их сущность и содержание, поскольку трудно исследовать то или иное явление, содержание которого не уточнено и не обобщено в науке и законодательстве.

Так, из понятия религиозный экстремизм можно сделать вывод о двух составляющих: религии и экстремизме.

С психологической и философской точки зрения религию рассматривают в контексте внутренних мотивов ее проявления. Например, немецкий философ Ф. Шлейермахер считал, что в основе религии лежит «чувство и вкус к бесконечному», личное внутреннее переживание Бога, созерцание, а не познание Универсума. У. Джемс полагал, что религия имеет эмоциональную, но не интеллектуальную основу; З. Фрейд писал, что в основе религии лежит сам человек и его внутренний мир; К. Юнг утверждал, что в основе религии лежит коллективное бессознательное, возникающее из чувства страха человека перед неведомыми опасностями его души, в религии человек находит пространство для психического здоровья, защиту от проявлений бессознательного.

Совет Европы в пособии по образованию в области прав человека с участием молодежи дает свое определении религии — система убеждений и ценностей, которая связывает человечество с духовностью. Религия призвана объяснить смысл и происхождение жизни, Вселенной. В максимально простом объяснении религия описывает отношение че-

ловека к тому, что он считает божественным, святым или духовным. Исторические свидетельства показывают нам различные системы верований, начиная с поклонения природным силам, богам или богиням и заканчивая верой в единого Бога.

Можно сделать вывод, что религия на всех этапах существования человечества имела, имеет и будет иметь особую «духовную» значимость. В этом контексте особое значение приобретает и такой вид экстремизма, как религиозный.

Слово «экстремизм» образовано от лат. extremus, что означает «крайний», «выходящий за пределы границ». В поведении человека это может выражаться нарушением прав других лиц, противостоянием сложившимся традициям и нормам морали, а также другим устоям общества.

Как полагает Е. Н. Плужников, в той или иной степени экстремизм может проявляться во всех аспектах жизнедеятельности человека: политике, религии, природе, гендерных взаимоотношениях и т. д. При этом автор считает необходимым отличать агрессию, которая может быть как осознанной, так и неосознанной, от экстремизма, который в своей основе всегда имеет мотив, идею или концепцию. Е. Н. Плужников утверждает, что экстремизм — это следствие не только неправильного воспитания, но и других внешних факторов, влияющих на формирование у личности агрессии, нетерпимости к тому, с чем он не согласен. К таким внешним факторам Е. Н. Плужников относит социальные, политические, экономические и культурные [1].

Как считает Н. Койчукулов, именно протестный характер определяет природу экстремизма: недовольство сложившейся политической обстановкой, экономическими условиями, расовыми, этническими и конфессиональными группами, социальным неравенством [2, с. 9].

Некоторые ученые придерживаются позиции о том, что в определении понятия экстремизма следует фокусировать внимание на действиях людей, но не на самих людях, мотивируя это тем, что отнесение человека или группы людей к категории экстремистских не может быть од-

нозначным, поскольку зависит от позиции лица, использующего данное понятие. Так, одна и та же группа людей может быть расценена одними людьми как борцы за справедливость, а другими — как экстремисты.

В частности, как полагает Л. Левинсон, неопределенность в понятии экстремизма продиктована возможностью широкого охвата действий различного характера, попадающего под данное понятие. Если рассматривать экстремизм как все, что выходит за рамки общепринятого, то к таковому можно отнести марши мира, движение «Гринпис» и тому подобные вещи [3, с. 20].

А. К. Жарменова полагает, что не каждое столкновение мнений и убеждений принимает форму антиобщественности, противоправности и насильственности, отмечая, что исключительно наличие конкретных признаков должно устанавливать, является действие экстремистским или не более чем проявлением нестандартных взглядов в рамках соблюдения правопорядка [4].

А. Имомов, в свою очередь, считает, что сам по себе экстремизм как приверженность к крайним взглядам и установкам не следует рассматривать в качестве преступного, но преступность должна определяться его проявлениями и последствиями в виде общественно опасного деяния, создающего угрозу обществу, государству и личности в отдельности [5, с. 170].

Спецдокладчик ООН Фионнула Ни Аолэйн на пресс-конференции 17 мая 2019 г. в Представительстве ООН в Казахстане выразила мнение о том, что законодательство по противодействию терроризма, а также методы борьбы с экстремизмом в Республике Казахстан часто используют в политических целях против объединений гражданского общества, в частности против религиозных меньшинств, и призывает правительство позволить этим организациям заниматься своей деятельностью, которая защищена международным правом [6].

Однако, как справедливо, на наш взгляд, отмечает М. М. Хадысов, на международном уровне, в т. ч. и в документах ООН, нет единообраз-

ного понимания экстремизма, а присутствует исключительно перечень деяний, которые государства — члены ООН признают таковыми [7].

В Указе Президента Республики Казахстан от 06 июня 2017 г. № 492 «О подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму» дается определение экстремизму — это идеология и практика, направленная на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий [8].

В ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» закреплены три вида экстремизма:

1) политический — насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни;
2) национальный — разжигание расовой, национальной и родовой розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию;
3) религиозный — разжигание религиозной вражды или розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан [9].

Как видим, на международном уровне не выработано единого определения понятий «экстремизм» и «религиозный экстремизм». На уровне Шанхайской организации сотрудничества и национального законодательства существует легальное определение понятия «экстремизм», на основе которого мы попытаемся сформулировать определение понятия «религиозный экстремизм»:

1) идеология и практика, направленная на разрешение религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий;
2) разжигание религиозной вражды или розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан.

Если насильственные и иные антиконституционные действия при решении религиозных конфликтов нельзя признать допустимыми, то расценивание в качестве экстремизма применения любой религиозной практики, угрожающей нравственности, вызывает обоснованные сомнения хотя бы потому, что в Конституции Республики Казахстан прямо не предусмотрено право человека на сохранение своей нравственности.

Вместе с тем перечень прав и свобод граждан как на уровне Конституции Республики Казахстан, так и на уровне нижестоящих законодательных актов является достаточно широким, в связи с чем мы не можем утверждать, что любое из нарушений таких прав в результате применения любой религиозной практики должно расцениваться как религиозный экстремизм.

Мы считаем, что при таких обстоятельствах определение понятия «экстремизм» в Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» необходимо привести в соответствие с определением экстремизма, которое дается в Указе Президента Республики Казахстан от 06 июня 2017 г. № 492 «О подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму».

Как отмечает докладчик ООН Ни Оалин, посетившая Казахстан в мае 2019 г., хотя документы ООН и признают вызовы экстремизма, самого термина «экстремизм» нет в юридически обязывающих международных правовых стандартах, и его использование в качестве уголовно-правовой категории несовместимо с принципом юридической определенности и противоречит некоторым фундаментальным правам человека.

Ни Оалин отмечает, что термин «экстремизм» применяется не как средство борьбы с данным общественно опасным явлением, но в качестве совершения самого преступления. Обеспокоенность у докладчика вызывает применение ст. 174, 179, 405 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее по тексту — УК РК).

В частности, как полагает Ни Оалин, ст. 174 УК РК «Разжигание социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни» часто применяется в отношении религиозных групп и активистов гражданского общества. Данная диспозиция УК РК лишь в общих чертах описывает признаки данного преступления, тем самым не обеспечивает необходимую защиту от необоснованного уголовного преследования. Такое положение вещей дает возможность правительству преследовать гражданских активистов. Неопределенность таких пунктов в ст. 174 УК РК, как «рознь», «пропаганда исключительности, неполноценности либо превосходства граждан», «оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств» дает возможность правительству преследовать не только гражданских активистов, но и религиозные и другие группы граждан. В пример преследования за инакомыслие Ни Оалин приводит дела Т. Аяна и М. Бокаева. В целом у докладчика имеется обеспокоенность, что термин «экстремизм» применяется против религиозных убеждений, тогда как свобода вероисповедания является универсальным правом и неотделимой частью гражданского общества [10].

Нельзя назвать утверждения Ни Оалин касательно проблемы термина «терроризм» необоснованными. Так, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» множество публикаций о привлечении к уголовной ответственности по экстремистским статьям УК РК за репосты или «лайки» в социальных сетях. В частности, в 2018 г. по ст. 174 УК РК «Разжигание социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни» был привлечен к уголовной ответственности Т. Давлетов — приверженец салафизма (религиозного течения ислама), который в социальной сети «Вконтакте» сделал репост публикации другого автора о негативном отношении к запрещенной в Республике Ка-

захстан и Российской Федерации организации «ИГИЛ». К выводам о признаках разжигании межрелигиозной розни пришли эксперты (филологи и лингвисты). На защиту Т. Давлетова встал международный фонд защиты свободы слова «Адил соз». Как считает юрист фонда, эксперты не имеют права отвечать на вопросы правового характера, поскольку это является исключительной компетенцией суда. Юрист фонда Т. Симахина отмечает, что в 2018 г. по ст. 174 УК РК осуждено более 41 человека, и количество случаев привлечения к уголовной ответственности по данной статье неуклонно растет. В пример юрист приводит 2014 г., когда по данной статье было осуждено всего 7 человек. Т. Симахина делает вывод, что является достаточно размытой грань, когда человек просто высказывает свое мнение и когда он умышленно разжигает рознь. Не исключает она и случаи, когда репост или «лайк» был сделан или поставлен случайно. Солидарными с ее мнениями оказались адвокат Алматы Дж. Утебеков и автор ютуб-канала «За нами уже выехали» Д. Дубовицкий [11].

Из проведенного выше анализа можно сделать предположение, что на сегодняшний день законодательно закрепленное определение понятия «экстремизм» в правоприменительной практике конфликтует с конституционными положениями:

1) никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотиву социального положения, пола, расы, национальности, отношения к религии, убеждений или по любым иным обстоятельствам (ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан);
2) свобода слова гарантируется (ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Казахстан);
3) каждый имеет право свободно получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом (ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Казахстан);
4) каждый имеет право на свободу совести (ч. 1 ст. 22 Конституции Республики Казахстан).

Кроме того, в соответствии с п. 6 ст. 3 Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» каждый вправе придерживаться религиозных или иных убеждений, распространять их, участвовать в деятельности религиозных объединений и заниматься миссионерской деятельностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Примечательно, что ранее упомянутый Закон Республики Казахстан именовался «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», где в качестве основной задачи было провозглашена свобода вероисповедания, но утратил силу 11 октября 2011 г., тогда как действующий Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в качестве основной задачи выделяет свободу совести. Новый закон ввел более жесткие требования к регистрации деятельности религиозных объединений и миссионерской деятельности относительно редакции раннее действовавшего закона.

В целом вышеприведенный анализ дает понять, что существует тонкая, а порой даже и невидимая грань, когда распространение религиозных убеждений переходит в действия, которые могут быть расценены в качестве экстремистских. Это заставляет нас продолжить исследование и попытаться сформулировать собственное определение понятия «религиозный экстремизм».

Так, большинство исследователей полагают, что религиозный экстремизм в своей основе имеет доктринальные концепции, представители многих религий претендуют на исключительную истинность своего вероучения, что порождает конфликты на данной почве, примерами чему является история: крестовые походы, противостояние буддистов, индуистов мусульманам, террористические акты запрещенной на территории Республики Казахстан и Российской Федерации организации «ИГИЛ» и т. п. Однако мы знаем и примеры мирного сосуществования различных вероучений. В частности, как утверждает представитель ООН, Российская Федерация является таким примером, где мирно сосуществуют ислам и православие [12].

Как считает Е. Н. Плужников, в развитие мирного сосуществования религий в России внесли свой вклад и представители таких вероучений, как иудаизм, католицизм и буддизм [1].

В 1948 г. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека (далее по тексту — Декларация), где в ст. 18 постулируется свобода мысли, совести и религии. Провозглашая данные свободы, Декларация признает право каждого свободно менять свою религию, убеждения, свободно исповедовать религию как единолично, так и коллективно. В ст. 19 Декларации закрепляется право на свободное выражение своих убеждений, а также право на свободный поиск, получение и распространение информации и идей любыми средствами и независимо от государственных границ [13].

Права и свободы, провозглашенные данной Декларацией, в той или иной степени способствовали закреплению веротерпимости или во взаимном признании права следовать своим религиозным убеждениям. Однако всему, в т. ч. и веротерпимости, определена своя мера.

Так, ст. 18 и 19 Декларации, хотя практически в той же редакции и были интегрированы в ст. 18 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г. (далее по тексту — МПГПП), однако были дополнены следующими положениями:

1. Свобода исповедания религии или убеждений подлежат ограничениям, установленным законам и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц (ст. 18 МПГПП).
2. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: a) для уважения прав и репутации других лиц; b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения (ст. 19 МПГПП) [13].

Напомним, что МПГПП ратифицирован Республикой Казахстан Законом от 28 ноября 2005 г. № 91-II [14].

Нельзя не отметить позицию ООН по ст. 18 и 19 МПГПП о том, что эти положения относятся не только к традиционным религиям, но и к любым другим вероучениям, поэтому не должны подвергаться какой-либо дискриминации и религиозные меньшинства. Аналогичной позиции придерживается и Европейский суд по правам человека [15].

Таким образом, позиция международного сообщества едина во мнении о необходимости свободы вероисповедания, но указывает ее границы, когда она не должна нарушать общественную безопасность, порядок, здоровье, мораль, а также основные свободы и права других лиц. Мы считаем, что при переходе через эту границу и начинает проявлять себя религиозный экстремизм.

В последнее десятилетие сам термин «религиозный экстремизм» не только употребляется чаще, но и толкуется шире. В этой связи проблема определения данного понятия становится все более актуальной, однако, несмотря на это, в доктрине не имеется единообразного понимания данного общественно опасного явления.

В 1967 г. Дж. Ванеко был одним из первых, кто попытался дать определение исследуемому понятию. Ученый отмечал, что данное явление — это следствие одного из двенадцати изменений религиозного поведения верующего человека, различные стадии проявления которого можно определить в границах двух главных переменных: 1) умения исповедующего ту или иную веру обозначать отличия важных от второстепенных составляющих вероучения религиозной организации; 2) степени и характере отрицания им других религиозных организаций [16, с. 118].

В начале 1970-х гг. США и Европа стали апеллировать данным термином в контексте противодействия различным сектам и оккультным организациям, которые проявляли акты агрессии и нетерпимости не только к «инакомыслящим», но и к представителям своих вероучений. Несмотря на употребление термина «религиозный экстремизм» в США и Европе в 1970– 80-х гг., он больше использовался в контексте

других основных терминов, таких как «экстремистские секты», «экстремистские культы», которые используются и до сегодняшнего дня. Часто термин «религионый экстремизм» использовался в контексте борьбы с сектами и оккультными организациям во времена СССР, но, несмотря на это, не получил фундаментального теоретического исследования [17].

В 1983 г. Ч. Либман высказал предположение о том, что «религиозный экстремизм» необходимо рассматривать с двух точек зрения: как набор характеристик, которых могут придерживаться верующие, и как процесс подавления этих характеристик. Ч. Либман выделял основные составляющие данного общественно опасного явления: 1) желание навязать свою систему религиозных ценностей другим; 2) отделение экстремистом себя от социума; 3) отрицание экстремистом иных вероучений, нетерпимое и бескомпромиссное отношение к таковым.

Ч. Либман небезосновательно считал, что экстремизм наносит вред самой религиозной организации, которая его применяет. Он акцентировал внимание на необходимости изучения мирного сосуществования различных религий, отмечая, что на ранних этапах интеграции религий вместе с имеющимися социальными институтами данное общественно опасное явление наблюдалось в меньшей степени и появилось как следствие защитной реакции на снижение роли религии в обществе. В заключение Ч. Либман сделал вывод, что чем дальше государство будет отдаляться от религии, тем интенсивнее религиозный экстремизм будет проявлять себя [18, с. 77].

В этом контексте нельзя не упомянуть такое явление, как религиозный фундаментализм, трактуемый А. М. Кырлежевым как тенденция, выражающая отрицательную реакцию консервативных религиозных кругов (XIX–XX вв.) на секуляризацию, т. е. отделение науки, культуры и общественной жизни от религии, что стало причиной маргинализации последней [19].

К исследователям, которые не разделяют точку зрения о состоятельности рассматриваемых терминов, относится Л. Иннаконе, издавший в 1992–1999 гг. ряд научных статей по исследуемой проблеме. Он по-

лагал, что данные термины применяются в политике, в борьбе за власть, однако при этом справедливо замечает, что нельзя отменять факта социальной напряженности на религиозной почве. В этой связи Л. Иннаконе предлагает называть экстремистские группы сектами или экстремистскими сектами, полагая, что именно изучение сущности сектантства даст больше ответов на поставленные вопросы, нежели изучение теоретических аспектов экстремизма. При этом ученый считает, что отсутствие свободы вероисповедания — одна из главных причин этого общественно опасного явления [20].

Среди исследователей 2000-х гг. можно отметить Д. Каннети-Низим, которая, изучая в 2004 г. индуистский экстремизм и еврейский экстремизм, рассматривала эти явления в контексте форм их проявления, а именно в форме насилия, подавления прав по отношению к светской власти, религиозным группам со стороны других религиозных групп [21, с. 48].

Между тем, справедливым, на наш взгляд, является замечание А. Айтжановой о том, что религиозный экстремизм может проявляться как к представителями других религий, так и в разных течениях одной и той же религии, возникая в связи с различием в толковании ее основных догм [22]. Т. А. Скворцовой, М. Ю. Вертием и А. М. Семенцовой понятие «религиозный экстремизм» толкуется как исповедание идеологии нетерпимости к представителям иной или своей религии, ведующее к совершению противоправных деяний, к нарушению прав других лиц, общества и государства в целом [23, с. 114]. Как полагает М. А. Яворовский, религиозный экстремизм характеризуется крайней формой радикальной религиозной идеологии, направленной на совершение по религиозным мотивам преступлений, а также пропагандой совершения таких преступлений в отношении «инакомыслящих».

Из исследованных точек зрения можно выделить следующие признаки религиозного экстремизма:

1) приверженность к крайним взглядам, убеждениям;

2) отсутствие толерантности, бескомпромиссность к лицам иной веры, «инакомыслящим»;
3) такое же отношение между представителями одной конфесии (внутриконфессиональный религиозный экстремизм);
4) пропаганда насилия, религиозной вражды, совершения правонарушений по религиозным мотивам;
5) создание угрозы нарушения суверенитета государства, его территориальной целостности и стабильности в обществе.

Продолжая выявлять проблемы определения понятия «религиозный экстремизм», нельзя не отметить, что в самих религиях нет понятия экстремизма, но встечаются такие термины, как «джихад», «священная война», «крестовый поход», «охота на ведьм», «борьба за веру» и др., которые часто используются для обоснования экстремисткой пропаганды.

Некоторые исследователи данной проблемы полагают, что причиной релилиозного экстремизма может быть сама религия, а точнее содержащиеся в ней тексты священных писаний. При такой точке зрения становится несостоятельной версия о неправильном толковании и примении религиозных текстов как причине возникновения экстремизма. В противоположном контексте это дало бы возможность видить корень проблемы исключительно в экстремистах, но не в самой религии. Однако, как отмечает Д. Б. Петров, многие экстремисты хорошо понимают религозные тексты и посвятили их изучению всю свою жизнь [24].

Аналогичную точку зрения высказывает и Н. Дж. Крессель, полагая, что большинство вероучений в той или иной степени могут препятствовать развитию общества, а корень проблемы кроется в самих религиозных текстах, истинность которых не ставится под сомнение верующими [25, с. 18].

Противоположного мнения придерживается Е. Н. Плужников, который в результате своего исследования пришел к выводу, что представители основных мировых религий убеждены в том, что проявление экстремизма чуждо религии и критикуется верующими. Представители традиционных религий утверждают, что религиозного экстремизма как

такового нет ввиду того, что религия — это Истина, а значит благо и добро, где нет место подобному «уродству» [1].

Аналогично думает Л. К. Танкенова, которая, исследуя вопросы о проблеме юридического толкования определения понятия «религиозный экстремизм», отмечает, что главной причиной данного общественно опасного явления является отсутствие необходимых знаний о религии, что приводит к недостатку религиозного воспитания и формирует идеи и взгляды радикального характера, особенно в среде молодежи [26].

В своем исследовании на тему «Религиозный экстремизм и терроризм» В. В. Малышев и В. М. Василенко указывают, что религия используется как инструмент в руках религиозных лидеров и политиков для достижения собственных целей. Религиозный экстремизм, как правило, не проявляет себя в чистом виде, но истинными причинами являются политические и экономические интересы, которые выступают в «маске» якобы благородных религиозных идей [27, с. 235].

Не отдавая предпочтения тем или иным точкам зрения, нельзя не констатировать тот факт, что в мировом сообществе видение религиозного экстремизма прочно ассоциируется с таким термином как «ИГИЛ», «Исламское государство» (запрещенная на территории Республики Казахстан и Российской Федерации организация) и др., которые создают негативный образ в отношении большинства мирных представителей данного вероучения.

Следствием такого понимания религии является множество примеров антиисламских настроений по всему миру: создание для мусульман лагерей перевоспитания в Синьцзяне (Китай), подавление мусульман во Франции, Египте, взрывы мечетей по всему миру, запрет на ношение хиджаба в некоторых странах и т. д .

Протестный настрой в отношении мирных представителей ислама подтвердил и Президент Турции Р. Т. Эрдоган на церемонии открытия Центральной мечети Кембриджа в Великобритании (декабрь 2019 г.), отмечая, что понятия «исламский терроризм» не существует, а страны, которые долгое время считались центром демократии, сегодня заражены

болезнью исламофобии. Президент подчеркнул, что мировую религию ислам необоснованно отождествляют с терроризмом, поскольку настоящий мусульманин террористом быть не может. Эрдоган также отметил попытки террористов запрещенного на территории РК и РФ ИГИЛ исказить нормы ислама.

На официальном сайте Духовного Управления Мусульман Казахстана приводится пять Аятов Корана, смысл которых чаще всего искажают религозные экстремисты, призывая к нетерпимости и крайностям в отношении иноверцев, инакомыслящих и тут же приводятся доказательства неправильности такого толкования со ссылкой на другие Аяты Корана, а также исторические свидетельства ниспослания Аятов.

В исследовании делается акцент на основной способ экстремистов — «вырывание» Аятов Корана из общего контекста предыдущих и последующих Аятов, не учитывание исторического контекста и того обстоятельства, что некоторые Аяты содержат как нормы предписания, так и нормы повествования, где рассказывается о жизни мусульман, иудеев и христиан. В целом исследование дает понять, что релгиозные тексты используются экстремистами в «нападательном» контексте, тогда как их действительный контекст «оборонительный» [28].

Примеры других Аятов, используемых экстремистами, террористами приводятся на информационно-аналитическом портале «Голос Ислама» [29].

Можно выделить основные Аяты из Корана, неправильно толкуемые экстремистами в «нападательном» контексте (2:191, 4:89, 8:12, 8:60, 9:5, 29:9, 47:4), а также Аяты из Корана, опровергающие «нападательный» контекст вышеперечисленных Аятов и указывающий на их «оборонительный» контекст (2:216, 2:190, 2:192, 2:256, 3:20, 4:82, 4:90, 5:68, 8:26, 8:61, 9:4, 9:6, 9:13, 9:32, 9:36, 10:99, 15:9, 16:125, 25:52, 25:63, 29:46, 41:34, 47:1, 60:8). В частности, Коран 2:256: «Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения». При этом о противоречиях в Коране сказано следующее:

1. 4:82 «Неужели они не задумываются над Кораном? Ведь если бы он был не от Аллаха, то они нашли бы в нем много противоречий».
2. 15:9 «Поистине, Мы ниспослали [Коран как] Наставление, и Мы, без сомнения, сохраним его [от искажений и изменений]».

Таким образом, необходимо размышлять над Аятами из Корана и не «сталкивать» их друг с другом, но вместо этого комплексно извлекать из общего контекста Аятов зерно сути, исследовать мнения известных ученых-богословов, интересоваться соответствующей историей раннего исламского периода.

Исходя из того, что Коран признает такие Святые писания, как Евангелие и Тору, в христианстве и иудаизме также не должно быть идей нетерпимости, агрессии и крайностей к иноверцам, инакомыслящим.

Противоположная точка зрения, на наш взгляд, не отвечает критериям разумности, создает протестный настрой против мирных представителей религии, не представляющих угрозы. Данная проблема требует отдельного научного фундаментального исследования ввиду своей практической значимости. Еще 24 июня 2016 г. Н. А. Назарбаев, принимая участие в заседании Совета глав государств-членов ШОС в г. Ташкент, отметил: «Важно, чтобы экстремизм не отождествлялся с миролюбивым исламом и другими религиями».

Однако, как небезосновательно отмечает Е. Н. Плужников, светское (секулярное) государство, познающее мир через социально-политический и правовой подходы, не может мыслить в системе религиозных координат. В случае если государство рассуждает в религиозной парадигме, то оно перестает быть светским. При этом автор не берется утверждать, хорошо это или плохо, а лишь констатирует данное обстоятельство [1].

Мы полагаем, что истина находится посередине, а именно социально-политический и правовой подходы имеют место быть, но они не должны находиться в отрыве от реалий и существующих проблем, поскольку предназначение права в том и заключается, чтобы сохранить

стабильность в обществе, в частности не допустить дискриминации по религиозному признаку, и при этом сохранить свободу вероисповедания.

Таким образом, мы предлагаем следующую формулировку понятия религиозного экстремизма: религиозный экстремизм — это разновидность экстремизма, идеология и практика которого направлена на разрешение религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий, характеризуется искаженным толкованием религиозной идеологии и (или) религиозных текстов в контексте радикальных взглядов и убеждений по отношению к представителям различных конфессий либо внутри одной конфессии.

Список литературы:

1. Плужников Е. Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 71–78.

2. Койчуколов М. Факторы религиозного экстремизма // Казахстан Спектр. 2012. № 4. С. 9–10.

3. Тукумов Е. Экстремизм // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». 2013. № 10. С. 19–29.

4. Жарменова А. К. Экстремизм: природа, содержание, причины. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46026/1/ipoy-2016-29.pdf (дата обращения: 15.12. 2021).

5. Имамов А. Непрерывный диалог — важнейший способ решения проблемы экстремизма // Материалы международной научной конференции: «Религиозный экстремизм в Центральной Азии». Душанбе, 25.04.2002.

6. В ООН выразили обеспокоенность по поводу методов борьбы с экстремизмом в Казахстане // Informбюро. URL: https://informburo.kz/novosti/v-oon-vyrazili-obespokoennost-po-povodu-metodov-borby-s-ekstremizmom-v-kazahstane.html (дата обращения: 30.08.2021).

7. Хадысов М. А. Международно-правовое противодействие экстремизму // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 178–181.

8. О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18.02.2020 № 303-VI // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респуб-

лики Казахстан. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000303 (дата обращения: 17.09.2021).

9. О противодействии экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18.02.2005 № 31-III // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращения: 25.09.2021).

10. Предварительные итоги визита в Казахстан Специального докладчика ООН по вопросу поощрения и защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24637&LangID=R (дата обращения: 29.09.2021).

11. Срок за репост: как в Казахстане судят за посты и лайки // RFI. URL: https://www.rfi.fr/ru/tsentralnaya-aziya/20180927-srok-za-repost-kak-v-kazakhstane-sudyat-za-posty-i-laiki (дата обращения: 10.10.2021).

12. Представитель ООН: РФ демонстрирует миру пример мирного сосуществования культур и религий // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2379343 (дата обращения: 15.10.2021).

13. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.10.2021).

14. О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах: Закон РК от 28.11.2005 № 91-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc/_id=30035423#pos=3;-112I (дата обращения: 22.10.2021).

15. Противодействие терроризму // Сайт Управы Савеловского района города Москвы. URL: https://savelovskiy.mos.ru/counter-terrorism/o-sushchnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merakh-po-protivodeystviyu-etim-yavleniya.php (дата обращения: 25.10.2021).

16. Vanecko J. J. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. Sociological Analysis. 1967. 28 (3). Pp.111–122.

17. Арестов В. Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Харьков: Высшая школа, 1987.

18. Liebman C. S. Extremism as a Religious Norm. Journal for the Scientific Study of Religion. 1983. № 22 (1). Pp. 75–86.

19. Кырлежев А. Религиозный фундаментализм // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2c9f4db04c8792279a3d (дата обращения: 23.10.2021).

20. Iannaccone L. R. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism». Journal of Institutional and Theoretical Economics.1997. № 153 (1). Pp: 100–116.

21. Iannaccone L. R. Religious Extremism: Origins and Consequences. Contemporary Jewry. 1999. № 20(1). Pp. 8–29.

22. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. Religious Fundamentalism and Political Extremism. London: Routledge, 2004. Pp. 35–55.

23. Айтжанова Д. Противодействие религиозному радикализму: зарубежный опыт // Материалы международной научно-практической конференции. Нур-Султан, 04.04.2019. URL: kisi.kz/images/terror.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

24. Вертий М. Ю., Скворцова Т. А., Семенцов А. М. Религиозный экстремизм как политико-правовой феномен // Философия права. 2007. № 1. С. 113–120.

25. Петров Д. Б. «Профилактика религиозного экстремизма»: теория и практика. Саратов, 2018. URL: https://samsmu.ru/files/news/2020/1510/ter_mp_05.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

26. Kressel, Neil. Bad Faith: The Danger of Religious Extremism. York: Prometheus Books, 2007. 264 p.

27. Танкенова Л. К. К вопросу о проблеме юридического толкования определения понятия «религиозный экстремизм». URL: https://articlekz.com/article/15101 (дата обращения: 02.11.2021).

28. Василенко В. И., Малышев В. В. Религиозный экстремизм и терроризм // Журнал Социология власти, 2012. С. 233–240.

29. Пять аятов Корана, смысл которых чаще всего искажают // Официальный сайт Духовного Управления Мусульман Казахстана. URL: https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2014-12-26/20808-pyat-ayatov-korana-smyisl-kotoryih- chasche-vsego-i/ (дата обращения: 07.11.2021).

30. Ислам о терроризме // Информационно-аналитический портал «Голос Ислама». URL: https://golosislama.com/news.php?id=4862 (дата обращения: 08.11.2021).

References:

1. Pluzhnikov E. N. The concept of religious extremism and its manifestations in modern Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2010. No. 1. Pp. 71–78.

2. Koichukolov M. Factors of religious extremism // Kazakhstan Spectrum. 2012. No. 4. Pp. 9–10.

3. Tukumov E. Extremism // Republican socio-political journal "Mysl". 2013. No. 10. Pp. 19–29.

4. Zharmenova A. K. Extremism: nature, content, reasons. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46026/1/ipoy-2016-29.pdf (access date: December 15, 2021).

5. Imamov A. Continuous dialogue — the most important way to solve the problem of extremism // Materials of the international scientific conference: "Religious extremism in Central Asia". Dushanbe, 25.04.2002.

6. The UN expressed concern about the methods of combating extremism in Kazakhstan // Informbureau. URL: https://informburo.kz/novosti/v-oon-vyrazili-obespokoennost-po-povodu-metodov-borby-s-ekstremizmom-v-kazahstane.html (access date: August 30, 2021).

7. Khadysov M. A. International legal counteraction to extremism // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 1. Pp. 178–181.

8. On the ratification of the Convention of the Shanghai Cooperation Organization on Countering Extremism: Law of the Republic of Kazakhstan dated February 18, 2020 No. 303-VI // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000303 (access date: September 17, 2021).

9. On countering extremism: Law of the Republic of Kazakhstan dated 18.02.2005 No. 31-III // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 access date: September 25, 2021).

10. Preliminary results of the visit to Kazakhstan of the UN Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism // Official website of the Office of the UN High Commissioner for Human Rights https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/ Pages / DisplayNews.aspx? NewsID = 24637 & LangID = R access date: September 29, 2021).

11. Term for repost: how in Kazakhstan people are judged for posts and likes // RFI. URL: https://www.rfi.fr/ru/tsentralnaya-aziya/20180927-srok-za-repost-kak-v-kazakhstane-sudyat-za-posty-i-laiki (access date: October 10, 2021).

12. UN representative: RF demonstrates to the world an example of peaceful coexistence of cultures and religions // TASS Information Agency. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2379343 (access date: October 15, 2021).

13. Universal Declaration of Human Rights of 12/10/1948 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (access date: October 14, 2021).

14. On the ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights: Law of the Republic of Kazakhstan dated November 28, 2005 No. 91-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30035423#pos=3;-112I (access date: October 22, 2021).

15. Countering terrorism // Website of the Administration of the Savelovsky district of Moscow. URL: https://savelovskiy.mos.ru/counter-terrorism/o-sushchnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merakh-po-protivodeystviyu-etim- yavleniya.php (access date: October 25, 2021).

16. Vanecko J. J. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. Sociological Analysis. 1967. 28 (3). Pp. 111–122.

17. Arestov V. N. Religious extremism: content, causes and forms of manifestation, ways of overcoming. Kharkov: High School, 1987.

18. Liebman C. S. Extremism as a Religious Norm. Journal for the Scientific Study of Religion. 1983. No. 22 (1). Pp. 75–86.

19. Kyrlezhev A. Religious fundamentalism // Electronic library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2c9f4db04 c8792279a3d (access date: October 23, 2021).

20. Iannaccone L. R. Toward an Economic Theory of "Fundamentalism". Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1997. No. 153 (1). Pp: 100–116.

21. Iannaccone L. R. Religious Extremism: Origins and Consequences. Contemporary Jewry. 1999. No. 20 (1). Pp. 8–29.

22. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. Religious Fundamentalism and Political Extremism. London: Routledge, 2004. Pp. 35–55.

23. Aitzhanova D. Counteraction to religious radicalism: foreign experience // Materials of the international scientific-practical conference. Nur-Sultan, 04.04.2019. URL: kisi.kz/images/terror.pdf (access date: December 15, 2021).

24. Vertiy M. Yu., Skvortsova T. A., Sementsov A. M. Religious extremism as a political and legal phenomenon // Philosophy of law. 2007. No. 1. Pp. 113–120.

25. Petrov D. B. "Prevention of religious extremism": theory and practice. Saratov, 2018. URL: https://samsmu.ru/files/news/2020/1510/ter_mp_05.pdf (access date: November 02, 2021).

26. Kressel, Neil. Bad Faith: The Danger of Religious Extremism. York: Prometheus Books, 2007. 264 p.

27. Tankenova L. K. On the issue of the problem of legal interpretation of the definition of "religious extremism". URL: https://articlekz.com/article/15101 (access date: November 02, 2021).

28. Vasilenko V. I., Malyshev V. V. Religious extremism and terrorism // Journal of Sociology of Power, 2012. Pp. 233–240.

29. Five verses of the Koran, the meaning of which is most often distorted // Official website of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan. URL: https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2014-12-26/20808-pyat-ayatov- korana-smyisl-kotoryih-chasche-vsego-i/ (access date: November 07, 2021).

30. Islam about terrorism // Information and analytical portal "Voice of Islam". URL: https://golosislama.com/news.php?id=4862 (access date: November 08, 2021).

УДК/UDC 343.9

Личность преступника и жертвы при совершении угрозы убийством в семейно-бытовой сфере

Иванова Евгения Владимировна
кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права,
уголовно-исполнительного права и криминологии
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail:evgeniya.ivanova@spbu.ru
SPIN-код: 5864-6662

Аннотация

Данная статья написана по результатам изучения судебной практики применения ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации различными российскими судами за 2019 г. Используются данные, полученные в рамках работы Центра по изучению проблем домашнего насилия Санкт-Петербургского государственного университета. В работе анализируются особенности личности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации, в семейно-бытовой сфере, а также особенности личности потерпевших от данного преступления. Проводится анализ гендерной принадлежности виновных и потерпевших, исследуется вопрос о наличии или отсутствии судимости лиц, совершивших преступления, об их нахождении в состоянии алкогольного опьянения при совершении угрозы убийством. В работе рассматриваются в контексте исследуемого преступления родственные отношения виновных и потерпевших, их межличностные взаимоотношения, мотивы виновных.

Ключевые слова: угроза убийством, домашнее насилие, семейное насилие, виктимность, личность преступника.

The identity of the criminal and the victim when making a death threat in the family and household sphere

Ivanova Yevgeniya Vladimirovna
Candidate of Law, assistant of the Department of Criminal Law, Penal Enforcement Law and Criminology
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
e-mail:evgeniya.ivanova@spbu.ru
SPIN-код: 5864-6662

Abstract

This article was written based on the results of studying the judicial practice of applying Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation by various Russian courts for 2019. The data obtained in the framework of the work of the Center for the Study of Problems of Domestic Violence at St. Petersburg State University are used. The paper analyzes the personality traits of persons who have committed a crime under Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the family and everyday life, as well as the personality traits of the victims of this crime. The analysis of the gender identity of the perpetrators and victims is carried out, the question of the presence or absence of convictions of persons who have committed crimes, of their being in a state of alcoholic intoxication when committing a threat of murder is investigated. The work examines in the context of the crime under study the kinship of the perpetrators and victims, their interpersonal relationships, the motives of the perpetrators.

Key words: threat of murder, domestic violence, family violence, victimization, the identity of the perpetrator.

Ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Данное преступление не является самым распространенным из совершаемых в Российской Федерации, между тем рассмотрение обстоятельств совершения данного преступле-

ния представляет интерес с точки зрения криминологических свойств и качеств личности преступников, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, а также виктимологических качеств потерпевших от данного преступления.

Особый интерес представляет исследование данного вопроса применительно к случаям совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере. Данное обстоятельство, во-первых, обусловлено тем, что в ходе семейно-бытовых конфликтов угроза убийством предваряет либо продолжает применяемое насилие, часто влекущее последствия, указанные в ст. 111, 112, 115 УК РФ. Во-вторых, имеются основания полагать, что личности преступников и потерпевших в случаях совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, имеют определенную специфику.

В научной литературе в настоящее время нет единого определения понятия «преступление на бытовой почве» [1, с. 5] или единого определения семейно-бытового насилия. Под такими преступлениями предлагается понимать деяния, совершенные по мотивам и в ситуациях, связанных с личностным взаимоотношением преступника с потерпевшим в бытовой (непроизводственной) сфере [1, с. 75].

Исследователи проблем семейного насилия отмечают следующие тенденции. Во-первых, потерпевшими от насилия в основном являются женщины и дети, поскольку именно они относятся к более незащищенным членам семьи [1, с. 5]. Именно женщины, как указывают ученые, ссылаясь на данные социологических исследований, особенно обеспокоены возможностью стать жертвой семейного насилия [2, с. 47]. Мужчины также страдают от домашнего насилия, однако применительно к анализу виктимности мужчин соотношение жертв насилия по гендерному признаку меняется с повышением тяжести совершенного в отношении потерпевшего преступления [3, с. 99]. Например, исследования показывают, что соотношение мужчин и женщин — жертв семейно-бытового насилия — в целом составляет 1 к 3, но применительно к супружеским убийствам соотношение между убитыми мужьями и женами приближа-

ется к показателю 1 к 1 [4, с. 143; 5]. От женской агрессии страдает в семье до 30% мужчин [3, с. 106].

Во-вторых, данные преступления имеют высокую латентность [1, с. 37]. Отмечаются и иные характеристики преступности в семейно-бытовой сфере.

В рамках работы Центра по изучению проблем домашнего насилия Санкт-Петербургского государственного университета [6] было проведено изучение 258 приговоров и постановлений, вынесенных в 2019 г. судами Российской Федерации и размещенных в открытом доступе на интернет-ресурсах «Судебные и нормативные акты РФ» («СудАкт») и сайтах судов. Исследование было нацелено на выявление специфики именно семейно-бытовой сферы совершения преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ, основной упор при анализе криминологических показателей был сделан на характеристиках личности виновного и потерпевшего, их взаимоотношениях до, во время и после совершения преступления, мотивах посягательства и обстановке его совершения.

В результате исследования 93 приговоров и 9 постановлений судов в субъектах Российской Федерации (Томская область, Новосибирская область, Красноярский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Белгородская область, Камчатский край, Пензенская область, Республика Крым, Приморский край, Хабаровский край, Алтайский край, Свердловская область, Калининградская область, Брянская область, Владимирская область, Астраханская область, Иркутская область, Архангельская область, Мурманская область, Республика Карелия, Тюменская область, Республика Тыва, Амурская область, Еврейская автономная область, Ямало-ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Республика Марий-Эл, Республика Мордовия, Ленинградская область, Ставропольский край, Санкт-Петербург, Воронежская область, Курская область, Краснодарский край) за 2019 г. были получены следующие результаты.

Было выявлено 102 приговора и постановления (что составило 39,5% от всех исследованных приговоров и постановлений), вынесенных

по результатам обвинения лиц в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере.

Ряд уголовных дел содержал сведения об обвинении лиц в совершении нескольких преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ. Данное обстоятельство обусловлено тем фактом, что в ряде случаев несколько преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, совершалось в отношении одной потерпевшей [7; 8], а в некоторых случаях виновный угрожал убийством нескольким потерпевшим (имела место идеальная совокупность преступлений) [9]. Всего было установлено 112 случаев совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Проведенный анализ показал, что в ряде случаев совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, квалифицируется по совокупности со следующими преступлениями, совершаемыми в отношении членов семьи: ч. 4 ст. 111 УК РФ — 1 случай, п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ — 3 случая, ч. 2 ст. 162 УК РФ — 1 случай, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ — 5 случаев, п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ — 12 случаев, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ — 1 случай, ст. 116.1 УК РФ — 10 случаев, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ — 1 случай, ч. 1 ст. 161 УК РФ — 2 случая, ч. 1 ст. 117 УК РФ — 1 случай, ч. 1 ст. 111 УК РФ — 1 случай, п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ — 3 случая, ч. 1 ст. 115 УК РФ — 1 случай.

Таким образом, очевидным является, что лица, совершающие преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере, в целом более склонны к посягательству на отношения, обеспечивающие здоровье человека, чем на иные объекты преступных посягательств.

По половой принадлежности виновные распределились следующим образом: мужчины — 97 человек (95%), женщины — 5 человек (5%). По данным изученной судебной практики было выявлено 105 потерпевших, из них 11 мужчин (10,5%) и 94 женщины (89,5%). Две женщины-потерпевшие были беременны на момент совершения в отношении них преступления.

Установить с достоверностью возраст виновных и потерпевших лиц не представляется возможным ввиду отсутствия этих данных в нахо-

дящихся в открытом доступе материалах. Проведенный анализ показал, что 101 подсудимый достиг совершеннолетия, лишь один на момент совершения преступления был совершеннолетним. Среди потерпевших несовершеннолетних лиц выявлено не было.

В случаях, когда потерпевшими являлись женщины, характер связи между виновным и потерпевшими был следующим: 18 потерпевших находились в брачных отношениях с виновным (отношения зарегистрированы в органах ЗАГС), 4 из потерпевших являлись бывшими супругами виновных, 39 потерпевших сожительствовали с виновным, 3 потерпевших являлись бывшими сожительницами виновных лиц, 1 женщина являлась падчерицей виновного, 19 женщин являлись матерями виновных лиц, 5 женщин пострадали от братьев (в т. ч. двоюродных), в 1 случае потерпевшая была тетей виновного, в 1 случае — бабушкой, в 1 случае — бывшей тещей и в 1 случае — бывшей золовкой. Таким образом, большинство случаев было связано с проживанием женщины совместно с виновным без регистрации брака. В 38 случаях из 39 потерпевшая пострадала от действий сожителя-мужчины и в 1 случае — от действий сожительницы-женщины. Вторая по численности группа — матери (в 3 случаях преступление было совершено дочерью потерпевшей, в 16 случаях — сыном). Случаев совершения преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ, родителями в отношении детей женского пола установлено не было. Третья по репрезентативности группа — 18 случаев — женщины, находящиеся в зарегистрированном браке с виновным лицом.

Применительно к потерпевшим-мужчинам характер связи между лицами такой: в 5 случаях отец пострадал от действий сына, в 2 случаях — отчим от действий пасынка, в 1 случае муж пострадал от действий жены, в 2 случаях преступления имели место между братьями, в 1 — между дядей и племянником. Таким образом, в большинстве случаев потерпевший приходился отцом виновного. При анализе судебной практики не было установлено случаев совершения преступлений дочерями в отношении отцов. Также не было обнаружено случаев совершения преступлений родителями в отношении сыновей. Не было выявлено также

случаев совершения преступления женщинами по отношению к своим сожителям.

Чуть более половины лиц, привлеченных к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере, являлись лицами, не имеющими судимости, — 54 случая из 102 исследованных приговоров и постановлений. В остальных 48 случаях лица были ранее судимы как за насильственные преступления против жизни и здоровья [10], так и за иные преступления (в частности, грабеж [11] и др.). В 28 случаях из 102 преступления были совершены при рецидиве (25 случаев) и опасном рецидиве (3 случая). Таким образом, более половины ранее судимых лиц в прошлом совершали преступления, обладающие высокой общественной опасностью.

Проведенный анализ позволил установить причины совершения преступлений. Исследователи отмечают, что преступления в семейно-бытовой сфере часто являются следствием накопления людьми отрицательных эмоций, наличием неразрешенных межличностных конфликтов [12, с. 26]. В ходе исследования были выявлены такие причины совершения преступлений, как сложившиеся личные неприязненные отношения (в 80 случаев они были указаны как единственная причина конфликта), в 15 случаях причиной совершения преступления были указаны ссоры/скандалы/конфликты, в 6 случаях — ревность, в 1 случае причиной были названы хулиганские побуждения. В 13 из исследованных приговоров и постановлений не было прямого указания на мотивы совершенного преступления, в 1 случае указание на мотивы совершенного преступления отсутствовало вообще [13].

Исследователи отмечают, что формирование социальной угрозы семье со стороны личности преступника происходит до момента совершения преступления, что проявляется в правонарушениях лица и аморальных проступках, также совершаемых в семье [1, с. 96]. Таким образом, значимость приобретает анализ взаимоотношений потерпевшего и виновного до совершения преступления. Согласно исследованию трое лиц, виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ,

ранее совершали в отношении потерпевших иные преступления (ст. 116.1 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ [14]), возбуждались уголовные дела и виновный либо привлекался к уголовной ответственности, либо уголовное дело прекращалось по нереабилитирующим основаниям.

Немаловажным является тот факт, что до совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, виновные часто применяли насилие в отношении потерпевших, что следует из показаний потерпевших и свидетелей по уголовным делам, при этом уголовные дела по данному поводу не возбуждались [15–17]. Установлено 9 подобных случаев. Также установлен 1 случай применения насилия виновным в отношении потерпевшего после совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, и 3 случая применения насилия в отношении других членов семьи виновного [18; 19].

В научной литературе отмечается, что на вероятность совершения насилия в семье влияет злоупотребление алкоголем [20]. Также указывается, что большое количество таких преступлений связано с употреблением алкоголя, часто с совместным предшествовавшим преступлению употреблением алкогольных напитков преступником и жертвой [1, с. 37–38]. Довод представителей научного сообщества подтвержден изученной судебной практикой. В 76 приговорах и постановлениях из изученных лицо, совершившее преступление, находилось в состоянии алкогольного опьянения. Данный вывод следует из сведений, указанных судом в приговоре/постановлении и оцененных в качестве отягчающих вину обстоятельств, либо вытекает из показаний потерпевших, свидетелей, самого виновного лица. Нахождение виновного лица в состоянии алкогольного опьянения при совершении преступления является наиболее частым из отягчающих обстоятельств по уголовным делам по обвинению лиц в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере. Однако данное обстоятельство не расценивается судами как отягчающее тогда, когда не установлено связи между нахождением

лица в состоянии алкогольного опьянения и совершением преступления [21; 22].

Поскольку изученные преступления относились к семейно-бытовой сфере, закономерным является определение места совершения преступления. В большинстве случаев (92 случая из 112 изученных) преступления были совершены по месту совместного проживания подсудимого и потерпевшего. В 9 случаях преступление было совершено по месту проживания потерпевшего, отличавшегося от места проживания подсудимого. В единичных случаях преступление было совершено по месту работы потерпевшего (2 случая), в магазине (1 случай), на улице (2 случая), в машине (1 случай), по месту жительства подсудимого, не являвшимся местом жительства потерпевшего (1 случай), в гостях (2 случая), в сауне (1 случай), на садовом участке (1 случай).

Проведенное исследование позволило выявить ряд характеристик лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере. В 9 случаях лица положительно характеризовались по месту жительства или работы. У 30 лиц имелись малолетние дети, у 8 — несовершеннолетние, в т. ч. такие, в отношении которых лица были лишены родительских прав. В 40 случаев отмечалось наличие у лиц различных заболеваний. 2 из мужчин, совершивших преступления, были пожилого возраста, 2 — молодого возраста (в приговоре не был точно указан возраст лица). В 1 случае виновный являлся ветераном боевых действий.

Особенностью лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере, является то, что они единолично совершают данное преступление. Согласно проведенному исследованию не было выявлено ни одного случая совершения преступления в соучастии.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд характеристик лиц, совершивших в семейно-бытовой сфере преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ. Во-первых, в основном данное преступление совершается мужчинами. Во-вторых, преступление чаще со-

вершается в состоянии алкогольного опьянения. В-третьих, чуть менее 50% лиц, совершивших преступление, имели судимость.

Также исследование позволило сделать вывод относительно виктимности лиц, потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, совершенного в семейно-бытовой сфере. Так, от данного преступления наиболее часто страдают женщины, находившиеся в зарегистрированных брачных отношениях или в фактических брачных отношениях с виновным, совместно проживающие с виновным.

Список литературы:

1. Пашаев Х. П. Преступность в сфере семейно-бытовых отношении в Республике Алтай и в отдельных субъектах Российской Федерации в Сибирском федеральном округе: показатели, правовые и организационные меры противодействия: монография. Горно-Алтайск. ГАГУ, 2017. 316 с.

2. Бучакова М. А., Гайдуков А. А. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере противодействия семейному насилию // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3(31). С. 46–50.

3. Харламов В. С. Преступное насилие в отношении мужчин в семейной сфере // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2017. Вып. 11: Социальная работа с мужчинами. С. 98–107.

4. Шестаков Д. А. Семейная криминология: Криминофамилистика. 2-е изд. СПб.: Юридическии центр Пресс, 2003. 389 с.

5. Харламов В. С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. СПб., 2014. 392 с.

6. Центр по изучению проблем домашнего насилия СПбГУ. URL: https://spbu.ru/centr-po-izucheniyu-problem-domashnego-nasiliya-spbgu (дата обращения: 24. 11.2021).

7. Приговор Обоянского районного суда Курской области от 12 марта 2019 г. по делу № 1-17/2019 // ГАС «Правосудие».

8. Приговор Беломорского районного суда Республики Карелия от 14 ноября 2019 г. по делу № 1-120/2019// ГАС «Правосудие».

9. Приговор Благовещенского городского суда (Амурская область) от 12 июля 2019 г. по делу № 1-317/2019 // ГАС «Правосудие».

10. Приговор Лунинского районного суда Пензенской области от 29 августа 2019 года по делу № 1-48/2019 // ГАС «Правосудие».

11. Приговор Советского районного суда г. Томск Томской области от 9 августа 2019 г. по делу № 1-257/2019 // ГАС «Правосудие».

12. Колпакова Л. А., Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники: дисс. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. 232.

13. Приговор Курчатовского городского суда Курской области от 4 апреля 2019 г. по делу № 1-54/2019 // ГАС «Правосудие».

14. Приговор Индустриального районного суда г. Барнаул от 16 июля 2019 года по делу № 1-389/2019 // ГАС «Правосудие».

15. Приговор Советского районного суда г. Томск Томской области от 9 августа 2019 г. по делу № 1-257/2019 // ГАС «Правосудие».

16. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 18 февраля 2019 г. // ГАС «Правосудие».

17. Приговор Пограничного районного суда Приморского края от 25 сентября 2019 года по делу №1-83/2019 // ГАС «Правосудие».

18. Приговор Пачелмского районного суда Пензенской области от 12 сентября 2019 года по делу №1-39/2019 // ГАС «Правосудие».

19. Приговор Ромненского районного суда Амурской области от 17 мая 2019г. по делу № 1-11/2019 // ГАС «Правосудие».

20. Жигунова Г. В., Пономаренко Н. О. Причины насилия над женщинами в семье // Известия высших учебных заведении. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 137–144.

21. Приговор Ленинского районного суда города Курска от 30 августа 2019 года по делу № 1-278/2019 // ГАС «Правосудие».

22. Приговор Золотухинского районного суда Курской области от 08 августа 2019 года по делу 1-56/2019 // ГАС «Правосудие».

References:

1. Pashaev H. P. Crime in the field of family and domestic relations in the Altai Republic and in individual constituent entities of the Russian Federation in the Siberian Federal District: indicators, legal and organizational countermeasures: monograph. Gorno-Altaysk. GAGU, 2017. 316 p.

2. Buchakova M. A., Gaidukov A. A. Problems of improving the legislation of the Russian Federation in the field of combating family violence // Altai legal bulletin. 2020. No. 3 (31). Pp. 46-50.

3. Kharlamov V. S. Criminal violence against men in the family sphere // Social services for families and children: scientific and methodological collection. 2017. Issue. 11: Social work with men. Pp. 98–107.

4. Shestakov D. A. Family Criminology: Criminofamistics. 2nd ed. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2003. 389 p.

5. Kharlamov V. S. Domestic and foreign experience in combating criminal violence in the family. SPb., 2014. 392 p.

6. Center for the Study of Problems of Domestic Violence, St. Petersburg State University. URL: https://spbu.ru/centr-po-izucheniyu-problem-domashnego-nasiliya-spbgu (date of access: 24.11.2021).

7. Verdict of the Oboyanskiy District Court of the Kursk Region dated March 12, 2019 in case No. 1-17 / 2019 // GAS Justice.

8. Verdict of the Belomorsk District Court of the Republic of Karelia dated November 14, 2019 in case No. 1-120 / 2019 // GAS Justice.

9. Verdict of the Blagoveshchensk City Court (Amur Region) dated July 12, 2019 in case No. 1-317 / 2019 // GAS Justice.

10. Verdict of the Luninsky District Court of the Penza Region of August 29, 2019 in case No. 1-48 / 2019 // GAS Justice.

11. Verdict of the Soviet District Court of Tomsk, Tomsk Region of August 9, 2019 in case No. 1-257 / 2019 // GAS Justice.

12. Kolpakova L. A., Violence in the family: victimological aspect, differentiation of responsibility and questions of legislative technique: diss. ... Cand. legal sciences. Yaroslavl, 2007. 232.

13. Verdict of the Kurchatov City Court of the Kursk Region of April 4, 2019 in case No. 1-54 / 2019 // GAS Justice.

14. Verdict of the Industrial District Court of Barnaul dated July 16, 2019 in case No. 1-389 / 2019 // GAS Justice.

15. Verdict of the Soviet District Court of Tomsk, Tomsk Region of August 9, 2019 in case No. 1-257 / 2019 // GAS Justice.

16. Verdict of the Vakhitovskiy District Court of Kazan dated February 18, 2019 No.

17. Verdict of the Pogranichny District Court of the Primorsky Territory dated September 25, 2019 in case No. 1-83 / 2019 // GAS Justice.

18. Verdict of the Pachelmsky District Court of the Penza Region dated September 12, 2019 in case No. 1-39 / 2019 // GAS Justice.

19. Verdict of the Romnensky District Court of the Amur Region of May 17, 2019. in case No. 1-11 / 2019 // GAS Justice.

20. Zhigunova G. V., Ponomarenko N. O. Causes of violence against women in the family // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2015. No. 2 (34). Pp. 137–144.

21. Verdict of the Leninsky District Court of the city of Kursk dated August 30, 2019 in case No. 1-278 / 2019 // GAS Justice.

22. Verdict of the Zolotukhinsky District Court of the Kursk Region of August 08, 2019 in the case 1-56 / 2019 // GAS Justice.

УДК/UDC 343

Подделка, изготовление, распространение поддельных сертификатов о вакцинации против новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также фиктивных медицинских справок: уголовно-правовые и криминологические аспекты

Коновалова Мария Анатольевна
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российская таможенная академия
г. Люберцы, Россия
e-mail:m.konovalova@customs-academy.ru
SPIN-код: 9444-7322

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются уголовно-правовые и криминологические аспекты преступности в сфере распространения, изготовления и подделки медицинских документов, касающиеся новой коронавирусной инфекции. Автором анализируется позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также судебная практика по применению данной нормы (ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации). Приводятся статистические данные о современном состоянии рассматриваемого вида преступности, а также описываются способы совершения преступления лицом и (или) лицами, попадающими под действие ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором рассматривается криминологическая характеристика типологии личности преступника, совершившего преступление в сфере распространения, изготовления и подделки медицинских документов, касающихся новой коронавирусной инфекции, а также приводятся причины и условия, способствующие совершению преступлений, меры по предупреждению преступности рассматриваемого вида.

Ключевые слова: официальный документ, подделка медицинских документов, коронавирусная инфекция, поддельный прививочный сертификат.

Forgery, manufacture, distribution of fake vaccination certificates against the new coronavirus infection COVID-19, as well as fictitious medical certificates: criminal law and criminological aspects

Konovalova Mariya Anatolyevna
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines
Russian Customs Academy
Lyubertsy, Russia
e-mail:m.konovalova@customs-academy.ru
SPIN-код: 9444-7322

Abstract

This article examines the criminal law and criminological aspects of crime in the distribution, production and forgery of medical documents related to the new coronavirus infection. The author analyzes the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice on the application of this norm (Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article provides statistical data on the current state of the considered type of crime, and also describes the methods of committing a crime by a person and (or) persons falling under Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the criminological characteristics of the typology of the personality of a criminal who has committed a crime in the distribution, production and forgery of medical documents related to a new coronavirus infection, as well as the reasons and conditions conducive to the commission of crimes, measures to prevent crime of the type in question.

Key words: official document, forgery of medical documents, coronavirus infection, fake vaccination certificate.

В декабре 2019 г. в Китайской Народной Республике впервые были зарегистрированы случаи заболевания «нетипичной» пневмонией, а конец 2019 г. принес всему миру новое, еще неизвестное заболевание — коронавирусная инфекция COVID-19. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (далее по тексту — ВОЗ) объявила вспыш-

ку COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение [1], а 11 марта 2020 г. — пандемией [2; 3]. По состоянию на 23 ноября 2021 г. (22:00) эпидемиологическая ситуация сложилась следующим образом: в России выявлено 9 434 393 случаев заболевания, зарегистрировано 267 819 летальных исходов [4], а в соответствии с данными по состоянию на 24 ноября 2021 г. (02:00) в мире зарегистрировано 259 020 777 случаев заболевания, выявлено летальных исходов 5 183 118 [4; 5], что, несомненно, делает пандемию COVID-19 одной из самых смертоносных в истории [6].

В борьбе со смертоносным вирусом некоторые страны разработали медицинские препараты и внедрили практику поэтапного вакцинирования. Так, ВОЗ были одобрены следующие вакцины: AstraZeneca, Moderna, Pfizer/Bion Tech, Sinopharm, Sinovac и JohnsonJohnson [7].

Так, по данным официального интернет-ресурса для информирования населения по вопросам коронавируса, на сегодняшний можно привиться четырьмя вакцинами российского производства:

1) комбинированная векторная вакцина для профилактики коронавирусной инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2, Гам-Ковид-Вак (торговая марка «Спутник V»);
2) упрощенная версия «Спутника V», которая представляет собой один из двух компонентов основной вакцины, «Спутник Лайт»;
3) вакцина на основе пептидных антигенов для профилактики COVID-19 «ЭпиВакКорона»;
4) вакцина коронавирусная инактивированная цельновирионная концентрированная очищенная сорбированная «КовиВак».

Помимо используемых вакцин, в России на данный момент также разрабатываются:

1) вакцина для профилактики COVID-19 ФГУП СПбНИИВС ФМБА России (проходит завершение 2-й фазы клинических испытаний);

2) Ad5-nCoV (китайская вакцина, которая участвует с разрешения Министерства здравоохранения Российской Федерации в международном исследовании 3-й фазы испытаний);
3) вакцина на основе пептидных антигенов для профилактики COVID-19 «ЭпиВакКорона-Н» (в апреле 2021 г. проводились 1-я и 2-я фазы клинических исследований) [8].

Также следует отметить, что доля вакцинированного населения России по состоянию на 24 ноября 2021 г. составила:

1) 54 397 349 человек (37,2% от населения) полностью привиты от коронавируса (двумя дозами вакцины);
2) 64 745 110 человек (44,3% от населения) получили первую дозу вакцины от коронавируса;
3) 3 306 441 человек сделали ревакцинацию [9].

Следует отметить, что по состоянию на 24 ноября 2021 г. активность вакцинирования населения субъектов Российской Федерации достаточно неровная: Татарстан (50,1%), Мордовия (53,6%), Чукотский АО (54,5%) и такие области, как Курская (54,3%), Пензенская (54,2%), Липецкая (54,5%), Московская (54,5%), Тюменская (55,3%) и Белгородская (59,9%), показали наибольшую активность в вопросе вакцинирования (более 50% от числа населения), в то время как меньше 30% (от числа населения) вакцинировались жители Кабардино-Балкарии (27,7%), Северной Осетии (27,4%) и Дагестана (20,6%) [9]. Также представляется весьма интересным обратиться к опыту вакцинации зарубежных стран (рис. 1) [10].

12 ноября 2021 г. стало известно, что в Государственную Думу Российской Федерации (далее по тексту — Госдума) был направлен законопроект об использовании на некоторых видах транспорта и в общественных местах QR-кодов. Это было обусловлено сложной эпидемиологической обстановкой. Безусловно, продовольственных магазинов, магазинов с товарами первой необходимости и аптек это не коснется, но предполагается, что при наличии QR-кода о пройденной вакцинации, медицинского документа об отводе от вакцинации либо медицинского документа,

который подтверждает факт перенесенного гражданином заболевания, можно будет в свободном доступе посещать объекты розничной торговли и массовые/культурные мероприятия. Следует отметить, что после 1 февраля 2022 г., помимо указанных медицинских документов и QR-кода, возможность предъявлять отрицательный тест на полимеразную цепную реакцию (далее по тексту — ПЦР) появится только у граждан, которые имеют медицинский отвод [11]. Также 15 ноября 2021 г. Советом Госдумы был рассмотрен законопроект «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”», в соответствии с которым урегулирован порядок использования QR-кодов, медицинских документов о перенесенном заболевании, а также медицинских документов об отводе от вакцинации. При посещении авиатранспорта, а также железнодорожного транспорта, осуществляющего международные или междугородние перевозки, пассажирам необходимо будет предъявить вышеуказанные документы [12].

Введение поэтапных ограничений, а также нежелание граждан прививаться обусловило появление черного рынка поддельных медицинских документов. Также участились случаи выявления сотрудниками правоохранительных органов фактов распространения медицинских документов, которые являются поддельными.

По данным МВД России, с 18 октября 2021 г. по 24 октября 2021 г. правоохранительными органами проведено 1326 различных мероприятий, направленных на выявление, пресечение и противодействие изготовлению и распространению фальсифицированных сертификатов о вакцинации против новой коронавирусной инфекции COVID-19, QR-кодов, результатов ПЦР-тестов, а также фиктивных медицинских справок, предоставляющих освобождение от вакцинации либо указывающих на наличие в организме высокого количества антител. Также за указанный период возбуждено 14 уголовных дел по признакам данных преступлений, изобличено 26 лиц, причастных к указанным деяниям, выявлено 216

интернет-ресурсов, которые служили «платформой» для распространения вышеупомянутых фальсифицированных документов [13].

Вместе с тем во втором полугодии 2021 г. выявлено 293 лица, совершивших преступления в данной сфере, возбуждено 503 уголовных дела, а также по инициативе сотрудников ОВД было заблокировано 2036 специализированных интернет-сайтов [13]. По признакам ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков» с января по октябрь 2021 г. уже было зарегистрировано 359 преступлений, что составляет 0,03% от общего числа преступлений, а также 266 преступлений из них были раскрыты [14].

29 апреля 2021 г. на официальном сайте Прокуратуры города Москвы сообщалось об участившихся случаях распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее по тексту — интернет) информации о возможности приобретения сертификатов о прохождении вакцинации (без личного участия в медицинских учреждениях в соответствующих процедурах), об оформлении справок об отсутствии заболевания COVID-19. Такого рода организации и отдельные лица предлагают разместить сертификат на сайте «Госуслуг» и вместе с деньгами за указанную услугу получают от наивных граждан еще их логины и пароли к личному кабинету вышеуказанной системы. Прокуратура города Москвы предупреждает об уголовной ответственности не только за подделку, но также и за использование сертификатов о вакцинации и (или) справок об отсутствии данного заболевания. В соответствии с ч. 3 ст. 327 УК РФ одним из наказаний за данное правонарушение может выступать лишение свободы на срок до одного года [15].

Интересным представляется точка зрения доктора юридических наук, заслуженного юриста России И. И. Соловьева, который считает, что при изготовлении поддельного сертификата в схеме участвует несколько звеньев: продавец и недобросовестные работники сферы оказания медицинских услуг, которые вносят сведения в документы и базы

данных, при этом имитируя процедуру прохождения гражданином всех этапов вакцинации [16]. С данным высказыванием нельзя не согласиться, поскольку следственная и судебная практика прямо указывает на «отработанные махинации» преступных схем.

Рассмотрим несколько примеров.

В Кемеровской области 05 ноября 2021 г. сотрудниками транспортной полиции был задержан 25-летний мужчина, который продавал поддельные сертификаты о вакцинации. В ходе такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка, проводимого на Кемеровском железнодорожном вокзале, сотрудниками полиции был получен поддельный прививочный сертификат о выполненной вакцинации препаратом «Спутник V». В ходе оперативно-розыскного мероприятия было установлено, что в журнал профилактических прививок медицинского учреждения города Березовского Кемеровской области вносились заведомо ложные сведения, при этом указанные в журнале граждане в поликлинику не являлись и по факту не получали вакцину. Следует отметить, что 14 работников сферы услуг регионального центра прошли вакцинацию, которая была фиктивной (половина из них получили первый компонент вакцины и половина прошла вакцинацию полностью и получила подложные электронные сертификаты). По данным фактам дознавателями Кузбасского ЛУ МВД России было возбуждено уголовное дело по 14 эпизодам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ [17], на данный момент в отношении получателей фиктивных сертификатов проводится доследственная проверка [18].

19 октября 2021 г. в частном доме подмосковного города Электросталь были задержаны два действующих медицинских работника ГБУЗ МО «Егорьевская центральная районная больница». По данным следственного комитета, они занимались изготовлением и продажей поддельных справок, а также вносили фиктивные сведения о вакцинации граждан в системы государственного учета, использовав доступ к базам данных, и за процент от сделки вносили желающих в списки привитых. Задержанные медицинские работники пояснили, что действовали не в

одиночку: 6 подельников искали покупателей в интернете. Росздравнадзор сообщил, что всего преступной группировкой было продано минимум 1000 поддельных сертификатов, а также в системы государственного учета массово вносили данные об иностранных гражданах, которые якобы прошли вакцинацию. Все задержанные на данный момент находятся в следственном изоляторе, сотрудники правоохранительных органов проводят все необходимые мероприятия по установлению личностей, которые приобрели поддельные сертификаты [19].

Однако следует принимать во внимание судебную практику, которая отражает фактические данные совершения преступления не только с участием медицинских работников. Так, например, в октябре 2021 г. было установлено, что летом этого же года осуществлялась продажа поддельных прививочных сертификатов 24-летней жительницей Новосибирска, которая вносила в медицинские бланки сертификатов, приобретенные в городской поликлинике, личную информацию своих заказчиков о якобы проведенной вакцинации. Указанная гражданка использовала фиктивные штампы и печати [20].

Приведем в пример еще один интересный случай. 69-летний житель Новосибирска сообщил в полицию о том, что в его личном кабинете на сайте единого портала государственных услуг появились данные о прививочном сертификате, хотя вакцинацию против COVID-19 он не проходил. По факту данного сообщения проводятся проверки сотрудниками полиции [20].

12 мая 2021 г. в отношении 42-летней жительницы Москвы, гражданки Украины Д., Кузьминский районый суд города Москвы рассматривал уголовное дело по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Судом было установлено, что указанная гражданка 27 февраля 2021 г. осуществила сбыт поддельных медицинских справок. При изготовлении медицинской справки гражданка использовала фиктивные штампы и печати, а также собственноручно вносила подпись за врача [21].

Достаточно любопытным представляется уголовное дело, рассматриваемое в отношении 30-летнего гражданина М., которому было предъ-

явлено обвинение по ч. 1 и ч. 3 ст. 327 УК РФ. 19 июля 2021 г. в ходе судебного заседания Бабушкинским судом города Москвы был установлен факт продажи гражданином М. поддельных прививочных сертификатов [22]. М. заплатил за создание интернет-сайта, на котором продавались сертификаты о вакцинации от коронавирусной инфекции за 4 000 рублей. Также было установлено, что при подделке сертификатов мужчина использовал заказанные через интернет поддельные штампы и печати существующих врачей московских поликлиник. Покупатели заказывали сертификаты через мессенджер Telegram, а после поступления денежных средств на банковский счет подсудимый направлял курьера с поддельным документом по указанному заказчиком адресу [23]. Мотивом совершения преступного деяния послужило увольнение М. с работы, а также необходимость обеспечивать беременную супругу и двух малолетних детей от первого брака. В ходе судебного разбирательства стороной защиты в лице адвоката подсудимого было заявлено ходатайство о недопустимости отнесения с точки зрения уголовного права сертификата о вакцинации к официальному документу, о котором говорится в ст. 327 УК РФ, которая вменяется М. В результате изложенного судом было возвращено дело в прокуратуру ввиду несоответствия обвинительного акта положениям ч. 1 ст. 225 УПК РФ (отсутствует информация о том, какие права предоставляют сертификаты о наличии прививки) [24].

Вышеупомянутая судебная практика, несомненно, требует обращения к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» ввиду необходимости разъяснения таких юридически значимых понятий, как «официальный документ» и «официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей». На необходимость толкования данных понятий указывала и судья Верховного Суда Российской Федерации Т. Ермолаева: «Изучение судебной практики выявило отсутствие у судов ясности и единообразного подхода по целому ряду вопросов применения статьи 327

УК РФ» [25]. Итак, вышеуказанный Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснения, что под официальными документами, а также официальными документами, предоставляющими права или освобождающими от обязанностей, следует понимать документы (на бумажном носителе или электронные документы), которые создаются, выдаются либо заверяются в установленном законом или иным нормативным актом порядке федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления либо уполномоченными организациями или лицами (образовательными, медицинскими и иными организациями, должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях) и удостоверяют юридически значимые факты [26].

Подделкой же таких документов будет являться изготовление нового документа, в т. ч. с использованием достоверных бланков, штампов, печатей, в котором заключены заведомо ложные сведения, а также преобразование некоторых элементов подлинного документа посредством замены отдельных частей, дописки, подчистки, которые приводят к искажению подлинного содержания. При наличии в документе вышеуказанных признаков его можно будет отнести не только к поддельным, но и к подложным [26]. Здесь следует отметить, что, привлекая лицо к ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 327 УК РФ, необходимо в обязательном порядке установить, от каких обязанностей мог освободить заведомо поддельный документ или какими правами могло воспользоваться лицо, предоставившее указанный документ.

В соответствии с п. 10 рассматриваемого Постановления использованием заведомо подложного (поддельного) документа является предоставление, в т. ч. посредством интернета [26]. Также анализируемое постановление прямо указывает судам на необходимость установления наличия умысла, поскольку использование, перевозка, хранение, сбыт, приобретение поддельных официальных документов являются деяниями с

умышленной формой вины, относящимися к субъективной стороне преступления.

В целях предупреждения преступности, отнесенной к ст. 327 УК РФ, следует рассмотреть причины, ее порождающие, портрет личности преступника, а также предложить некоторые меры, направленные на предупреждение данного вида преступности.

Итак, к причинам и условиям, детерминирующим преступность, можно отнести:

1. Нежелание вакцинироваться, которое обусловлено возможными негативными последствиями вакцинации. Нежелание прививаться подтвердили граждане в опросе, который был проведен в конце июня 2021 г. центром социального проектирования «Платформа» и компанией Online Market Intelligence [27]. Также опрошенным был задан вопрос об их отношении к обязательной вакцинации (см. рис. 2) [28].
2. Сложная экономическая обстановка в стране, которая сложилась в результате пандемии и самоизоляции, повлекшая за собой в некоторых случаях увольнение или массовый перевод работающего населения в отпуск без сохранения заработной платы.

Вышеуказанные причины и условия послужили неким «стартом» для роста преступности: ряд людей вынужден искать возможности заработка, а реализация сертификатов сейчас очень «востребована», а некоторые граждане ввиду нежелания прививаться вынуждены приобретать поддельные медицинские справки, сертификаты и т. д.

Переходя к рассмотрению личности преступника, совершающего преступление, попадающего под юрисдикцию ст. 327 УК РФ, обратимся к мнению Г. Х. Афзалетдиновой, которой было отмечено, что личность преступника «является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения» [29]. С этим мнением стоит согласиться, поскольку чем более подробно составлен портрет потенциального преступника, тем более детально можно спланировать последовательность

Результаты социологического опроса граждан об их отношении к вакцинации от COVID-19, июнь 2021 г.

Рисунок 1

проведения следственных и иных процессуальных действий в процессе расследования рассматриваемых преступлений.

Проанализировав актуальную судебную практику, можно составить примерный портрет личности, совершающей преступные деяния по социально-демографическим характеристикам: чаще всего преступления совершают мужчины (60%) в возрасте 25–29 лет, реже — 30–40 лет. Статистически чаще совершают преступления лица с постоянным местом работы и источниками дохода.

Если рассматривать географию преступлений, то чаще замечены такие регионы, как город Москва, Московская область, Новосибирск и Кемеровская область. Также следует отметить, что преступления совершаются как единолично, так и в составе группы. При этом в состав группы входят курьеры, не всегда подозревающие о том, что доставляют поддельные документы заказчику, а также медицинские работники, кото-

рые вносят в базу данных ложные сведения о прохождении вакцинации. Лица, которые совершают преступления без подельников, как правило, используют поддельные штампы и печати.

Борьба с преступностью является одной из приоритетных задач государства. Рассмотрим специально-криминологический и общесоциальный уровни предупреждения преступности:

1. Подняв уровень благосостояния граждан, минимизировав разрыв между социальными классами в обществе, а также преодолев экономический кризис, можно будет говорить о снижении роста преступности в целом.
2. Государственной политике, направленной на предупреждение преступности, необходимо действовать не путем «устрашения» населения и принуждения, а посредством убеждения и разъяснений. Стоит больше проводить профилактических мер на предмет разъяснения необходимости определенных медицинских мер, направленных на снижение числа роста заболеваемости. В интернете, на телевидении, в учебных учреждениях, а также в государственных и коммерческих организациях можно транслировать социальные ролики, в которых будет содержаться информация о необходимых мерах профилактики коронавирусной инфекции, а также о последствиях нарушения гражданами уголовного законодательства в части подделки, изготовления или оборота поддельных сертификатов о вакцинации, QR-кодов, результатов ПЦР-тестов и т. д.
3. Необходима постоянная модернизация медицинских документов (сертификата о вакцинации, справки о медотводе от вакцинации, справки о перенесенном заболевании COVID-19 и т. д.) с целью устранения возможности подделки бланков вышеуказанных медицинских документов.

Следует отметить, что по пути усовершенствования бланков и форм медицинских документов пошло и Министерство здравоохранения Российской Федерации. Приказом Министерство здравоохранения Рос-

сийской Федерации от 22 октября 2021 г. № 10006н «Об утверждении формы медицинской документации “Сертификат о профилактических прививках против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) или медицинских противопоказаниях к вакцинации и (или) перенесенном заболевании, вызванном новой коронавирусной инфекцией (COVID-19)” [30] и порядке ее ведения» утверждена новая форма сертификата, а также порядок его заполнения и передачи гражданам в бумажном виде. Приказ вступил в законную силу 8 ноября 2021 г. Для тех, кто был привит ранее этой даты, будет происходить автоматическое переоформление документов на портале «Госуслуги». Также теперь у граждан появилась возможность получения сертификата в бумажном виде в многофункциональном центре «Мои документы».

Соблюдая в совокупности весь комплекс мер, направленных на предупреждение, пресечение и борьбу с преступностью, можно будет спрогнозировать снижение рассматриваемого вида преступлений. Таким образом, новая коронавирусная инфекция не только внесла свои коррективы в жизнь и здоровье населения во всем мире, но и повлекла за собой рост различных видов преступности, один из которых предусматривает ответственность по ст. 327 УК РФ.

Список литературы:

1. Statement on the second meeting of the International Health Regulations (2005) Emergency Committee regarding the outbreak of novel coronavirus (2019-nCoV) // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov) (дата обращения: 05.11.2021).

2. Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: www.who.int (дата обращения: 05.11.2021).

3. Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами, в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 г. (nCoV). // Офи-

циальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: www.who.int. (дата обращения: 05.11.2021).

4. Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). URL: https://xn–80aesfpebagmfblc0a.xn–p1ai/ai/html/3/attach/2021-11-24_coronavirus_government_report.pdf. (дата обращения: 24.11.2021).

5. Актуальная мировая статистика // WORDOMETR. URL: https://www.worldometers.info/. (дата обращения: 24.11.2021).

6. Poorolajal J. The global pandemics are getting more frequent and severe (англ.) // Journal of Research in Health Sciences. 2021. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34024760/ (дата обращения: 05.11.2021).

7. Status of COVID-19 Vaccines within WHO EUL/PQ evaluation process // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: www.who.int. (дата обращения: 05.11.2021).

8. Все о вакцинации против COVID-19 // Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). URL: https://xn–80aaezjt5d.xn–80aesfpebagmfblc0a.xn–p1ai/ (дата обращения: 24.11.2021).

9. Сколько привито от коронавируса в России на 24 ноября 2021 года // ЭпиВакКорона. URL: https://epivakcorona.ru/skolko-privito-ot-koronavirusa-v-rossii-na-24-noyabrya (дата обращения: 24.11.2021).

10. Статистика вакцинации от коронавируса в России и в мире // МинфинМедиа. URL: https://statistika-vakcinacii.ru(дата обращения: 24.11.2021).

11. Законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на транспорте внесены в Госдуму // Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/docs/43789 (дата обращения: 25.11.2021).

12. Законопроект № 17358-8 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8 (дата обращения: 25.11.2021).

13. Сотрудники полиции продолжают пресекать факты распространения поддельных медицинских документов // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/news/item/26742852 (дата обращения: 04.11.2021).

14. Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-октябрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/27024130/ (дата обращения: 25.11.2021).

15. Прокуроры об актуальном законодательстве // Официальный сайт Прокуратуры города Москвы. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_77/activity/legal-education/about-law?item=61472079 (дата обращения: 05.11.2021).

16. Кто кого обманывает? За поддельные сертификаты о вакцинации и QR-коды грозит лишение свободы // Интернет-портал «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2021/07/14/poddelka-sertifikatov-o-vakcinacii-i-qr-kody-grozit-lisheniem-svobody.html (дата обращения: 05.11.2021).

17. Торговлю сертификатами о вакцинации от COVID-19 выявили в Кемеровской области // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». URL: https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/torgovlyu-sertifikatami-o-vakcinacii-ot-covid-19- vyyavili-v-kemerovskoy-oblasti?utm_source=yxnews &utm_medium=desktop&nw=1636203235000 (дата об-ращения 05.11.2021).

18. В Кузбассе задержаны мошенники, торговавшие поддельными сертификатами // Интернет-портал «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2021/11/05/reg-sibfo/moshenniki-zaderzhany-v-kuzbasse.html (дата обращения: 05.11.2021).

19. Обманы с ковид-сертификатами. В Подмосковье арестовали медработников // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: https://www.vesti.ru/article/2628113 (дата обращения: 05.11.2021).

20. Жительница Новосибирска пойдет под суд за подделку сертификата о вакцинации // «Аргументы и Факты». URL: https://nsk.aif.ru/society/zhitelnica_-novosibirska_poydyot _pod_sud_za_poddelku_sertifikata_o_ vakcinacii (дата обращения: 05.11.2021).

21. Кузьминский районный суд // Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal/details/cacd31f0-92c5-11eb-99b4-b91c271f02a8 (дата обращения: 05.11.2021).

22. Бабушкинский районный суд // Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/sud-v-moskve-vernul-prokuroru-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-izgotovitelya-poddelnyh-sertifikatov-o-vaktsinatsii (дата обращения: 05.112021).

23. Суд вернул прокурору первое дело о поддельных COVID-сертификатах // «Информационно-аналитический центр "МедиаНьюс"». URL: https://news.ru/society/sud-vernul-prokuroru-pervoe-delo-o-poddelnyh-covid-sertifikatah/ (дата обращения: 05.11.2021).

24. Дело о «липовых» сертификатах о вакцинации дошло до суда // БФМ.РУ. URL: https://www.bfm.ru/news/475081 (дата обращения: 05.11.2021).

25. Пленум ВС разобрался с поддельными документами и автомобильными номерами // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/press_-center/mass_media/29410/ (дата обращения: 26.11.2021).

26. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // СПС «Кон-

сультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371515/. (дата обращения: 26.11.2021).

27. Россияне назвали причины отказа от вакцинации // Официальный сайт информационного агентства «РБК». URL: https://www.rbc.ru/society/29/06/2021/60db2e609a794789bdf54cbe (дата обращения: 27.11.2021).

28. Опрос ЦСП «Платформа»: Страх перед долгосрочными последствиями для здоровья стал одной из главных причин отказа россиян от вакцинации // Еженедельная информационная программа Росбальт. URL: https://www.rosbalt.ru/russia/2021/06/29/1909001.html (дата обращения: 27.11.2021).

29. Афзалетдинова Г. Х. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики по делам о присвоении или растрате чужого имущества // Совершенствование следственной и экспертной практики: тезисы докладов и со общений международная научно-практическая конференция. Омск, 2008. С. 91–92.

30. Об утверждении формы медицинской документации «Сертификат о профилактических прививках против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) или медицинских противопоказаниях к вакцинации и (или) перенесенном заболевании, вызванном новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) и порядка ее ведения: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22.10.2021 № 1006н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110250033 (дата обращения: 05.11.2021).

References:

1. Statement on the second meeting of the International Health Regulations (2005) Emergency Committee regarding the outbreak of novel coronavirus (2019-nCoV) // Official website of the World Health Organization. URL: https://www.who.int/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the- outbreak-of- novel-coronavirus-(2019-ncov) (access date: November 05, 2021).

2. Opening remarks by the Director-General at the press briefing on COVID-19 on March 11, 2020 // Official website of the World Health Organization // Official website of the World Health Organization. URL: www.who.int (access date: November 05, 2021).

3. Statement following the second meeting of the Emergency Committee under the International Health Regulations on the 2019 novel coronavirus (nCoV) outbreak. // Official website of the World Health Organization. URL: www.who.int (access date: November 05, 2021).

4. The official Internet resource for informing the population about the coronavirus (COVID-19). URL: https: //xn–80aesfpebagmfblc0a.xn–p1ai/ai/html/3/attach/2021-11-24_coronavirus_government_report.pdf (access date: November 24, 2021).

5. Actual world statistics // WORDOMETR. URL: https://www.worldometers.info/. (access date: November 24, 2021).

6. Poorolajal J. The global pandemics are getting more frequent and severe (English) // Journal of Research in Health Sciences. 2021. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34024760/ (access date: November 05, 2021).

7. Status of COVID-19 Vaccines within WHO EUL / PQ evaluation process // Official website of the World Health Organization. URL: www.who.int. (access date: November 05, 2021).

8. All about vaccination against COVID-19 // Official Internet resource for informing the population about the coronavirus (COVID-19). URL: https: //xn-80aaezjt5d.xn-80aesfpebagmfblc0a.xn–p1ai/ (access date: November 24, 2021).

9. How many are vaccinated against coronavirus in Russia on November 24, 2021 // EpiVacCorona. URL: https://epivakcorona.ru/skolko-privito-ot-koronavirusa-v-rossii-na-24-noyabrya/ (access date: November 24, 2021).

10. Statistics of vaccination against coronavirus in Russia and in the world // MinfinMedia. URL: https://statistika-vakcinacii.ru (access date: November 24, 2021).

11. Bills on the use of QR codes in public places and in transport have been submitted to the State Duma // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: http://government.ru/docs/43789 (access date: November 24, 2021).

12. Draft Law No. 17358-8 // The system for ensuring legislative activity of the State Automated System "Lawmaking"(SOZD GAS "Lawmaking"). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8 (access date: November 25, 2021).).

13. Police officers continue to suppress the spread of fake medical documents // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https: //mv.d.rf/news/item/26742852 (access date: November 04, 2021).

14. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-October 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https: //xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/27024130/ (access date: November 25, 2021).

15. Prosecutors on current legislation // Official website of the Moscow City Prosecutor's Office. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_77/activity/legal-education/about-law?item=61472079 (access date: November 05, 2021).

16. Who is deceiving whom? Imprisonment threatens for fake vaccination certificates and QR codes // Internet portal of "Rossiyskaya Gazeta". URL:

https://rg.ru/2021/07/14/poddelka-sertifikatov-o-vakcinacii-i-qr-kody-grozit-lisheniem-svobody.html (access date: November 05, 2021).

17. Trade in certificates of vaccination against COVID-19 was detected in the Kemerovo region // Network edition"Interfax-Russia". URL: https://www. interfax-russia. ru/siberia/news/torgovlyu-sertifikatami-o-vakcinacii-ot-covid-19-vyyavili-v-kemerovskoy-oblasti?utm_source= yxnews&utm_medium= desktop32nw=1636 (access date: November 05, 2021).

18. In Kuzbass, swindlers who were selling counterfeit certificates were detained // Internet portal of the "Rossiyskaya Gazeta". URL: https://rg.ru/2021/11/05/reg-sibfo/moshenniki-zaderzhany-v-kuzbasse.html (access date: November 05, 2021).

19. Deceptions with covid certificates. Medical workers were arrested in the Moscow region // Network edition "Vesti.Ru". URL: https://www.vesti.ru/article/2628113 (access date: November 05, 2021).

20. A resident of Novosibirsk will go to court for forging a certificate of vaccination // "Arguments and Facts". URL: https://nsk.aif.ru/society/zhitelnica_novosibirska_-poydyot_pod_sud_za _poddelku_sertifikata _o_vakcinacii (access date: November 05, 2021).

21. Kuzminsky District Court // Official site of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal/details/cacd31f0-92c5-11eb-99b4-b91c271f02a8 (access date: November 05, 2021).

22. Babushkinsky District Court // Official site of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/sud-v-moskve-vernul-prokuroru-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-izgotovitelya-poddelnyh-sertifikatov-o-vaktsinatsii (access date: November 05, 2021).

23. The court returned to the prosecutor the first case of fake COVID certificates // "Information and Analytical Center"MediaNews ". URL: https://news.ru/society/sud-vernul-prokuroru-pervoe-delo-o-poddelnyh-covid-sertifikatah/ (access date: November 05, 2021).

24. The case of the "fake"vaccination certificates reached the court // BFM.RU. URL: https://www.bfm.ru/news/475081 (access date: November 05, 2021).

25. The Plenum of the Supreme Court dealt with fake documents and license plates // Official site of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/29410/ (access date: November 26, 2021).

26. On some issues of judicial practice in cases of crimes provided for by Articles 324–327.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.12.2020 No. 43 // ConsultantPlus. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371515/. (access date: November 26, 2021).

27. The Russians named the reasons for refusing vaccination // Official site of the information agency "RBK". URL: https://www.rbc.ru/society/29/06/2021/60db2e609a794789bdf54cbe (access date: November 27, 2021).

28. Poll by the Center for Strategic Research "Platform": Fear of long-term health consequences has become one of the main reasons for the refusal of Russians from vaccination // Rosbalt weekly information program. URL: https://www.rosbalt.ru/russia/2021/06/29/1909001.html (access date: November 27, 2021).

29. Afzaletdinova G. Kh. Personality of a criminal as an element of forensic characteristics in cases of misappropriation or embezzlement of someone else's property // Improvement of investigative and expert practice: abstracts of reports and communications international scientific and practical conference. Omsk, 2008. Pp. 91–92.

30. On the approval of the form of medical documentation "Certificate on preventive vaccinations against a new coronavirus infection (COVID-19) or medical contraindications for vaccination and (or) a previous illness caused by a new coronavirus infection (COVID-19) and the procedure for its conduct: Order of the Ministry of Health Russian Federation dated 10.22.2021 No. 1006n // Official Internet portal of legal information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110250033 (access date: November 05, 2021).

УДК/UDC 343.98

Генезис правового регулирования лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз в Республике Беларусь

Невдах Ольга Владимировна
Начальник управления лицензирования и сертификации
Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail:neol11@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты нормативно-правового регулирования лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз в период с 2003 г. по настоящее время. Отмечается, что получение специального разрешения (лицензии) на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями взаимосвязано с наличием у юридического лица работников, имеющих свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта, и такого же свидетельства у индивидуального предпринимателя. С принятием с 1 января 2021 г. Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» претерпели изменения нормативные правовые акты в области лицензирования судебно-экспертной деятельности. Проблемными вопросами в указанной области остаются вопросы, связанные с присвоением квалификации судебного эксперта некоторым категориям лиц, ограниченное число видов судебных экспертиз, в области проведения которых присваивается квалификация судебного эксперта.

Ключевые слова: деятельность по проведению судебных экспертиз, лицензирование деятельности по проведению судебных экспертиз, судебно-экспертная деятельность, лицензия, свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта.

The genesis of legal regulation of licensing of forensic examinations in the Republic of Belarus

Nevdach Olga Vladimirovna
Head of Licensing and Certification Department
State Forensic Expertise Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus
e-mail:neol11@mail.ru

Abstract

The article discusses aspects of the legal regulation of licensing of activities for conducting forensic examinations in the period from 2003 to the present. It is noted that obtaining a special permit (license) for carrying out forensic examinations by legal entities and individual entrepreneurs is interconnected with the presence of a legal entity of employees who have a certificate of conferring the qualifications of a forensic expert, and the same certificate from an individual entrepreneur. With the adoption from January 1, 2021 of the Law of the Republic of Belarus "On Forensic Expert Activity the regulatory legal acts in the field of licensing forensic expertise have undergone changes. Problematic issues in this area remain issues related to the assignment of the qualifications of a forensic expert to certain categories of persons, a limited number of types of forensic examinations, in the field of which the qualifications of a forensic expert are assigned.

Key words: forensic expertise activities, licensing of forensic expertise activities, forensic expertise activities, license, certificate of qualification of a forensic expert.

С изменениями организационно-правовых условий осуществления судебно-экспертной деятельности, формированием новой государственной политики в данной сфере и организационного обособления системы государственных органов, обеспечивающих реализацию указанной политики, актуальность приобретают вопросы совершенствования правовых основ в рассматриваемой сфере. В данном контексте представляют интерес изменения подходов к организации деятельности по проведению судебных экспертиз.

Впервые лицензирование судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь стало осуществляться с 2003 г. после вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь № 17 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [1]. При этом судебно-экспертная деятельность рассматривалась как вид деятельности по оказанию юри-

дических услуг. Эта деятельность была обозначена в Декрете звездочкой как имеющая в своем составе составляющие услуги. Расшифровка составляющих этот вид деятельности услуг в Декрете отсутствовала.

В опубликованном 1 ноября 2003 г. Положении о лицензировании деятельности по оказанию юридических услуг, утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 октября 2003 г. «О лицензировании видов деятельности, выдачу специальных разрешений (лицензий) на которые осуществляет Министерство юстиции», вид деятельности *оказание юридических услуг* предусматривал 3 составляющие услуги: собственно юридические услуги, риэлторские услуги и *судебно-экспертную деятельность* [2]. Указанным нормативным правовым актом впервые в Беларуси нормативно определялся термин «судебно-экспертная деятельность». Впоследствии данный термин получил свое дальнейшее закрепление в Указе Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Первые специальные разрешения (лицензии) на осуществление судебно-экспертной деятельности 9 негосударственным экспертным организациям и 1 частному эксперту были выданы Министерством юстиции 28 апреля 2004 г. С 1 июля 2013 г. функции лицензирования судебно-экспертной деятельности были возложены на вновь образованный Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. К 1 июля 2013 г. в Республике Беларусь насчитывалось 68 лицензиатов, в т. ч. 32 частных эксперта. За период функционирования Государственного комитета численность лицензиатов варьировалась в пределах от 57 до 73, значительно не изменяясь, а на начало 2021 г. составляла 62 лицензиата, в т. ч. 33 индивидуальных предпринимателя.

В *Положении о лицензировании деятельности по оказанию юридических услуг*, а после его отмены – в *Положении о лицензировании отдельных видов деятельности*, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее по тексту — Положение о лицензиро-

вании), судебно-экспертная деятельность определялась как возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам уголовного, гражданского, хозяйственного, административного процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих доказыванию по уголовным, гражданским делам, делам, рассматриваемым в хозяйственном суде, делам об административных правонарушениях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности [3]. И вплоть до декабря 2020 г. это понятие в законодательстве о лицензировании существенных изменений не претерпело. Необходимо отметить, что указанное определение судебно-экспертной деятельности было пригодно лишь для целей лицензирования, т. к. возмездный характер такой деятельности и оказание услуг (практиковалось также заключение договоров на проведение судебных экспертиз) были характерны именно для предпринимательской деятельности. Данные особенности были, естественно, нехарактерны для проведения экспертиз в государственных экспертных организациях. На невозможность распространения дефиниции судебно-экспертной деятельности на все субъекты данной деятельности справедливо указывал Г. Б. Дергай [4].

В условиях, когда формировалась единая правовая база деятельности государственных и иных субъектов судебно-экспертной деятельности, создавался проект закона о судебно-экспертной деятельности, указанный термин стал пониматься широко как вид профессиональной деятельности по организации проведения экспертиз, контролю за проведением экспертиз, ведению криминалистических учетов и коллекций. Такое определение получила судебно-экспертная деятельность в Законе Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее по тексту — Закон о судебно-экспертной деятельности) [5]. Различие в правовом статусе государственных судебных экспертов, государственных судебно-экспертных организаций и организаций (экспертов), не являющихся государственными, сохранилось, т. к.

предпосылки, послужившие основанием для введения лицензирования, сохранились и в ближайшей перспективе вряд ли исчезнут. С 1 января 2021 г., с вступлением в силу Закона о судебно-экспертной деятельности, лицензируется не судебно-экспертная деятельность как таковая, а предпринимательская деятельность по проведению судебных экспертиз.

К числу актов законодательства, регулирующих деятельность по проведению судебных экспертиз как лицензируемого вида деятельности, относится Положение о лицензировании. Правовой статус судебно-экспертных организаций, не являющихся государственными, и частных экспертов, закрепляет гл. 41-1 «Деятельность по проведению судебных экспертиз» указанного Положения. Здесь же определены требования, которым должен соответствовать соискатель лицензии на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз. Указанные требования сформулированы с учетом современных представлений о минимальном стандарте качества судебно-экспертных услуг, основой которого является компетентность судебного эксперта.

Установлено, что получению лицензии индивидуальным предпринимателем предшествует получение им же свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта. Сходное требование предъявляется также и к организации: в штате должно состоять не менее двух лиц, имеющих свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта. Т. е. получение лицензии на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз связано с наличием свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта у индивидуального предпринимателя, наличием в штате организации лиц, имеющих такие свидетельства. Вопросы, связанные с получением свидетельства, подробно изложены в Законе о судебно-экспертной деятельности, Инструкции о порядке проведения аттестации на присвоение (подтверждение) квалификации судебного эксперта и выдачи свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных экспертиз № 13 от 13 ноября 2020 г. [6].

Однако порядок и основания получения выдаваемого Государственным комитетом судебных экспертиз свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта связано с определенными требованиями, предъявляемыми к лицам, желающим стать экспертами. Выделяется два основных обязательных: наличие стажа экспертной работы не менее двух лет, а также прохождение обучения в государственном учреждении образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» по соответствующей образовательной программе.

Лицам, ранее осуществлявшим судебно-экспертную деятельность в государственных судебно-экспертных организациях по виду (подвиду) судебной экспертизы, по которому они желают получить свидетельство, требуется пройти обучение по образовательной программе повышения квалификации (до 36 учебных часов). Лицам, не имеющим квалификации судебного эксперта, требуется пройти обучение по образовательной программе переподготовки (в заочной форме, срок обучения — 6 месяцев).

Хотелось бы отметить, что исчисление стажа экспертной работы и прохождение обучения законодательно между собой не взаимосвязаны. Комиссия по исчислению стажа экспертной работы руководствуется в своей деятельности Инструкцией о порядке исчисления стажа экспертной работы, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных экспертиз от 24 августа 2020 г. № 2 [7]. Законодательно не урегулирована возможность исчисления стажа до прохождения лицами обучения в форме переподготовки. Имели место случаи, когда претендент, прошедший обучение в форме переподготовки и получивший диплом с присвоением квалификации судебного эксперта, обратившийся после этого с заявлением о выдаче ему свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, не соответствовал требованиям о наличии у него необходимого стажа экспертной работы. И на этом основании ему было отказано в присвоении квалификации судебного эксперта и выдаче свидетельства о ее присвоении.

Кроме того, повторное присвоение квалификации судебного эксперта после получения лицом диплома о переподготовке на уровне высшего образования, в котором уже обозначено, что указанному лицу присвоена квалификация судебного эксперта, нивелирует значение диплома, придавая ему значение «пропуска» для обращения за получением свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта.

Очевидно, что законодательство в части указанных пробелов нуждается в совершенствовании. Правовой статус коммерческих субъектов деятельности по проведению судебных экспертиз характеризуется еще одной особенностью — правом выполнять судебные экспертизы по видам (подвидам) судебных экспертиз, указанным в специальном разрешении (лицензии).

Сфера лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз ограничена 19 видами (5 подвидами) судебных экспертиз, включенными в установленный Постановлением Государственного комитета судебных экспертиз от 13 ноября 2020 г. № 13 Перечень видов (подвидов) судебных экспертиз, проведение которых осуществляется на основании специального разрешения (лицензии) на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз (далее по тексту — Перечень) [6]. Это те виды (подвиды) судебных экспертиз, в области проведения которых присваивается квалификация судебного эксперта и которые указываются в свидетельствах о присвоении квалификации судебного эксперта и в специальных разрешениях (лицензиях) на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз.

Обращаясь к истокам лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз, следует отметить, что за период, прошедший со дня введения в действие Перечня (с 12 ноября 2003 г.), изменилось как количество видов (подвидов) включенных в него судебных экспертиз, так и сами виды (подвиды). В первом варианте насчитывалось 15 видов (включая 37 подвидов); в следующем 18 видов (в т. ч. 31 подвид); в действующем 19 видов (5 подвидов) судебных экспертиз.

Следует упомянуть, что первый вариант перечня для целей выдачи свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта сформирован Министерством юстиции, который до 1 июля 2013 г. был лицензирующим судебно-экспертную деятельность органом. В течение пяти лет (с 2004 по 2013 гг.) Министерством юстиции были выданы свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта по 7 видам судебных экспертиз. По этим же видам в последующем, с 2015 по 2021 гг., были выданы свидетельства Государственным комитетом судебных экспертиз.

Перечни видов судебных экспертиз изменялись в связи с изменением названий некоторых видов судебных экспертиз, включением либо исключением некоторых видов судебных экспертиз. Начиная с первого варианта перечня все последующие, вплоть до действующего пятого, радикально не изменяясь, трансформировались в очередные, без учета целесообразности включения в них того либо иного вида, подвида судебной экспертизы. Незначительно менялись названия видов, подвидов судебных экспертиз; например, подвиды судебной криминалистической экспертизы в первом и втором варианте перечня стали видами в третьем варианте перечня, затем снова подвидами в четвертом и опять видами в пятом.

Однако по-прежнему с 2004 г. по настоящее время востребованными у лиц, намеревающихся осуществлять деятельность по проведению судебных экспертиз, являются те же 7 судебных экспертиз, по которым были выданы свидетельства Министерством юстиции.

По нашему мнению, при формировании Перечня следует учитывать прежде всего востребованность включенных в него видов (подвидов) судебных экспертиз рынком оказания услуг. Это подтверждается тем, что по таким видам включенных в Перечень судебных экспертиз, как автодорожная, фоноскопическая, экспертиза материалов, веществ и изделий, почерковедческая, техническая экспертиза документов, нет ни одного частного эксперта. И на протяжении всего времени не ослабевает интерес частных экспертов к получению свидетельства о присвоении

квалификации судебного эксперта по судебной строительно-технической экспертизе, судебной автотехнической экспертизе.

Выполнение обладателями лицензии на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз не указанных в лицензии судебных экспертиз является грубым нарушением лицензионных требований. Может возникнуть вопрос о границах распространения этого запрета: на все возможные виды (подвиды), либо только на те из 19, которые включены в Перечень. Законодательство разъяснений на этот вопрос не дает. Но т. к. границы лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз четко очерчены определенными видами (подвидами) судебных экспертиз, запрет лицензиатам выполнять виды (подвиды) судебных экспертиз, не указанные в специальном разрешении (лицензии), распространяется исключительно на те из них, которые указаны в Перечне и не указаны в лицензии.

С учетом изложенного представляется необходимым пересмотреть перечень видов экспертиз, подлежащих лицензированию, т. е. пересмотреть границы сферы лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз. Т. к. лицензируемая деятельность предусматривает коммерческую составляющую, целесообразно включать в перечень видов экспертиз, подлежащих лицензированию, только те виды, которые могут обеспечить систематическое извлечение прибыли. В противном случае теряется всякий смысл лицензирования. Практика регулирования коммерческой деятельности по проведению судебных экспертиз в Республике Беларусь показывает, насколько более жесткими могут быть для коммерческих субъектов законы рынка в сравнении с мерами государственного регулирования.

Список литературы:

1. О лицензировании отдельных видов деятельности: Декрет Президента Республики Беларусь от 14.07.2003 № 17 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450 (дата обращения 11.11.2021).

2. О лицензировании видов деятельности, выдачу специальных разрешений (лицензий) на которые осуществляет Министерство юстиции: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20.10.2003 № 1363 // Pravo.by. URL: https://pravo.by/pdf/2003-121/2003-121(023-083).pdf (дата обращения 12.10.2021).

3. О лицензировании отдельных видов деятельности: Указ Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450 (дата обращения 26.10.2021).

4. Дергай Г. Б. Система принципов судебно-экспертной деятельности // Законность и правопорядок. 2018. № 2 (46). С. 58–62.

5. О судебно-экспертной деятельности: Закон Республики Беларусь от 18.12.2019 № 281-З // Pravo.by. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900281 (дата обращения 12.10.2021).

6. О порядке проведения аттестации на присвоение (подтверждение) квалификации судебного эксперта: Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 13 ноября 2020 г. № 13 // Pravo.by URL: https://pravo.by/upload/docs/op/T22004649_1606942800.pdf (дата обращения 12.10.2021).

7. О порядке исчисления стажа экспертной работы: Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 августа 2020 № 2 // Pravo.by URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=T22004589 (дата обращения 12.10.2021).

References:

1. On licensing of certain types of activities: Decree of the President of the Republic of Belarus of 14.07.2003 No. 17 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450 (access date: November 11, 2021).

2. On licensing of types of activities, the issuance of special permits (licenses) for which is carried out by the Ministry of Justice: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 1363 dated 20.10.2003 // Pravo.by. URL: https://pravo.by/pdf/2003-121/2003-121(023-083).pdf (access date: November 11, 2021).

3. On licensing of certain types of activities: Decree of the President of the Republic of Belarus dated 01.09.2010 No. 450 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450 (access date: November 11, 2021).

4. Dergay G. B. System of principles of forensic expert activity // Legality and law and order. 2018. No. 2 (46). Pp. 58–62.

5. On forensic expertise: Law of the Republic of Belarus dated December 18, 2019 No. 281-З Pravo.by. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0= H11900281 (access date: November 11, 2021).

6. On the procedure for attestation for the assignment (confirmation) of the qualifications of a forensic expert: Resolution of the State Committee for Forensic Examinations of the Republic of Belarus dated November 13, 2020 No. 13 // Pravo.by URL: https://pravo.by/upload/docs/op/T22004649_1606942800.pdf (access date: November 11, 2021).

7. On the procedure for calculating the experience of expert work: Resolution of the State Committee for Forensic Examinations of the Republic of Belarus dated August 24, 2020 No. 2 // Pravo.by URL: https://pravo.by/upload/docs/op/T22004589_-1600203600. pdf (access date: November 11, 2021).

УДК/UDC 343.3/7; 342.9

Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний

Пантюхина Инга Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
г. Рязань, Россия
e-mail:i.pantyuhina@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 3985-3067
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8901-2910

Сидорова Светлана Андреевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории права и административно-правовых дисциплин
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
г. Рязань, Россия
e-mail:s.sidorova@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 6825-1340

Аннотация

В статье на основе анализа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации авторами выделены четыре формы взаимодействия норм об административных правонарушениях и норм, регламентирующих преступления. В основу выделения положена техника их построения: конструирование преступлений на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, и наоборот; конструирование составов преступлений посредством использования в качестве их признаков административных деликтов; построение посредством одинаковых признаков, что делает их смежными или конкурирующими; конструирование составов преступлений с административной преюдицией. На основе конкретных норм показаны примеры выражения взаимодействия административных и уголовно-правовых норм, определены и представлены проблемы их разграничения, а также проблемы квалификации преступлений с признаками административных правонарушений и с административной преюдици-

ей. Для устранения выявленных недостатков взаимодействия административных и уголовно-правовых норм авторы считают необходимым: выявление всех таких норм, проведение их углубленного, детального анализа и на его основе приведение норм в согласование между собой; исключение отдельных таких норм из действующего законодательства; выработку и легализацию критериев разграничения норм и правил квалификации при их конкуренции.

Ключевые слова: административное правонарушение, преступление, признаки преступления, общественная опасность, вредные последствия, ущерб, смежные деяния, конкуренция норм, административная преюдиция.

Forms of interaction of the protective norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation: problems of differentiation and qualification of criminal acts

Pantyukhina Inga Vladimirovna
Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Criminal law and Criminology
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
Ryazan, Russia
e-mail:i.pantyuhina@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 3985-3067
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8901-2910

Sidorova Svetlana Andreyevna
Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Theory of Law and Administrative-Legal Disciplines
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
Ryazan, Russia
e-mail:s.sidorova@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 6825-1340

Abstract

In the article, based on the analysis of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, the authors have identified four forms of interaction of norms on administrative offenses and norms regulating crimes. Their allocation is based on the technique of their construction: the construction of crimes based on the norms governing administrative offenses and vice versa; constructing the elements of crimes by using administrative offenses as their signs; their construction by means of identical features, which makes them adjacent or competing; the construction of crimes with administrative prejudice. On the basis of specific norms, examples of the expression of the interaction of administrative and criminal law norms are shown, the problems of their differentiation, as well as the problems of qualification of crimes with signs of administrative offenses and with administrative prejudice are identified and presented. To eliminate the identified shortcomings in the interaction of administrative and criminal law norms, the authors consider it necessary: to identify all such norms, conduct their in-depth, detailed analysis and, on its basis, bring the norms into agreement with each other; exclusion of certain such norms from the current legislation; development and legalization of criteria for delineating the norms and rules of qualifications in their competition.

Key words: administrative offense, crime, signs of crime, public danger, harmful consequences, damage, related acts, competition of norms, administrative prejudice.

Особенностью российского законодательства является достаточно тесная взаимосвязь отдельных его отраслей, а иногда и явная зависимость норм одной отрасли от другой. Проявления такой зависимости демонстрируют современные Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ) [1] и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [2]. Некоторые виды охранительных правоотношений, регулируемых административным и уголовным законодательством, достаточно близки по своему содержанию, а потому и регулирующие их нормы иногда настолько схожи, что создают для правоприменителя серьезные проблемы.

Чрезмерное сближение содержания некоторых правовых норм чревато усугублением уже существующих проблем как теоретического, так и практического характера. Также совершенствование уже существующих

норм нередко приводит к обратному результату: отнюдь не разрешению существующих проблем, а возникновению новых, ранее не существовавших, что наглядно демонстрируют вышеуказанные законы.

Взаимодействие норм УК РФ и КоАП РФ имеет несколько форм проявлений, которые условно можно разделить на четыре группы:

1) конструирование уголовно-правовых норм на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, или наоборот, конструирование административно-деликтных норм на основе уголовно-правовых;
2) конструирование составов преступлений посредством использования в качестве его признаков административных деликтов;
3) конструирование преступлений и административных правонарушений настолько близкими по содержанию, что они становятся между собой смежными или вовсе конкурирующими;
4) конструирование преступлений с административной преюдицией.

1.**Конструирование уголовно-правовых норм на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, и наоборот, конструирование административно-деликтных норм на основе уголовно-правовых** выражается в том, что:

1) административному правонарушению при наличии определенных дополнительных признаков придается статус преступного деяния;
2) из состава преступления исключаются определенные признаки, в силу чего оно становится менее опасным для общественных отношений и признается лишь административным правонарушением.

Первое из обозначенных проявлений чаще всего выражается в том, что административное правонарушение дополняется признаками, повышающими его общественную опасность, что, собственно, и является основанием перевода такого деяния из числа административных деликтов в разряд преступных. Общественная опасность носит объективный ха-

рактер и определяется качественным и количественным показателями. Первый определяется видом общественных отношений, на которые осуществляется посягательство. Количественный — разновидностью и объемом причиняемого вреда. В рассматриваемом случае, как правило, административный деликт дополняется наступлением вредного или более тяжкого последствия, выражающегося в причинении конкретного вреда, существенного или крупного ущерба, в извлечении в определенном размере дохода или в образовавшейся задолженности и т. д. В частности, осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) образует административное правонарушение (ст. 14.1 КоАП РФ), а при причинении этим деянием крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечении дохода в крупном размере — преступление (ст. 171 УК РФ). Примерами деяний, различающихся по размеру последствий, являются хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты. При их совершении в размере до 2500 рублей (при отсутствии признаков, установленных в УК РФ) они образуют административное правонарушение (ст. 7.27 КоАП РФ) тогда как свыше указанного размера — преступления (ст. 158, 159, 160 УК РФ). Или, например, уничтожение или повреждение чужого имущества, образующее административное правонарушение (ст. 7.17 КоАП), при причинении значительного ущерба гражданину становится преступным деянием (ст. 167 УК РФ). Нарушение правил охоты, образующее административное правонарушение (ст. 8.37 КоАП РФ), при причинении содеянным крупного ущерба или совершенное с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, и ряда других признаков становится уголовно наказуемой незаконной охотой (ст. 258 УК РФ).

Второе проявление можно продемонстрировать на примере ст. 7.27.1 КоАП РФ и ст. 165 УК РФ, которые имеют абсолютно идентичные названия: «Причинение имущественного ущерба путем обмана

или злоупотребления доверием». Состав административного правонарушения включен в КоАП РФ значительно позже принятия УК РФ 1996 г., в котором указанное преступление содержалось изначально. В редакции административной нормы непосредственно указано на отсутствие признаков уголовно наказуемого деяния, единственным отличием которого является крупный размер указанного ущерба.

Анализ приведенных, а также целого ряда других норм административного и уголовного законодательства, казалось бы, подтверждает позицию И. А. Большовой, которая, ссылаясь на мнения различных ученых, утверждает, что «именно степень общественной опасности выступает критерием отграничения административного правонарушения от преступлений» [3, с. 112]. Вместе с тем обращение к актам регионального правотворчества позволяет утверждать, что критерием разграничения схожих административных правонарушений и преступлений может быть не только причиняемый вред (главный показатель общественной опасности), который является объективным признаком деяния, но и его субъективные признаки. Это утверждение иллюстрирует акт регионального правотворчества. Так, в ч. 1 ст. 5.7 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях предусмотрено «жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, если это деяние не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ» [4]. Данная норма частично дублирует содержание нормы ст. 245 УК РФ, за исключением специальных альтернативных целей и мотивов совершения преступного деяния. Именно этими признаками указанные деяния и различаются, тогда как их вредные последствия одинаковы, что непосредственно опровергает вышеприведенное утверждение.

Возвращаясь к последствиям деяния как к критерию его отраслевой принадлежности, нельзя не отметить, что в ряде случаев грани различий административных деликтов и преступлений очень тонкие. Особенно в тех случаях, когда последствие является оценочным понятием. Примером являются ст. 7.17 КоАП РФ и ст. 167 УК РФ. Единственный их разграничитель — значительный ущерб, на котором непосредственно

акцентирует внимание и правоприменитель [5]. Его размер регламентирован в примечание 2 к ст. 158 УК РФ и определяется двумя признаками: имущественным положением гражданина (которое, собственно, и является оценочным) и суммой ущерба — не менее пяти тысяч рублей. С учетом имущественного положения потерпевшего одинаковый размер уничтоженного или поврежденного имущества, превышающий пять тысяч рублей, может образовывать и административное правонарушение, и преступление. Оценка содеянного ставится непосредственно в зависимость от фактического имущественного положения потерпевшего, которая, в конечном итоге, отдается на судейское усмотрение. При этом осознание виновным этого обстоятельства значения не имеет. В результате в некоторых случаях уголовное преследование по ч. 1 ст. 167 УК РФ судом прекращается, что свидетельствует о разных подходах к оценке имущественного положения потерпевшего правоприменителями (органами предварительного расследования и судом). Так, по одному из дел, возбужденному по ч. 1 ст. 167 УК РФ в отношении Д., повреждение им лобового стекла автомобиля «Хонда Аккорд» и тем самым причиненный его собственнику, являющемуся индивидуальным предпринимателем и имеющему в собственности движимое и недвижимое имущество, ущерб в сумме 18 256 рублей 43 коп., ущерб суд признал незначительным, в связи с чем уголовное дело было прекращено [6]. Такой же размер ущерба, причиненный менее состоятельному гражданину, мог бы быть признан значительным и повлек бы обвинительный приговор. Здесь возникает вопрос о реализации принципов равенства граждан перед законом, но не в части их обвинения, а их защиты уголовным законом и справедливости. По сути, быть гражданину потерпевшим от преступления или нет в данном случае также решается в зависимости от имущественного положения потерпевшего, к которому виновный может быть безразличен, поэтому такой подход нельзя признать удачным. При этом лицо совершает деяние умышленно, но даже при осознании уничтожения или повреждения достаточно дорогостоящего (как в приведенном примере) имущества его действия не составляют общественной опасности в той

степени, которая необходима для признания его действий преступными, и в результате повлечет лишь «символическое» наказание (по ст. 7.17 КоАП РФ — административный штраф от 300 до 500 рублей, тогда как по ст. 167 УК РФ – штраф до 40 000 рублей, а самым строгим наказанием установлено лишение свободы сроком до двух лет). Такое положение вряд ли отвечает принципу справедливости [7, с. 165].

Кроме того, регламентируя понятие значительного ущерба в УК РФ, законодатель прямо указывает на его причинение гражданину, из чего следует, что преступное посягательство в таком размере осуществляется только в отношении граждан, тогда как административное правонарушение может быть обращено и на юридических лиц. что нарушает равенство охраняемых интересов граждан и организаций.

2.**Конструирование состав преступлений посредством использования в качестве их признаков административного правонарушения**. Речь идет о нормах, в которых административное правонарушение является одним из обязательных признаков преступления. Примерами таких составов преступлений являются склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ (ст. 230 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и др.

Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также занятие проституцией образуют административные правонарушения (ст. 6.9 и ст. 6.11 КоАП РФ). Таким образом, уголовная ответственность по своей сути установлена за вовлечение лиц в совершение этих административных правонарушений. Причем относительно вовлечения в первое из указанных правонарушений квалификационных проблем не возникает, поскольку момент склонения к потреблению наркотических средств определен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8]. Относительно вовлечения в проституцию не все так однозначно. Понятие проституции

не легализовано соответственно. В научных источниках она определяется по-разному [9, с. 90; 10, с. 19; 11, с. 16], однако большинство ее определений схожи, сводя ее сущность «к тому, что лицо систематически вступает в сексуальный контакт с другим лицом или различными лицами за плату» [12, с. 119]. Признак систематичности оказания платных сексуальных услуг не позволяет однозначно точно определить момент окончания преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ. Таким образом, абстрактность административного правонарушения влечет за собой квалификационную проблему применения преступления, в котором оно использовано в качестве его признака. Кроме того, потерпевшие от преступлений, предусмотренных ст. 230 и 240 УК РФ, несмотря на то, что вовлечены в их совершение другими лицами, не освобождаются от ответственности за совершение соответствующих административных правонарушений. Получается, что потерпевших от уголовного посягательства, от которого их обязано было защитить государство, но оказалось неспособным это сделать, еще и наказывает само государство за те действия, от которых не защитило. Здесь опять возникает вопрос о социальной справедливости, но уже к государству об установлении такого подхода к своим гражданам.

К этой же группе взаимодействия УК РФ и КоАП РФ следует отнести и такой состав преступления, как вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ). Действия, в которые вовлекается несовершеннолетний (систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством) административными правонарушениями не являются. Однако за отдельные из них административная ответственность устанавливается законами субъектов Российской Федерации. Так, ст. 8.1 Кодекса Костромской области об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за попрошайничество и приставание к гражданам. Таким образом, совершение на территории Костромской области преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ в части вовлечения несовершеннолет-

него в попрошайничество, также означает его вовлечение в совершение административного правонарушения. При этом несовершеннолетний (достигший возраста 16 лет), начавший заниматься попрошайничеством, должен быть привлечен к административной ответственности, тогда как совершение аналогичного преступления в других субъектах Российской Федерации таких неблагоприятных последствий для вовлеченного в попрошайничество не влекут. В данном случае очевидной становится несогласованность представленных норм УК РФ и законодательства об административных правонарушениях, принимаемого отдельными субъектами Российской Федерации. Выходом из таких ситуаций представляется закрепление в КоАП РФ общей нормы (распространяемой и на административное законодательство субъектов Российской Федерации), устанавливающей положение о том, что вовлечение в совершение административного правонарушения, образующего уголовно наказуемое деяние, является специальным основанием освобождения от административной ответственности (если и не всех лиц, то, хотя бы несовершеннолетних).

3.**Конструирование преступлений и административных правонарушений близкими по содержанию**. Третья форма взаимодействия норм, регламентирующих преступления и административные правонарушения, выражается в наличии близости содержательного характера многих из них, которая делает одни из них смежными, другие — конкурирующими. При этом их различия проявляются не только в уровне общественной опасности (о которой указывалось выше), но и в иных содержательных признаках.

Речь идет о таких нормах, которые различаются одним-двумя признаками. Их можно представить следующими парами деяний: ст. 6.10 КоАП РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ») и ст. 151 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия, в число которых входит вовлечение употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ»); ст. 19.23 КоАП РФ

(«Подделка документов, штампов, печатей или бланков, их использование, передача либо сбыт») и ст. 327 УК РФ («Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков»); ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство») и ст. 213 УК РФ («Хулиганство»); ст. 20.3.1 КоАП («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») и ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»); ст. 5.62 КоАП РФ («Дискриминация») и ст. 136 УК РФ («Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», кстати сказать, обозначенное в диспозиции нормы той же дискриминацией) и др. Достаточно много таких норм содержится в гл. 8 КоАП РФ («Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования») и гл. 26 УК РФ («Экологические преступления»), которые весьма сложно разграничить в силу чрезмерного использования при их построении оценочных понятий [13, с. 5–6].

Смежность и конкуренция административных деликтов и преступлений, а равно и возникающие между ними коллизии лежат в основе развернувшейся в ученой среде дискуссии о приоритетности норм соответствующих отраслей права. Так, Н. И. Пикуров, Л. В. Иногамова-Хегей, М. Н. Белова, И. В. Шишко, О. Толмачев оставляют приоритет за уголовным законодательством и возможность применения норм административного законодательства усматривают только в случае недостаточности в содеянном признаков уголовно наказуемого деяния. Некоторые из ученых высказываются о необходимости закрепления такого положения и в УК РФ, и в КоАП РФ. Приоритет другим отраслям права при коллизии их норм с нормами уголовного закона отдавала Н. Ф. Кузнецова. Сегодня эту позицию отстаивают В. А. Навроцкий, Ю. А. Яницкий, В. Маевский, усматривая приоритет административного законодательства перед уголовным [3, с. 114–116]. В основе этих позиций лежат гуманизм, стремление к минимуму репрессии и к улучшению положения правонарушителя.

И. А. Большова, руководствуясь признаком системности права, разрешение возникающих коллизий между уголовно-правовыми и административными нормами видит в применении правил конкуренции общей и специальной норм, т. е. в применении той, которая более полно и детально раскрывает признаки совершенного посягательства [3, с. 116]. Однако некоторые из норм рассматриваемых отраслей права настолько близки по содержанию, что непросто определить, какая из норм является общей, а какая — специальной, что порождает их противоречия и, как следствие, квалификационные ошибки. Их причины точно определил М. В. Бавсун — пресыщение законодательства положениями, конкурирующими друг с другом. Он также заметил, что «за счет появления значительного числа противоречий наступает эффект, обратный предполагаемому, а именно происходит ослабление борьбы с тем или иным явлением в связи с возникшими противоречиями» [14, с. 3-7].

В силу изложенных обстоятельств, безусловно, И. А. Большова права, настаивая на необходимости приведения в соответствие содержания УК РФ с содержанием КоАП РФ, руководствуясь принципом согласованности норм этих отраслей законодательства [3, с. 117]. Кроме того, необходимым видится именно на законодательном уровне более четкое разграничение административных деликтов и преступлений прежде всего посредством замены оценочных их признаков конкретизированными формами описания фактических обстоятельств деяния.

4. Последней, четвертой формой проявления взаимодействия норм УК РФ и КоАП РФ является **конструирование составов преступлений с административной преюдицией**. Их смысл заключается в том, что преступление образует повторное или неоднократное совершение одного и того же или однородного административного правонарушения в течение определенного срока с момента привлечения лица к административной ответственности (или в течение периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию). Такой способ построения уголовно-правовых норм следует признать одной из современных тенденций развития уголовного законодательства Российской

Федерации. Свидетельством тому является ежегодное последовательное увеличение статей Особенной части УК РФ, содержащих такие преступления. Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений обосновал целесообразность конструирования таких норм тем, что неоднократное совершение лицом административных правонарушений указывает на недостаточность административных средств для предотвращения таких деяний, что и является причиной для криминализации соответствующих действий [13].

В первой редакции УК РФ 1996 г. как таковых преступлений с административной преюдицией не содержалось. Исключением можно признать лишь два преступления, содержащиеся в ст. 154 УК РФ («Незаконное усыновление (удочерение)») и в ст. 180 УК РФ («Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»), в которых фактически были представлены составы преступлений, являющиеся прототипами норм с административной преюдицией по признаку их неоднократного совершения. Сегодня в УК РФ норм с административной преюдицией насчитывается 19.

Все исследователи, анализирующие преступления с административной преюдицией, справедливо отмечают серьезные недостатки в их конструкциях. Основным из них является отсутствие единообразного подхода к использованию при их конструировании ключевых признаков: повторности, неоднократности, количества совершенных административных правонарушений, сроков, в течение которых лицо должно совершить административные правонарушения, характеристики субъекта преступления [15, с. 134; 16, с. 318; 17, с. 26–27]. Действительно, в большинстве случаев законодатель считает, что уже повторное совершение административного правонарушения должно влечь более жесткую реакцию со стороны государства — применение мер уголовно-правового воздействия (ст. 151.1, 158.1, 264.1 УК РФ и др.), тогда как в других случаях — только третьего (ст. 212.1, 175.1 УК РФ). Также в большинстве преступлений неоднократность совершения административного правонарушения определяется повторностью или неоднократностью совершае-

мого административного правонарушения в течение года, а в других — в течение полугода (180 дней) (ст. 212.1 УК РФ). Не вдаваясь в подробности других недостатков преступлений с административной преюдицией, отметим, что многочисленные мнения и позиции ученых, высказываемые о конструкциях таких норм, красноречиво демонстрирует отсутствие систематизированного подхода к их построению, их противоречивости и внутренней несогласованности с другими нормами уголовного закона, поэтому в большинстве своем они оцениваются негативно.

Кроме теоретических проблем, применение уголовно-правовых норм с административной преюдицией обнаруживает их квалификационные проблемы. В частности, связанные со сложностью процедур привлечения к административной ответственности отдельных категорий граждан (членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы Российской Федерации, судей, прокуроров), а также привлечения за совершение административных правонарушений к дисциплинарной ответственности военнослужащих, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, ФСИН, противопожарной службы и таможенных органов, в силу чего они не отвечают признакам субъекта преступлений с административной преюдицией [16, с. 320].

С некоторыми квалификационными проблемами непосредственно сталкивается судебная практика. Так, по одному из дел К. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, т. е. в управлении автомобилем в состоянии опьянения, имея административное наказание по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. Однако в ходе рассмотрения дела было установлено, что решение мирового судьи, наложившего на К. административное наказание, вступило в законную силу после повторного управления К. транспортным средством в состоянии опьянения. В связи с этим на момент повторного нарушения К. не считался привлеченным к административной ответственности. Таким образом, несмотря на то, что фактически К. управлял автомобилем в нетрезвом состоянии повторно, по формальным признакам в его действиях отсутствует состав

преступления, предусмотренный ст. 264.1 УК РФ, на основании чего суд вынес решение об отсутствии в действиях К. состава преступления [18]. Возникновение аналогичных и других квалификационных проблем нельзя исключить и по другим преступлениям с административной преюдицией, что, безусловно, указывает на недостаточную их проработанность и необходимость дополнительного анализа и совершенствования.

Изложенное позволяет заключить, что формы взаимодействия охранительных норм административного и уголовного законодательства весьма разнообразны. При этом каждая из них обнаруживает многочисленные теоретические проблемы, которые нередко приводят к практическим проблемам их применения. И тот, и другой круг проблем требует своего разрешения, что видится возможным только при глубоком детальном проведении анализа всех точек соприкосновения административного и уголовного законодательства. Его результатом должно стать согласование их норм, исключение из УК РФ или КоАП РФ противоречивых друг другу положений, по возможности исключение смежных и конкурирующих норм, а также законодательное установление разграничительного критерия тех норм, которые невозможно исключить, и закрепление правил квалификации конкурирующих норм.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.11.2021).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.11.2021).

3. Большова И. А. Соотношение норм уголовного и административного законодательства: методологический анализ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (81). С. 108–118.

4. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях (с изм. и доп.): Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 // URL: https://docs.cntd.ru/document/3686331 (дата обращения: 21.11.2021).

5. Решение Петровского районного суда Ставропольского края по делу № 12-68/2017 от 02.10.2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/quyjtyeCAelJ/ (дата обращения: 22.11.2021).

6. Решение Ставропольского районного суда Самарской области г.о. Тольятти от 26.11.2020 по делу № 2-2715/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/a9IGasO3jadg/ (дата обращения: 22.11.2021).

7. Мамедова Ф. Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 148–168.

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 24.11.2021).

9. Дьяченко А. П., Аверина Н. А. Экспертные оценки проблем проституции в СССР. В сб.: Проблемы борьбы с девиантным поведением. М., 1989. С. 88–98.

10. Станская А. А. Проституция несовершеннолетних — социальная и правовая проблема общества. СПб., 2005. 323 с.

11. Улицкий С. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией // Законность. 2005. № 3. С.14–16.

12. Пантюхина И. В. Принуждение к занятию проституцией как особый вид понуждения к действиям сексуального характера // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 118–127.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 по делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина // Российская газета. 2017. 28 февраля.

14. Бавсун М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 3–7.

15. Гошаев И. М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 130–135.

16. Кольцова Е. Ю. Институты административной и дисциплинарной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации. В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения — 2020. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 317–321.

17. Сончев М. Н. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2021. № 1. С. 25–27.

18. Постановление мирового судьи судебного участка № 4 г. Мичуринск Тамбовской области от 03.03.2016 по делу № 1-13/2016/4 // Архив судебного участка № 4 г. Мичуринск Тамбовской области.

References:

1. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 30.12.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 10.01.2022) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_-doc_LAW_34661/ (access date: November 21, 2021).

2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 30.12.2021) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_-doc_LAW_10699/ (access date: November 21, 2021).

3. Bolshova I. A. Correlation between the norms of criminal and administrative legislation: a methodological analysis // Bulletin of the Volzhsky Universitynamed after V N. Tatishchev. 2014. No. 4 (81). Pp. 108–118.

4. The Code of the City of Moscow on Administrative Offenses (as amended and supplemented): Law of the City of Moscow dated November 21, 2007 No. 45 // URL: https://docs.cntd.ru/document/3686331 (access date: November 21, 2021).

5. The decision of the Petrovsky District Court of the Stavropol Territory in case No. 12-68 / 2017 dated 02.10.2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/quyjtyeCAelJ/ (access date: November 21, 2021).

6. The decision of the Stavropol District Court of the Samara Region g. about Togliatti from 11/26/2020 in case No. 2-2715 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/a9IGasO3jadg/ (access date: November 22, 2021).

7. Mamedova F. F. Justice in criminal law: the current state of the issue // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. Pp. 148–168.

8. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 No. 14 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (access date: November 24, 2021).

9. Dyachenko A. P., Averina N. A. Expert assessments of the problems of prostitution in the USSR. In Sat: Problems of Combating Deviant Behavior. M., 1989. Pp. 88–98.

10. Stanskaya A. A. Prostitution of minors is a social and legal problem of society. SPb., 2005. 323 p.

11. Ulitskiy S. Responsibility for involvement in prostitution // Legality. 2005. No. 3. Pp. 14–16.

12. Pantyukhina I. V. Compulsion to engage in prostitution as a special type of compulsion to acts of a sexual nature // Legal state: theory and practice. 2019. No. 1 (55). Pp. 118–127.

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.02.2017 on the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. I. Dadina // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 28 February.

14. Bavsun M. V. Differentiation of criminal responsibility for crimes against property: current state and development prospects // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 6. Pp. 3–7.

15. Goshaev I. M. Regulation of administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis // Yurist-Pravoved. 2017. No. 3 (82). Pp. 130–135.

16. Koltsova E. Yu. Institutions of administrative and disciplinary prejudice in the criminal legislation of the Russian Federation. In the collection: Actual problems of science and practice: Gatchina readings — 2020. Collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference. 2020. Pp. 317–321.

17. Sonchev M. N. Administrative prejudice in the criminal law of Russia // Actual problems of combating crimes. 2021. No. 1. Pp. 25–27.

18. Resolution of the magistrate of judicial district No. 4, Michurinsk, Tambov region dated 03.03.2016 in case No. 1-13 / 2016/4 // Archive of judicial district No. 4, Michurinsk, Tambov region.

УДК/UDC 343.35; 343.98

Объект и предмет незаконного оборота наркотиков: уголовно-правовой и криминалистический аспекты

Хлус Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail:hlus.home@mail.ru
SPIN-код: 1560-4979

Аннотация

Исследуется проблема уголовно-правового и криминалистического понимания объекта и предмета преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. В научной, нормативной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь и Российской Федерации придерживаются традиционной концепции общественных отношений как объекта преступления, абстрактный характер которых исключает возможность отразить систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступном деянии. Криминалистика, изучающая реальности совершенного деяния, рассматривает объект посягательства в качестве материального элемента преступной структуры. Объектом незаконного оборота наркотиков в его криминалистическом понимании является человек, которому в результате деяния причиняется вред. Уголовно-правовое и криминалистическое понимание предмета незаконного оборота наркотиков в целом совпадает. Предлагается унификация научных категорий, которыми оперируют науки уголовно-правового цикла, с целью развития интеграционных процессов в их системе.

Ключевые слова: уголовное право, незаконный оборот наркотиков, криминалистика, материальная структура преступления, объект преступления, предмет преступления.

Object and subject of illegal trafficking in drugs: criminal legal and criminalistic aspects

Khlus Aleksandr Mikhailovich
Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Forensic Science
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail:hlus.home@mail.ru
SPIN Code: 1560-4979

Abstract

The problem of criminal law and forensic understanding of the object and subject of crimes related to the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues is investigated. In the scientific, regulatory and educational literature on criminal law of the Republic of Belarus and the Russian Federation, they adhere to the traditional concept of public relations as the object of a crime, the abstract nature of which excludes the possibility of reflecting the system of traces containing forensically significant information about the committed criminal act. Forensic science, which studies the reality of the committed act, considers the object of the encroachment as a material element of the criminal structure. The object of drug trafficking in its forensic understanding is a person who is harmed as a result of an act. The criminal law and forensic understanding of the subject of drug trafficking is generally the same. The unification of scientific categories, which are used by the sciences of the criminal law cycle, is proposed with the aim of developing integration processes in their system.

Key words: criminal law, drug trafficking, criminalistics, material structure of a crime, object of a crime, object of a crime.

Существенной глобальной проблемой на современном этапе является незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее по тексту — незаконный оборот наркотиков). На значимость этой проблемы для мирового сообщества обращает внимание Организация Объединенных Наций (далее по тексту — ООН), которая еще в 1961 г. приняла Единую конвенцию о наркотических сред-

ствах [1]. На необходимость неотложного и первоочередного внимания к проблеме незаконного оборота наркотиков и злоупотребления наркотическими средствами указала в принятой Декларации Генеральная Ассамблея ООН [2].

С точки зрения Управления ООН по наркотикам и преступности незаконный оборот наркотиков представлен как «незаконная коммерческая деятельность, включающая в себя культивирование, изготовление, распространение и сбыт веществ, подпадающих под действие запретительных законов о наркотиках» [3].

Принимая во внимание и разделяя обеспокоенность мирового сообщества в связи с обозначенной проблемой, учитывая рекомендации международных организаций, законодатель Республики Беларусь установил уголовную ответственность за ряд криминальных деяний, предусмотренных ст. 327–332 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту — УК РБ) [4], совершение которых связано с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами.

Ответственность за незаконный оборот наркотиков в Республике Беларусь предусмотрена ст. 328 УК РБ. В данной статье в виде незаконных действий упоминается изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотиков, совершаемые без цели их сбыта (ч. 1 ст. 328 УК РБ) или с целью сбыта либо незаконный сбыт наркотиков (ч. 2 ст. 328 УК РБ). Аналогичные действия запрещены в ст. 228, 228-1–4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту УК РФ) [5]. Кроме того, российский законодатель установил запрет на незаконные приобретение, хранение, перевозку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ).

Правовые положения, содержащиеся в упомянутых статьях УК РБ и УК РФ, служат основанием для рассмотрения объектно-предметной области незаконного оборота наркотиков.

Представление о содержании уголовно-правовой характеристики деяния будет неполным без определения объекта посягательства, выяснения его места в системе преступлений в целом и в системе преступлений определенной группы. Знание об объекте преступления необходимо для выявления степени общественной опасности деяния и дифференциации уголовной ответственности. Являясь обязательным элементом состава преступления, именно объект позволяет определить направление преступного посягательства.

В соответствии с общими положениями теории уголовного права объектом любого преступления выступают общественные отношения. Такой взгляд на понимание объекта преступления сохраняется в уголовном праве со времен советского государства. Общественное отношение как совокупность связей между людьми и социальное явление имеет абстрактный характер. В таком представлении оно не содержит ничего материального, но, будучи основой правовых отношений, указывает на материальную предпосылку их возникновения. Структуру общественных отношений составляют «субъекты отношений, их деятельность и предметы отношений» [6, с. 65]. Предмет как элемент определенной разновидности отношений может быть овеществлен.

По сложившейся традиции многие ученые в области уголовного права не выходят за пределы понимания объекта преступления как общественных отношений. Этот же подход сохраняется при рассмотрении объекта незаконного оборота наркотиков. В уголовном праве различают родовой, видовой и непосредственный объекты незаконного оборота наркотиков при отсутствии единообразия в их представлении.

Родовым объектом преступлений, связанных с наркотиками, по мнению Э. Г. Гасанова, является здоровье населения [7, с. 153–158; 8]. А. А. Вяземская, выделив из группы преступлений, связанных с наркотиками, деяния, предусмотренные ст. 230–233 УК РФ, в качестве их родового объекта называет «отношения по поводу обеспечения общественной безопасности и отношения по поводу обеспечения общественного порядка» [9, с. 31].

В противовес мнениям указанных и иных ученых высказался С. Б. Гавриш. Он утверждает, что «общественные отношения или иные аналогичные философские понятия не могут выступать в качестве объекта преступления» [10, с. 23].

В научной среде также нет единства в понимании видового объекта незаконного оборота наркотиков. Так, В. П. Шадрин считает, что видовым объектом являются «общественные отношения, составляющие морально-нравственную основу здорового образа жизни» [11, с. 13]. Более определенно высказался о видовом объекте незаконного оборота наркотиков А. М. Сибагатуллин, в качестве которого он указал здоровье населения [12, с. 11]. Проанализировав преступления, содержащиеся в гл. 25 УК РФ, В. А. Зелик высказал мнение, что они направлены на две группы общественных отношений. Одни обеспечивают здоровье населения, вторые — общественную нравственность [13 с. 15].

Что касается непосредственного объекта рассматриваемых преступлений, то следует заметить, что мнение А. А. Вяземской, отметившей, что объект уникален для каждого деяния [9, с. 39], не в полной мере соответствует действительности. Представляется верным тезис о том, что каждое совершенное криминальное деяние уникально, т. к. отличается от аналогичных деяний рядом признаков. Непосредственный объект преступления может быть общим не только для совершенных деяний одного вида, но и для разных составов преступлений. Такой же позиции придерживается В. В. Семенова, рассматривающая различные деяния, связанные с наркотиками. По ее мнению, непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 228-1, 234 и 234-1 УК РФ, является установленный государством порядок законного оборота запрещенных средств и веществ, а в ст. 230 и 232 УК РФ здоровье населения [14, с. 85].

По мнению других ученых в сфере незаконного оборота наркотиков, непосредственный объект совпадает с видовым. Так, непосредственным объектом указанных преступлений предлагается рассматривать «здоровье населения как не подлежащую абсолютной оценке кате-

горию, под которой необходимо понимать такое состояние социума, которое обеспечивает составляющим его отдельным гражданам возможность жить и развиваться в условиях физического, психического и социального благополучия» [15, с. 20].

Большинство исследователей представляют предмет преступления как «вещь материального мира, на которую в ходе совершения преступления оказывается воздействие». «Предметом рассматриваемых преступлений являются наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги» [9, с. 28]. Мы согласны с такой формулировкой предмета преступления, отражающей его суть для многих видов преступлений, в т. ч. и для незаконного оборота наркотиков. При совершении любого деяния, связанного с незаконным оборотом наркотиков, всегда имеет место воздействие на «вещь материального мира». Термин «воздействие» означает «активное влияние субъекта на объект». Это также имеет место в случаях, когда неочевидно проявление активности субъекта. Например, хранение наркотиков без цели сбыта также связано с влиянием на объект, в данном случае на наркотики. В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [16] под незаконным хранением без цели сбыта наркотиков следует понимать действия лица, связанные с незаконным владением наркотиками, в т. ч. для личного потребления (содержание при себе, в помещении, тайнике и других местах), вне зависимости от времени, в течение которого субъект незаконно хранил наркотики.

В подтверждение сказанному можно указать на отличие предметов преступлений, предусмотренных ст. 328 УК РБ, ст. 231 и 233 УК РФ. Предметом деяния, предусмотренного ст. 328 УК РБ, являются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги. В ст. 231 УК РФ, кроме перечисленного, упомянуты также растения, содержащие в себе наркотические вещества. В составе деяния, предусмотренного ст. 233 УК РФ, в качестве предмета преступления упоминаются рецеп-

ты, незаконно выданные или подделанные, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ.

В криминалистической науке объект преступного посягательства предлагается рассматривать иначе. Основываясь на криминалистическом учении о материальной структуре преступления [17], в качестве объекта преступного посягательства следует представлять материальную систему, на которую направлено преступное деяние. Данный криминалистический подход к пониманию объекта преступления существенно отличается от его представления в уголовном праве, где речь идет об общественных отношениях, на которые посягает виновный. Криминалистическое обоснование материального понимания объекта посягательства основывается на реальной возможности восприятия следов, содержащих информацию об объекте, действиях субъекта, совершенных в отношении его, а также информацию о иных материальных элементах, находящихся во взаимосвязи с объектом посягательства в момент совершения криминального деяния. Все это исключается, если понимание объекта будет ограничено уголовно-правовым представлением о нем как об общественном отношении, являющемся научной абстракцией, не имеющей практической значимости с криминалистической точки зрения.

Уголовно-правовая наука в качестве непосредственного объекта незаконного оборота наркотиков рассматривает, как уже мы отметили, здоровье населения [14, с. 85]. Такая формулировка не способствует результативности практической деятельности по расследованию, в рамках которого придется иметь дело не с общественными отношениями (здоровье населения), а реальным объектом, подлежащим исследованию на основе криминалистических знаний.

Криминалистическое представление объекта незаконного оборота наркотиков находится в прямой зависимости от способа совершения преступных действий. Совершение действий, связанных с изготовлением, переработкой, приобретением, хранением, перевозкой или пересылкой наркотиков, при условии отсутствия цели их сбыта (ч. 1 ст. 328 УК РБ) не направлено на какой-либо объект преступного посягательства. Как пра-

вило, субъектом деяния выступает наркоман, совершающий указанные действия с целью удовлетворения собственной потребности в наркотике (например, при изготовлении наркотического средства для собственного потребления). В некоторых случаях субъектом уголовной ответственности по ч. 1 ст. 328 УК РБ может быть лицо, которое не употребляет наркотики. Например, это могут быть отдельные случаи незаконного приобретения наркотиков: присвоение найденных наркотических средств, сбор содержащих наркотические вещества дикорастущих растений или их частей и т. п. Если указанное лицо покупает наркотики, то такой способ их приобретения может указывать на цель сбыта.

В структуре незаконных деяний с наркотиками, имеющих цель их сбыта, также отсутствует материальный элемент, который с позиции криминалистики следовало бы рассматривать объектом посягательства. В данном случае цель сбыта наркотиков не достигнута. Предполагается наличие абстрактного объекта, которому наркотик не был передан, по независящим от виновного лица причинам. Например, Т. приобрел химическое оборудование, реактивы и прекурсоры наркотических средств, необходимые для производства мефедрона. По рецепту, полученному от соучастника в мессенджере, Т. изготовил мефедрон массой около 9 кг. Одну часть наркотического средства Т. расфасовал в виде брикетов разной массы и поместил в виде закладок в Кр-ком и С-ком районах Ч-кой области. Другую часть мефедрона Т. хранил в автомобиле с целью дальнейшей реализации. В результате оперативно-розыскных мероприятий при попытке сбыть наркотики Т. был задержан [18].

В случае незаконного сбыта наркотиков объектом преступного посягательства будет являться человек, которому они переданы, при условии, что этот другой человек потребляет наркотики. Только в таком случае преступное деяние направлено против здоровья и даже жизни человека, которому переданы наркотики. Если сбыт наркотиков другому лицу, не являющемуся их потребителем, не связан с целью одновременной передачи с наркотиком «безраздельных возможностей по его потреблению, хранению или последующему сбыту» [19, с. 100], а ограничивается

передачей с целью временного хранения с последующим возвратом, то эта ситуация не предполагает появление в структуре деяния объекта посягательства. В приведенном примере лица, участвующие в незаконном обороте наркотиков, одновременно выступают в качестве субъектов уголовной ответственности по ч. 1 и 2 ст. 328 УК РБ.

В ч. 3 и 5 ст. 328 УК РБ упоминается человек как объект преступного посягательства, которому причиняется вред в результате незаконного оборота наркотиков. Повышенная уголовная ответственность предусмотрена за незаконные действия с наркотиками в отношении заведомо несовершеннолетнего лица (ч. 3 ст. 328 УК РБ), а также в случае, когда они повлекли «по неосторожности смерть человека в результате потребления им наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» (ч. 5 ст. 328 УК РБ).

Подытоживая рассмотрение объекта незаконного оборота наркотиков, следует отметить, что с криминалистической точки зрения в его качестве может выступать только человек. Криминалистическое описание объекта должно содержать сведения об особенностях его отражения в механизме совершения незаконного оборота наркотиков.

Материальный объект, с которым связана цель совершения преступления, рассматривается в материальной структуре в качестве предмета преступного посягательства. В ряде случаев целью преступников, сбывающих наркотики (ч. 2–4 ст. 328 УК РБ), выступают денежные средства, получаемые в качестве платы за наркотики. Но предмет преступного посягательства может отсутствовать. Например, при совершении любых действий с наркотиками без цели их сбыта отсутствует в структуре деяния предмет преступного посягательства.

Для всех случаев совершения деяний, предусмотренных ст. 328 УК РБ, в качестве обязательного материального элемента выступают наркотики. Данный элемент материальной структуры представляет собой предмет преступления, что совпадает с уголовно-правовым пониманием данного элемента состава незаконного оборота наркотиков. В процессе решения вопроса о возбуждении уголовного дела подлежат выяснению

несколько вопросов. Во-первых, содержится ли в веществе, изъятом у подозреваемого лица, наркотик. После проведения криминалистической экспертизы вещества проверяется его относимость к перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь [20]. Во-вторых, для квалификации деяния имеет значение размер наркотического средства или психотропного вещества. Крупный размер для наркотиков определяется на основании Постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов» [21]. В соответствии с данным постановлением, установлен, например, крупный размер в 400,0 г. для маковой соломы и 80,0 г. для марихуаны.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. По сложившейся традиции в уголовном праве Республики Беларусь и Российской Федерации придерживаются понимания объекта преступления, основываясь на концепции общественных отношений.
2. Абстрактный характер объекта преступления как уголовно-правовой категории не обеспечивает возможность получения криминалистически значимой информации, содержащейся в следах криминального деяния.
3. С криминалистической точки зрения объектом незаконного оборота наркотиков является материальная система, на которую посягает субъект совершения деяния.
4. В качестве объекта незаконного оборота наркотиков в его криминалистическом понимании выступает человек, которому в результате деяния причиняется вред.
5. Понимание предмета незаконного оборота наркотиков в уголовном праве и криминалистике совпадает. В его качестве рассматриваются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги (ст. 328 УК РБ). Кроме того, в уголов-

ном праве России предметом незаконного оборота наркотиков признаются растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ).

6. С целью развития интеграционных процессов, получивших свое начало в науках уголовного права и криминалистики, предлагается унифицировать общие научные категории, которыми они оперируют.

Список литературы:

1. Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf (дата обращения: 09.11.2021).

2. Декларация о борьбе против незаконного оборота наркотиков и злоупотребления наркотическими средствами: принята резолюцией 39/142 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1984 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl _conv/declarations/drug _trafficking.shtml (дата обращения: 09.11.2021).

3. Незаконный оборот наркотиков // Сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.html. (дата обращения: 17.11.2021).

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-online». URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275. (дата обращения: 17.11.2021).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (дата обращения: 17.11.2021).

6. Винокуров В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика : моногр. М.: Юрлитинформ, 2010. 224 с.

7. Гасанов Э. Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками (Антинаркотизм): дисс. ... д-ра юрид. наук. Баку, 2000. 456 с.

8. Гасанов Э. Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками (антинаркотизм). Одесса: Астропринт, 1998. 68 с.

9. Вяземская А. А. Незаконный оборот наркотиков по уголовному законодательству Российской Федерации (ст. 230–233 УК) и Нидерландов (сравнительно-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид наук. М., 2015. 261 с.

10. Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений // Право и политика. 2000. № 11. С. 23–27.

11. Шадрин В. П. Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для одурманивания и проблемы ее реализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 1991. 23 с.

12. Сибагатуллин А. М. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие незаконному обороту прекурсоров в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 24 с.

13. Зелик В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 24 с.

14. Семенова В. В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения: дисс. ... канд. юрид наук. СПб., 2019. 235 с.

15. Федоров С. Г. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 33 с.

16. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-61074/#dst100105 (дата обращения: 17.11.2021).

17. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. Мн.: Тесей, 2012. 228 с.

18. Житель Челябинска получил тюремный срок за покушение на сбыт наркотика // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/12235783 (дата обращения: 17.11.2021).

19. Шевченко Е. Н. Проблемы понимания сбыта наркотических средств в доктрине и судебной практике // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 4 (21). С. 95–102.

20. Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь:

Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11.02.2015 № 19. URL: https://www.rceth.by/Documents/3mz2poN1920151125.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

21. Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.09.2019 № 606 // Национальный правовой интернет-портал Республики Белорусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21900606 (дата обращения: 10.11.2021).

References:

1. Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 as amended in accordance with the 1972 Protocol amending the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 // Official website of the United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_-conv/conventions/pdf/single1961.pdf (access date: November 09, 2021).

2. Declaration on the fight against illicit drug trafficking and drug abuse: adopted by resolution 39/142 of the UN General Assembly of 12/14/1984 // Official website of the UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/drug _-trafficking.shtml (access date: November 09, 2021).

3. Illicit drug trafficking // Website of the UN Office on Drugs and Crime. URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.html. (access date: November 11, 2021).

4. The Criminal Code of the Republic of Belarus of 07/09/1999 No. 275-З // Information retrieval system "ETALON-online". URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275. (access date: November 17, 2021).

5. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as revised on 01.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 22.08.2021) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: November 17, 2021).

6. Vinokurov VN Object of crime: theory, legislation, practice: monograph. M .: Yurlitinform, 2010. 224 p.

7. Hasanov E. G. Criminal-legal and criminological problems of combating drug-related crimes (Antinarcotism): diss. ... dr. legal sciences. Baku, 2000. 456 p.

8. Hasanov E. G. Criminal and criminological problems of combating drug-related crimes (anti-drug). Odessa: Astroprint, 1998. 68 p.

9. Vyazemskaya A. A. Illicit drug trafficking under the criminal law of the Russian Federation (Articles 230-233 of the Criminal Code) and the Netherlands (comparative legal study): diss. ... Cand. legal sciences. M., 2015. 261 p.

10. Gavrish S. B. Theoretical preconditions for the study of the object of crimes // Law and Politics. 2000. No. 11. Pp. 23–27.

11. Shadrin V. P. Criminal liability for the organization or maintenance of dens for stupefaction and the problems of its implementation: author. diss. ... Cand. legal sciences. Tomsk, 1991. 23 p.

12. Sibagatullin A. M. Criminal law and criminological counteraction to illegal trafficking in precursors in Russia: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2015. 24 p.

13. Zelik V. A. Criminal-legal and criminological aspects of countering drug addiction in Russia: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2011. 24 p.

14. Semenova V. V. Criminal liability for inducement to consume funds and substances that pose a threat to public health: diss. ... Cand. legal sciences. SPb., 2019. 235 p.

15. Fedorov S. G. Criminal liability for drug trafficking: problems of theory and practice: author. diss. ... Cand. legal. sciences. N. Novgorod, 2021. 33 p.

16. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 No. 14 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/#dst100105 (access date: November 17, 2021).

17. Guchok A. E. Fundamentals of the forensic doctrine of the material structure of a crime. Minsk: Tesey, 2012. 228 p.

18. A resident of Chelyabinsk received a prison sentence for attempted drug sale // TASS Information Agency. URL: https://tass.ru/proisshestviya/12235783 (access date: November 17, 2021).

19. Shevchenko E. N. Problems of understanding the sale of narcotic drugs in doctrine and judicial practice // Russian Journal of Legal Research. 2019. Vol. 6.No. 4 (21). Pp. 95–102.

20. Republican list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to state control in the Republic of Belarus: Resolution of the Ministry of Health of the Republic of Belarus No. 19 dated February 11, 2015. URL: https://www.rceth.by/Documents/3mz2poN1920151125.pdf (access date: November 10, 2021).

21. On the establishment of a large size of narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors or analogues: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated 09.09.2019 No. 606 // National legal Internet portal of the Republic of Belarus. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21900606 ((access date: November 10, 2021).